

7 69
10905

10905

L. Barts

№ 2.

ОБОЗРѢНІЕ ЯПОНСКАГО АРХИПЕЛАГА

Большая часть предлагаемаго «Обозрѣнія», какъ читатель увидитъ изъ подписей подъ главами, обработана еще лѣтомъ 1870 года въ Японіи, напечатана же осенью того года за границей. Выходящій нынѣ первый выпускъ подходитъ подъ эти условія сполна. Вслѣдствіе этого во введеніи не упомянуто объ одномъ важномъ трудѣ, относящемся до Японіи и вышедшемъ въ 1870 году, именно о «Физической географіи Японскаго моря» академика *Шренка*; а кромѣ того не пояснено, что книга *Диксона* переведена на русскій языкъ.

2 Марта 1870.

М. В.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Марта 1871 года.

Скоропечатня Ю. О. Шрейера (Милліонная, 7).

210-12.

L. Fuchs

№ 2.

ОБОЗРѢНІЕ
ЯПОНСКАГО АРХИПЕЛАГА

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЕГО СОСТОЯНІИ

СОЧИНЕНІЕ

М. ВЕНЮКОВА

СЪ КАРТОЮ.

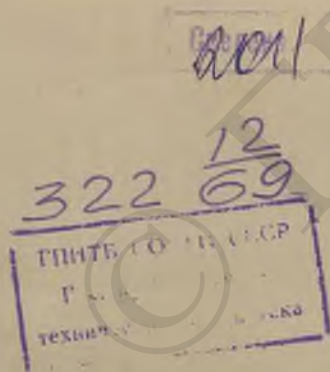
1871.

169

10905

1/3

Надъ покрытымъ многовѣковою туманной завѣсой крайнимъ востокомъ Азіи взошла прекрасная утренняя заря. Цѣлое племя, многочисленное и даровитое, но долго отдѣленное отъ остальнаго міра положеніемъ своей страны и государственными уставами, примкнуло къ торжественному ходу передовыхъ народовъ земли. Съ запасомъ свѣжихъ и бодрыхъ силъ, съ пламеннымъ рвеніемъ юности оно стремится догнать тѣхъ, которые опередили его. Все старое, отжившее, непригодное для новыхъ условій жизни, откидывается; все современное, полное мощи и возбуждающее лучшія силы духа, принимается съ увлеченіемъ. И двигателемъ историческаго преуспѣянія является не желѣзное самовластіе правителей, какъ въ Египтѣ, Сіамѣ и имъ подобныхъ странахъ, а общественное сознаніе, пробужденное внѣшнимъ толчкомъ отъ многовѣковаго застоя. Пробѣгая лѣтописи прошедшаго, мы находимъ немного подобнаго этому быстрому поступательному движенію въ судьбахъ самыхъ даровитыхъ народовъ Востока и Запада. Распространеніе греческой образованности въ Римѣ и въ западной Азіи, возрожденіе наукъ въ Европѣ XV столѣтія, преобра-

зованія Петра Великаго, большое умственное движеніе восемнадцатаго вѣка,—все совершалось не съ большою скоростью, чѣмъ происходящее нынѣ духовное, общественное, государственное и промышленное перерожденіе Японской имперіи. Для философа-историка, для мыслящаго государственнаго дѣятеля это представляетъ зрѣлище, полное поучительности и неотразимаго обаянія; для тѣхъ, кого страстное участіе въ ходѣ событій и удары судьбы приводятъ къ печальному невѣрію во внутреннее достоинство нашихъ образованности и гражданственности, это — историческое явленіе, способное облегчить душевную усталъ.

Во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія вообще нѣтъ болѣе важнаго по своимъ послѣдствіямъ, болѣе всеобъемлющаго историческаго событія, какъ приобщеніе судебъ азіатскаго Востока къ судьбамъ европейскаго Запада. Три высоко-даровитые государственные челоѣка, почти одновременно, хотя разными способами, дали первоначальный толчекъ этому поступательному движенію европейскихъ началъ на азіатскія прибрежья Тихаго океана: графъ Муравьевъ-Амурскій въ Маньчжуріи, Даніель Уэбстеръ въ Японіи и лордъ Пальмерстонъ въ Китаѣ. Слѣдствія этого почина пока вышли неодинаковы; но онѣ способны возбуждать самое горячее сочувствіе тѣхъ, кого судьба привела жить и дѣйствовать въ эпоху событій, а тѣмъ болѣе принимать въ нихъ хоть какое-нибудь участіе. Самая разность исходовъ трехъ одновременныхъ начинаній глубоко поучительна для умовъ, неповрежденныхъ теоріями, не забитыхъ рутинною и способныхъ видѣть событія въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Предлагаемая книга есть отчасти плодъ такого сочувствія къ событіямъ на востокѣ Азіи. Въ своемъ первоначальномъ, зародышномъ состояніи она была обнародована около двухъ лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства позволили мнѣ ближе узнать предметъ, лично наблюдать многое и воспользоваться указаніями людей, которыхъ свѣдѣнія и добросовѣстность по-видимому стоятъ внѣ сомнѣній. Однако книга отнюдь не есть полный отчетъ о преуспѣяніи Японіи, а, напротивъ, лишь первоначальное руководство для тѣхъ, кто вздумаетъ изучать эту страну въ ея современномъ видѣ. И если содержаніе ея довольно разнообразно, то все-таки съ моей стороны нѣтъ и не можетъ быть никакихъ домогательствъ замѣнить ею образцовые труды Кемпфера, Зибольда, Диксона и проч., которые неизбѣжно станутъ предметомъ изученія каждаго, кто захочетъ узнать Японію не по одному учебнику или даже не по одному личному, но кратковременному пребыванію въ открытыхъ иностранцамъ портахъ ея.

Прошу особенно снисходительнаго вниманія читателей къ главамъ о государственномъ устройствѣ Японіи и о сношеніяхъ ея съ иностранцами, гдѣ, быть можетъ, они найдутъ слѣды моихъ личныхъ, т. е. ненеобходимыхъ, а случайныхъ убѣжденій и взглядовъ. Въ оправданіе себя я могъ бы привести, что очень немного параллельнаго этимъ главамъ можно найти въ самихъ богатыхъ европейскихъ литературахъ, что это, во многихъ отношеніяхъ, первые опыты. Но я избѣгну такого приѣма: въ портфель моемъ и въ небольшой походной библіотекѣ есть достаточно печатныхъ и ни-

къмъ публично не опровергнутыхъ данныхъ, чтобы въ случаѣ нужды каждое мое положеніе подтвердить соотвѣтственною цитатою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я даже прямо говорю словами источниковъ, какъ въ очеркѣ современнаго законодательнаго движенія въ Японіи; и если не приложилъ цѣлой брошюры ссылокъ, то сдѣлалъ это на тѣхъ-же основаніяхъ, которыми руководствовались напр. Кемпферъ, Диксонъ и другіе.

Для справокъ людямъ дѣловымъ въ концѣ книги помѣщенъ довольно длинный рядъ таблицъ и другихъ приложений. Тутъ, между прочимъ, нашли мѣсто договоры, которыми опредѣляются отношенія Японіи къ отечеству нашему. Этого рода свѣдѣнія въ нашъ дѣловый вѣкъ конечно будутъ небезполезны.

Въ заключеніе этого предисловія не могу отказать себѣ въ удовольствіи принести публичную благодарность двумъ соотечественникамъ : К. С. Старицкому и А. С. Малендѣ, которые имѣли благосклонность принять на себя просмотръ или пополненіе нѣкоторыхъ главъ; именно, первый — о моряхъ и о Сахалинѣ, а послѣдній о государственномъ устройствѣ. Г. Маленда, принадлежащій къ числу знатоковъ Японіи, сдѣлалъ это, даже не зная меня въ лицо.

М. Венюковъ.

Римъ, 2 октября 1870.

ОБОЗРѢНІЕ ЯПОНСКАГО АРХИПЕЛАГА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕОГРАФІЯ И СТАТИСТИКА ЯПОНИИ

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Предисловіе	Стр. iii
Введеніе : о средствахъ къ ознакомленію съ Японіею. . .	1
Математическое положеніе и пространство	19
Топографическое и геологическое строеніе почвы . . .	25
Моря, окружающія Японію; озера, рѣки	38
Климатъ и органическая природа	46
Этнографія Японіи; Аины, Ликейцы	58
Важнѣйшіе населенные пункты	70
Состояніе промышленности	92
Государственное устройство и управленіе	114

ОБОЗРѢНІЕ ЯПОНІИ

ВВЕДЕНІЕ

О средствахъ къ ознакомленію съ Японіей.

Въ наше время путешествій въ далекія страны и описанія ихъ совершенно утратили тотъ характеръ, который онѣ имѣли въ XV, XVI и даже XVIII вѣкѣ. Тогдашніе путешественники пускались большою частію наугадъ, въ мѣста неизвѣданныя, гдѣ они собирались дѣлать открытія. Затѣмъ, приставъ къ далекому берегу, познакомясь, иногда очень поверхностно, съ новой страной, они возвращались домой съ увѣренностью, что всякая мелочь, ими подмѣченная и описанная, займетъ общее любопытство. Самая идея далекихъ странствованій была привлекательна, потому что путешествія надолго удаляли отъ обыденныхъ предметовъ и нерѣдко сопровождались многими романтическими подробностями, а иногда и не малыми трудностями, которыя преодолѣть способна была только сильная воля, руководимая высшимъ умомъ или горячимъ воображеніемъ. Еще въ началѣ нашего вѣка кругосвѣтныя плаванія длились по годамъ, хотя географическія открытія стали уже рѣдкостью; а въ XVIII-мъ Кукъ, Ванкуверъ, Лаперузъ и многіе другіе отважные мореходцы оставляли европейскіе берега на очень долгое время. Они переносились изъ одного полушарія въ другое, знакомялись съ новыми частями свѣта, съ цѣлыми архипелагами острововъ, съ ихъ природой, жителями и проч., и эта смѣна впечатлѣній непосредственныхъ, цѣльныхъ, вносила въ ихъ душу живыя картины, которыхъ прелесть передать было нетрудно, оставаясь на чисто повѣствовательной почвѣ.

Совсѣмъ не то въ наше время. Желѣзныя дороги и пароходы уменьшили пространства, сократили время и сдѣлали почти невозможными романтическія случайности. Журналы, внимательно слѣдящіе

за всѣми событіями, уничтожили интересъ повизны, который много служилъ къ распространенію прежнихъ "путешествій" и "описаній", а успѣхи землезнаія почти не оставили ничего ревнивой любознательности путешественниковъ-открывателей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Африки, Австраліи и мѣстъ, сосѣднихъ полюсамъ, теперь нѣтъ странъ невѣдомыхъ, неизслѣдованныхъ, болѣе или менѣе, топографами, естественными испытателями, этнографами и даже филологами и историками. Въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ не найдется клочка земли пространствомъ болѣе Германіи, о которомъ бы хоть чего-либо не было писано или природа котораго намъ была бы вполнѣ неизвѣстна. Запасъ свѣдѣній растетъ съ быстротой, истинно изумительной, и немногіе лишь специалисты-географы въ состояніи слѣдить за его накопленіемъ.

Отъ самыхъ путешественниковъ теперь требуется совѣтъ много, чѣмъ было въ XVI вѣкѣ, и ихъ описанія изъ сферы повѣствовательной переходятъ почти сплошн въ дидактическую. Всякій нынѣ желаетъ — и справедливо — отъ авторовъ поменьше подробностей о ходѣ самаго странствованія и побольше трѣхъ данныхъ о посѣщенной странѣ. Путешественнику притомъ ставятъ въ укоръ, если онъ не былъ подробно знакомъ съ краемъ прежде, чѣмъ поѣхалъ въ него, развѣ край этотъ — средина Африки или Новой Голландіи. И такое знакомство должно не ограничиваться изученіемъ какого-либо одного сочиненія, хотя бы самаго полнаго, но по возможности охватывать всю литературу предмета и даже содержать критическій взглядъ на нее. А если произведенія страны уже собраны въ музеяхъ или ученыхъ коллекціяхъ, то и знакомство съ ними составляетъ какъ бы нравственную обязанность путешественника, хотя оно и влечетъ за собою потерю времени и значительныхъ средствъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ дарованія путешественника могутъ замѣнить недостатокъ этой предварительной подготовки; но и тогда обыкновенно бываетъ замѣтна или неполнота, или односторонность его труда, отнимающая часть достоинствъ его. Современное "путешествіе", если такъ можно выразиться, должно быть итогомъ того, что сдѣлано цѣлою фалангою людей, трудившихся прежде, и на личной отвѣтственности автора лежить только вѣрность изложенныхъ данныхъ, ихъ современность и занимательность изложения.

Насколько такіа условія разрушаютъ очарованіе путешествія, нетрудно понять. Прелесть новизны, непосредственность впечатлѣній страны пропадаютъ почти совсѣмъ. Впечатлѣніе это дробится на множество представленій, изъ которыхъ одинъ почерпнутъ прямо изъ природы, другіе изъ книгъ и музеевъ. Эти разнородныя представленія нерѣдко борются между собою, оставляютъ въ душѣ сомнѣнія, и въ результатъ выходитъ неясность общаго созерцанія, неясность, которой можно избѣгать только долговременнымъ

пребываніемъ въ краѣ и повѣркою, по возможности, всего, что вынесено изъ предварительныхъ изученій. Счастливы тотъ путешественникъ, которому удастся, не смотря на эту борьбу, вывести отчетливый очеркъ видѣнной имъ картины. Его не подавляетъ масса авторитетовъ, его странствованія становятся, по крайней мѣрѣ для него самаго, одною поэмою, стройною и художественною, и онъ не бываетъ вынужденъ впадать въ противорѣчія съ самимъ собою, подобно напр. нашему мореходу Головинну, который хотѣлъ описывать только то, что самъ видѣлъ въ Японіи, и которому однако пришлось существеннѣйшую, но заимствованную, часть картины страны отдѣлить въ особое дѣло, независимое отъ разсказа о его приключеніяхъ.

Я не имѣю никакого притязанія приравнять мой настоящій трудъ къ "путешествіямъ" или "описаніямъ" ученыхъ испытателей природы, мореходцевъ, этнографовъ и проч. Это просто географическіе очерки, назначенные для первоначальнаго ознакомленія съ Японскимъ архипелагомъ. То, что сказано было сейчасъ, направлено лишь къ тому, чтобы оправдать форму этого сочиненія, не повѣствовательную, а дидактическую, при которой личныя мои впечатлѣнія не отдѣлены отъ заимствованій у другихъ авторовъ. Но я не могу здѣсь не прибавить, что форма эта налагала на меня довольно нелегкія обязанности: извѣстную степень полноты изложенія и критическую оцѣнку массы матеріаловъ, которой я, не бывъ уроженцемъ Японіи, никогда однако-же не въ состояніи былъ достигнуть съ желаемымъ совершенствомъ. Строго говоря, никакое обозрѣніе той или другой страны не можетъ быть вполнѣ удовлетворительнымъ, если оно написано иностранцемъ, и исключеніе, въ родѣ "*Essai politique sur la Nouvelle Espagne*" Гумбольдта или "*Empire des Czars*" Шницера, возможны лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Но ожидать подобнаго сочиненія объ Японіи отъ самихъ японцевъ вѣроятно придется долго..... Какъ однако-же, во всякомъ случаѣ, читатель вправѣ желать и даже требовать, чтобы ему гарантирована была правдивость содержанія книги; то я рѣшаюсь здѣсь утомить нѣсколько его вниманіе, перечисливъ источники, которые были у меня на виду для предварительныхъ изученій. Безъ нихъ, я полагаю, не въ состояніи обойтись ни одинъ европеецъ, который сдѣлаетъ Японскій архипелагъ предметомъ своихъ занятій дома или даже на мѣстѣ, а потому это введеніе вѣроятно не будетъ бесполезно для читателя. Для того-же, чтобы не обременить его, я постараюсь быть по возможности краткимъ.

Японія до начала второй половины текущаго столѣтія принадлежала къ числу странъ, вполнѣ знакомыхъ европейцамъ. Благодаря ея двухвѣковому отчужденію отъ всего остальнаго свѣта, о ней забыто было даже то, что собрано въ XVI и XVII вѣкѣ. Самые

недалекіе по времени труды, напр. Тунберга, Фишера, Дюффа, были знакомы только специалистам^(*), и исключение оставалось разве за Зибольдомъ, о которомъ впрочемъ большею частью судили лишь по наслышкѣ и по многочисленнымъ рисункамъ, приложеннымъ къ его неконченному изданію. Тѣмъ не менѣе географическая литература о Японіи за первые три столѣтія послѣ ея открытія (1543—1853) довольно обширна; и если ея нельзя поставить въ рядъ съ необъятнымъ собраніемъ сочиненій о Китаѣ и Индіи, то все-таки содержаніе ея богато, разнообразно и поучительно даже для нашей эпохи. Изслѣдователи прежняго времени коснулись почти всего, что способно интересовало путешественника и иностранца, собирающагося постигнуть японское государство, а медленность историческаго развитія этого государства сохранила за ихъ трудами достоинство относительно свѣжести. Назову главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ.

Первое по времени сочиненіе составляютъ письма іезуитовъ-миссіонеровъ, проникшихъ въ Японію одновременно съ ея открытателями. Онѣ носятъ названіе *Epistolae Japonicae* и составляютъ нѣсколько серій, изданныхъ разновременно. Самая ранняя относится къ 1569 году и составляетъ два тома, опубликованныхъ въ Лувенѣ. Затѣмъ слѣдовала вторая, обыкновенно носящая имя издателя своего, *Maßfusen*, и вышедшая въ Парижѣ въ годъ варолюмеевской ночи (1572). Въ 1605 году сюда присоединилось новое собраніе, составленное *Joannemъ Gaillo*, собраніе богатое разнаго рода подробностями и потому весьма занимательное. Всѣ эти сочиненія, хотя и имѣли по нѣскольку изданій, составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость и даже въ XVIII вѣкѣ, въ библіотекѣ богатаго любителя путешествій, Ганса Слоана, находились не вполне. Само собою разумѣется, что *Epistolae Japonicae*, бывшія собственно отчетами іезуитовъ генералу ихъ ордена въ Римѣ, имѣли въ виду прежде всего интересы вѣроученія, ими пропагандированнаго; но онѣ богаты и разными другими данными, особенно о государственномъ устройствѣ, религіи, бытѣ, культурѣ страны и проч. Въ наше время эти сочиненія могли бы служить точкою отправленія для сравнительнаго изученія общихъ успѣховъ японцевъ въ цивилизаціи; но едва ли кто предприметъ подобный трудъ.

За іезуитскими письмами и даже наравнѣ съ ними слѣдуетъ поста-

(*) Да и то не всегда. Собираясь въ 1868 г. въ поѣздку, я имѣлъ случай неоднократно *впервые* разрѣзывать книги о Японіи, хранящіяся въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Многихъ сочиненій, даже Кемпфера, нельзя было найти въ лучшихъ петербургскихъ книгохранилищахъ за исключеніемъ императорскаго. Въ магазинахъ не было Гаука, Олькока и другихъ, весьма извѣстныхъ книгъ. Въ Сибиріи лица, которыхъ самое общественное положеніе вызываетъ на изученіе сѣверныхъ странъ, не знали ничего о Кемпферѣ, Тунбергѣ и т. п.

вить: 1) “Реллицію о посольствѣ японцевъ въ Римъ”, *Gualtieri*, 1586 г.: реллиція эта содержитъ, между прочимъ, описаніе Японіи^(*); 2) “Шестнадцать книгъ исторіи Индіи” упомянутого уже *Maßfusen*, 1590 г.: 3) *Tolozienow* “Исторію замѣчательностей Остѣ-Индіи и другихъ странъ, открытыхъ португальцами” 1608—1611 г.; 4) “Путешествія” Фернандо Мендеса *Литто*, копѣй португальскій подлинникъ явился въ 1614 г.; 5) “Письма о путешествіи въ Индію”, англичанина *Адамеа*, который былъ лоцманомъ на корабляхъ голландцевъ, и 6) “Правдивое описаніе Японіи”, *Ф. Карона*, капитана голландскаго флота, 1622—1629 г. Это послѣднее сочиненіе было особенно популярно въ теченіе долгаго времени. Оно составлено авторомъ въ отвѣтъ на вопросы, предложенные главнымъ директоромъ нидерландской Остѣ-Индской компаніи, Тукисомъ, и, будучи дополнено, при разныхъ изданіяхъ, примѣчаніями многихъ авторовъ — Гагенера, Гисберга, Крамера, Мерклина и др., — долго служило какъ бы энциклопедіею европейскіхъ свѣдѣній объ Японіи. Изъ голландцевъ, которые, послѣ португальцевъ, были первыми европейцами, проникшими въ Японскій архипелагъ, можно еще назвать *Линсротена*, который составилъ короткое описаніе страны по распросамъ въ Гоа. По говоря вообще, до самаго изгнанія христіанъ изъ Японіи, въ 1638 г., главные о ней труды принадлежали тогдашнимъ передовымъ дѣятелямъ европейскаго знанія—іезуитамъ, и къ упомянутымъ уже сочиненіямъ ихъ можно прибавить: “Исторію того, что произошло въ Японіи”, Петра *Морена*, которымъ впервые описанъ Мацмай; “Церковную исторію Японіи”, *Солье*, 1627 г.; “Торжествующее въ Японіи христіанство”, *Триго*; “Извѣстія о провинціи Японіи”, *Кардима*, и нѣсколько другихъ, менѣе замѣчательныхъ. Іезуиты, правда, не руководствовались высокою цѣлью собственно научнаго, всесторонняго и безпристрастнаго изученія новооткрытой страны; но они неутомимо собирали разныя свѣдѣнія о ней, изучали ея устройство, вѣру, языкъ^(**), естество-историческія и математическія познанія японцевъ и проч., пока не постигла ихъ катастрофа, имѣя-же подготовленная и стопившая жизни многимъ тысячамъ христіанъ-японцевъ и европейцевъ.

Съ половини шестнадцатаго вѣка, т. е. съ изгнанія португальцевъ и англичанъ изъ Японіи, начинается второй періодъ европейской литературы относительно этой страны. Значительная часть сочиненій, появившихся съ этого времени, не имѣла уже характера са-

(*) Другое изданіе по поводу того-же посольства, подъ названіемъ: “*De missione legatorum Japonensium*”, 1590 года, было напечатано по-латыни и по-японски и содержало описаніе Европы—для японцевъ.

(**) Первые словарь и грамматика японскаго языка составлены іезуитомъ *Болладо* въ 1612 г.; наиболѣе полное сочиненіе о грамматикѣ принадлежитъ іезуиту-же *Родригесу*.

мобытности, а принадлежала къ разряду компиляцій, болѣе или менѣе полныхъ, но не двигавшихъ впередъ знаній. Труды эти конечно имѣли свое достоинство, потому что въ сжатой, систематической формѣ предлагали читателямъ то, что разбросано въ разныхъ прежнихъ извѣстіяхъ; но все таки они не могли удовлетворить любопытству европейцевъ, которыхъ понятія, тѣмъ временемъ, по сверженіи узъ схоластики и классицизма, быстро расширились во всѣхъ направленіяхъ. Изъ числа этихъ компиляцій назовемъ здѣсь, во-первыхъ, сочиненіе Бернгарда *Вареніуса*, “Описаніе Японскаго государства”, которое появилось въ 1649 году, т. е. въ такое время, когда главные дѣятели по изученію Японіи еще были живы, и труды ихъ были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Сочиненіе Вареніуса не велико, но обстоятельно, какъ все, что выходило изъ подъ пера знаменитаго въ свое время географа. Наряду съ нимъ можно поставить книгу голландца-же *Гагснера*, “Извѣстіе о Японіи”, долгое время бывшую единственнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній объ этой странѣ для насъ русскихъ, такъ-какъ она одна удостоилась перевода на русскій языкъ. Третій, болѣе обширный, компилятивный трудъ, составляетъ книга *Мерса*, “Замѣчательныя посольства къ японскому императору”, гдѣ изложены многія подробности о бытѣ японцевъ и о отношеніяхъ съ ними въ XVI и XVII вѣкахъ европейскихъ народовъ. Книга эта, обогащенная многими рисунками въ текстѣ, вышла въ 1690 году и, какъ великолѣпное по тому времени изданіе, посвящена королю Людовику XIV; по научнымъ достоинствъ она не имѣетъ; въ ней даже много фальшиваго. Послѣ того изрѣдка стали появляться сочиненія членовъ голландской факторіи въ Деппѣ, преимущественно пачальниковъ ея и врачей, и имъ-то наука обязана какъ цѣлѣнкою многихъ изъ прежнихъ свѣдѣній, такъ особенно разработкою данныхъ о естественной производительности страны (*). Выше всѣхъ писателей этого времени нужно поставить Ангельберта *Кемпфера*, котораго трудъ, “Исторію Японіи естественную, гражданскую и церковную”, можно назвать классическимъ. Кемпферъ былъ врачъ, по окончаніи пребыванія въ Японіи получившій мѣсто придворнаго медика при одномъ изъ многочисленныхъ германскихъ князей того времени. По своимъ занятіямъ онъ болѣе всего принадлежалъ къ разряду ботаниковъ, но его обширныя свѣдѣнія простирались на всѣ отрасли знанія описаннаго имъ края. Сочиненію его однако грозила участь остаться въ неизвѣстности, такъ-какъ по недостатку средствъ и за смертію онъ не успѣлъ издать его; но тутъ явился на помощь богатый англійскій любитель наукъ, Гансъ Слоанъ, и спасъ “Исторію Японіи” отъ забвенія. Первое изданіе этого высоко-анимательнаго сочиненія явилось въ Лондонѣ, въ 1728 году, на

(*) Естественная исторія Японіи впервые служила предметомъ изслѣдованій для Клейфа и Тень-Рина, медиковъ голландской факторіи.

англійскомъ языкѣ; затѣмъ французскій переводъ вышелъ въ Парижѣ въ 1732 году. Первая его часть содержитъ географическое описаніе Японской имперіи и частію свѣдѣнія о странахъ, посѣщенныхъ предъ тѣмъ сочинителемъ; во-второй разсматривается политическое устройство и состояніе Японіи; въ третьей—ея религія, въ четвертой—обычаи и законы, а пятая содержитъ описаніе двухъ путешествій изъ Нагасаки въ Еддо. Кромѣ того при книгѣ есть пять дополненій, трактующихъ о чаѣ, бумагѣ и проч., и приложено много картъ и рисунковъ. Собственно ботаническія изслѣдованія и открытія автора помѣщены въ другомъ его трудѣ “*Amoenitates exoticae*”; но и въ “Исторіи Японіи” отведено довольно мѣста обзору естественныхъ богатствъ страны, какъ растительныхъ, такъ животныхъ и минеральныхъ. По разнообразію содержанія, точности, простотѣ и ясности изложенія ни одно изъ извѣстныхъ доселѣ сочиненій о Японіи, даже новѣйшихъ, не можетъ стать въ уровень съ кемпферовымъ, и исключеніе осталось бы развѣ за Зибольдомъ, еслибы трудъ его былъ оконченъ. А потому “Исторія Японіи” должна составлять основной предметъ изученія для всякаго, кто желаетъ ознакомиться съ этой страной, быть его настольною книгою и никогда, по возможности, не покидать его, даже при путешествіи по краю. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать ея автору, это панвность его, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызываетъ улыбку, какъ напр. при изложеніи имъ теоріи происхожденія японцевъ изъ западной Азіи.

Къ современнымъ Кемпферу или недалекимъ отъ него по времени изданіямъ относительно Японіи нужно отнести: великолѣпный “Японскій Атласъ”, Арнольда *Монтануса*—изданіе впрочемъ не научное; *Валентинову* “Восточную Индію”, 5 томовъ, 1724—1726 г., и *Шарлевуа* “Исторію Японіи” 1736 года, 4 тома. Въ сочиненіи Валентина разсматриваются вообще открытія, сдѣланныя голландцами въ юго-восточной Азіи и описываются успѣхи нидерландской Ост-Индской компаніи. Тутъ нашли себѣ мѣсто извѣстія о всѣхъ первыхъ голландскихъ мореходахъ, посѣщавшихъ Японію, Адамсѣ, Квекернесѣ, Зандфортѣ, Твистѣ и проч. Шарлевуа стоитъ на плечахъ католическихъ миссіонеровъ, и сочиненіе его подробно разсматриваетъ ихъ дѣятельность. Но кромѣ того у него находится дѣльное и точное описаніе самой Японіи, которое до нынѣ не лишено цѣны. Обзоръ дѣятельности португальцевъ въ Японіи сдѣлалъ *Лафрито* въ его “Исторіи открытій и завоеваній” этой націи, и книга его, вмѣстѣ съ сочиненіями Валентина и Шарлевуа, принадлежитъ къ числу главныхъ матеріаловъ для исторіи перваго періода сношеній европейскихъ народовъ съ японцами.

Почти все XVIII столѣтіе прошло безъ пріобрѣтенія новыхъ свѣдѣній о Японскомъ архипелагѣ. За прекращеніемъ почти всякихъ сношеній съ этой страной, европейское общество какъ бы забыло

о ней или, со словъ озлобленныхъ католическихъ монаховъ, поминало ее не добромъ. Между тѣмъ она обращала на себя вниманіе, если не государственныхъ и практическихъ людей, то естествоиспытателей, которые знали изъ Кемпфера, что Японія содержитъ многочисленные виды животныхъ, растений и ископаемыхъ, но которые не могли довольствоваться его извѣстіями, такъ-какъ требованіи науки возрасли въ теченіе вѣка съ немовѣрною быстротою. Шведскій ботаникъ *Тунберга*, ученикъ Линнея, далъ отвѣтъ на эту потребность, принявъ на себя должность врача при голландской факторіи и издавъ, по возвращеніи оттуда, “Флору Японіи” и “Путешествіе” въ эту страну; “Флора” есть собственно каталогъ растений, съ краткими описаніями и нѣсколькими рисунками растений, которыя ботаникъ успѣлъ собрать въ короткій мѣсячный срокъ гербаризаціи вокругъ Нагасаки и по пути въ Іеддо; по этому она не больше, какъ матеріалъ для современнаго изслѣдователя, но не полное описаніе растительности страны. “Путешествіе-же” *Тунберга* принадлежитъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ трудовъ о Японіи и о нѣкоторыхъ другихъ странахъ, посѣщенныхъ авторомъ по пути туда. Оно вышло сначала, въ 1789—1793 годахъ, на шведскомъ языкѣ, въ 4-хъ томахъ in-folio, потомъ, въ 1796 г. на французскомъ, съ примѣчаніями Лавгеса и Ламарка. Собственно до Японіи относится только 3-я книга и небольшія части 2-ой и 4 ой; первая-же и большая половина 2-ой и 4 ой посвящены Мысу Доброй Надежды, Цейлону и Явѣ. Но и при небольшомъ объемѣ *тунбергова* описаніе Японіи довольно богато данными. Имъ произведены первыя метеорологическія наблюденія въ Нагасаки, собранъ небольшой словарь японскаго языка съ нѣсколькими грамматическими замѣчаніями къ нему, изложены любопытныя свѣдѣнія о торговлѣ голландцевъ и китайцевъ, о монетахъ въ Японіи, о производительности ея и промыслахъ, о полиціи и общественныхъ развлеченіяхъ. Сочинитель вообще восхваляетъ японскіе нравы, подобно многимъ своимъ предшественникамъ и послѣдователямъ, напр. нашему Головинну; но его хваленія искренни и не заключаютъ въ себѣ ничего сантиментальнаго, какъ то встрѣчается у многихъ писателей восемнадцатаго столѣтія. За *тунберговыми* трудами слѣдуютъ путешествія *Лангеруза Броунтона* и *Крузенштерна*. Изъ нихъ первый посѣтилъ и описалъ самый сѣверный изъ острововъ Японскаго архипелага, Сахалинъ, а второй—соединилъ Мацмай и большую часть омывающихъ Японію морей. Крузенштернъ, съ своей стороны также далъ много любопытныхъ свѣдѣній о сѣверной половинѣ Японіи и о ея населеніи; но важнѣйшій его трудъ состоялъ въ обстоятельномъ опредѣленіи многихъ астрономическихъ точекъ. Великолѣпный атласъ, сопровождающій его “Путешествіе”, содержитъ нѣсколько любопытныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ натуралистомъ экспедиціи, *Тилезіусомъ*, и относящихся до этнографіи и зоологіи Японскаго архипелага. Тамъ-

же находится карта Японскаго моря, долго служившая основою всѣхъ прочихъ, и къ самому “Путешествію” приложены довольно многочисленные наблюденія *Горнера* надъ теплою и соленостью морей, соедѣнныхъ Японіи, и надъ теченіями въ нихъ. Кромѣ того путешествію русскихъ наука обязана наблюденіями *Лангсдорфа*, издавашаго свои труды особо.

Крузенштернъ въ Нагасаки встрѣтился съ *Дуффомъ*, тогдашнимъ начальникомъ голландской факторіи, не совсѣмъ благосклонно смотрѣвшимъ на появленіе русскихъ въ японскіхъ водахъ и позднѣе издавшимъ свои “Воспоминанія о Японіи”. Книга эта изображаетъ судьбу голландцевъ въ Нагасаки въ самое тяжелое для ихъ національности время, когда Нидерланды перестали существовать, какъ самостоятельное государство; для изученія-же Японіи она даетъ немного. Одновременно съ *Дуффомъ*, но съ гораздо большимъ противу него усердіемъ, собиралъ свѣдѣнія объ этой странѣ *Головинъ*, который провелъ болѣе двухъ лѣтъ на Мацмаѣ. По самому своему положенію, илѣвика, содержамаго въ глухомъ провинціальномъ городѣ, *Головинъ*, конечно, не могъ многого видѣть; но тѣмъ не менѣе его “Записки” есть книга довольно любопытная и содержащая въ себѣ, сверхъ разсказа о его приключеніяхъ, довольно отчетливое общее описаніе Японіи, которое долго было единственнымъ непереводнымъ на русскомъ языкѣ. Въ “Запискахъ” находится много подробностей объ аинахъ и самыхъ японцахъ; только природа страны совершенно оставлена авторомъ безъ вниманія. За *Головиннымъ* хронологически слѣдуетъ *Клапротъ*. Этотъ знаменитый лингвистъ самъ въ Японіи не былъ; но работая по китайскимъ источникамъ, проникшимъ въ Европу, и по матеріаламъ, собраннымъ европейскими путешественниками, сдѣлалъ извѣстными нѣкоторыя немаловажныя подробности изъ географіи и исторіи Японіи. Его “Взглядъ на мнѳологическую исторію Японіи”, “Трактатъ о происхожденіи богатствъ” ея и другіе труды не утратили и нынѣ значенія. Онъ также первый старался опредѣлить мѣсто японцевъ въ ряду другихъ азіатскихъ народовъ. И хотя метода его, исключительно лингвистическая, т. е. основанная на сравненіи словарей, не можетъ назваться вполнѣ удачною, но онъ не оставилъ сомнѣній въ томъ, что японскій языкъ совершенно отличенъ отъ другихъ, между прочимъ и отъ китайскаго, съ которымъ его сблизали, такъ-какъ у японцевъ нѣкоторые письменные знаки сходны съ китайскими, и въ составѣ рѣчи вошло много китайскихъ словъ.

Упомянувъ о *Дуффѣ*, мы коснулись группы голландскихъ писателей, которымъ суждено было послѣднимъ наблюдать эту страну лишь въ Нагасаки и на пути изъ этого города въ Іеддо и, не смотря на то, сдѣлать не мало для ея изученія. Изъ числа ихъ назовемъ здѣсь во-первыхъ *Тицинга*, подробно изобразившаго нѣкоторыя стороны домашняго и общественнаго быта японцевъ въ сочиненіи, “Церемоніи,

употребляемая въ Японіи", 1819 г., и давшая прочныя основы разработкѣ исторіи этой страны "Лѣтописями японскихъ императоровъ", которые были имъ переведены и извлечены изъ японскихъ источниковъ и изданы Клапротомъ. Смерть помѣшала этому трудолюбивому собирателю обнародовать многіе другіе матеріалы для изученія Японіи, добытые не безъ большаго труда. За Тидингомъ, кромѣ Дюффа, слѣдуетъ *Финшера* съ великолѣпно-изданными въ 1833 г. "Матеріалами для изученія Японской имперіи", или, точнѣе, довольно подробнымъ ея описаніемъ, въ одномъ большомъ томѣ in-4°. Наконецъ съ 1839 г. начали выходить въ свѣтъ "Архивы" *Зибольда*, главное изъ всѣхъ существующихъ сочиненій о Японіи, хотя къ сожалѣнію неоконченное. Фридрихъ Зибольдъ, нѣмецъ, врачъ голландской факторіи въ Децимѣ и хорошій натуралистъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Японіи, внимательно изучилъ ее лично и по источникамъ, а потому задумалъ изобразить ее во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. описать какъ природу страны, такъ и жителей, ихъ исторію, бытъ, государственное и общественное устройство, литературу, знанія и т. д. Обнародованная программа (*) труда изумляетъ своею обширностью и при щедрости голландскаго правительства, которое помогало автору въ изданіи, особенно дорогихъ многочисленныхъ рисунковъ, вѣроятно могла быть исполнена, еслибы не смерть автора, постигшая въ 1856 году. Изъ огромнаго предпріятія Зибольда вышли въ печати нѣсколько выпусковъ текста и большое число рисунковъ съ поясненіями, гдѣ представлены типы японскихъ фізіономій, одежды, утвари, построекъ и проч., а также карты, снятыя японскими учеными и добытыя Зибольдомъ черезъ одного изъ нихъ, заплатившаго за то жизнию. Самъ Зибольдъ, по поводу

(*) Она помѣщена въ первомъ выпускѣ и показываетъ, что все сочиненіе должно было состоять изъ девяти слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Математическая и физическая географія съ географическимъ атласомъ, гидрографическими и географическими картами, планами, видами и проч.; 2) Народъ и государство—этнографія и статистика; 3) Мнѣологія, исторія, археологія, нумизматика; 4) Искусства, науки, языкъ, литература съ образцами писменъ; 5) Религія съ рисунками божествъ, храмовъ, жрецовъ и т. п.; 6) Промышленность, земледѣліе, торговля, съ рисунками домашнихъ животныхъ, утвари, орудій и проч.; 7) Описаніе сосѣднихъ Японіи странъ: Кореи, Сахалина, Ликейскихъ острововъ, по японскимъ источникамъ; 8) Образцы словесныхъ произведеній и писменъ старыхъ и новыхъ; 9) Разныя примѣчанія. Изъ этой программы многіе отдѣлы уже исполнены, хотя не полнѣ. Къ числу интереснѣйшихъ статей принадлежатъ: японскій напѣвъ, о торговлѣ, о буддизмѣ (Гофмана), о чаѣ, о времяисчисленіи, путешествіе изъ Нагасаки въ Іеддо, описаніе Кореи, путешествіе японца Маміо-Ринзо на Сахалинъ и въ сѣверовосточную Маньчжурію и проч. Многіе рисунки великолѣпны. Флора и Фауна также изданы превосходно.

открытія этого пріобрѣтенія и вообще за слишкомъ большую любознательность, былъ высланъ японцами изъ ихъ государства, и тогда-то, по возвращеніи въ Европу, началъ свой трудъ, который могъ бы походить на "Voyage aux régions équinoxiales de l'Amérique" Гумбольдта, еслибы былъ менѣе сухъ и изданъ съ большимъ единствомъ въ редакціи. При обработкѣ свѣдѣній Зибольду много помогали: *Гофманъ*, знатокъ японскаго языка и исторіи, *Дуккарини*, ботаникъ, и *Теммликъ*, *Шлегель* и *Хаанъ*, зоологи, труды которыхъ хотя и опубликованы не на нѣмецкомъ, а на французскомъ и латинскомъ языкахъ, но составляютъ части изданія Зибольда. Общая часть сочиненія переведена также на французскій языкъ, но съ опущеніемъ нѣкоторыхъ главъ, напр. литературы предмета. Для большинства читателей эта книга, редактированная де-Монтри и Фрейсине, и извѣстна подъ названіемъ "Путешествія Зибольда". Въ передѣлкѣ и извлеченіи издано "Путешествіе" и на русскомъ языкѣ, Плюшаромъ и Строевымъ.

Зибольдомъ оканчивается второй циклъ европейскихъ писателей о Японіи, который можно назвать голландскимъ; ибо всѣ почти труды этого времени, съ 1640 по 1850 г., совершены членами голландской факторіи въ Децимѣ. Конечно, кромѣ самихъ голландцевъ, въ числѣ этихъ дѣятелей, были и нѣмцы, шведы, англичане, русскіе; но вообще говоря, главные заслуги въ собираніи данныхъ и обнародованіи ихъ принадлежатъ нидерландскому обществу и правительству. Другія націи популяризовали собранныя свѣдѣнія, поопыняли ихъ, гдѣ было можно; но обширныхъ, цѣльныхъ трудовъ о Японіи они не представили, да и не могли представить, по неимѣнію доступа въ имперію солнечнаго восхода. Съ половины нашего вѣка начинается третій періодъ изученія далекаго архипелага восточной Азіи; и едва въ сѣверной Америкѣ была заявлена мысль объ экспедиціи, долженствовавшей добиться открытія японскихъ портовъ для торговли, какъ въ англійской литературѣ появились книги: *Рендалла* "Записки о Японіи", сборникъ неизданныхъ прежде статей старыхъ мореплавателей, и *Макъ-Ферлина* "Японія географическая и историческая", умная компиляція, гдѣ излагаются извѣстные по 1852 годъ свѣдѣнія о японскомъ государствѣ, особенно о сношеніяхъ его съ европейцами. Макъ-Ферлинъ раздѣлилъ свой трудъ на одиннадцать частей, изъ которыхъ въ первой описываетъ довольно подробно европейскія сношенія и открытія, остальные-же посвящены: географіи, этнографіи и исторіи, религіи, правленію и законамъ, минеральнымъ богатствамъ, растительности, животному царству, мануфактурамъ, искусствамъ и мореплаванію, народнымъ увеселеніямъ и обычаямъ, языку, литературѣ и музыкѣ. Книга Макъ-Ферлина довольно извѣстна въ Англій, хотя теперь англійская литература представляетъ цѣлый рядъ сочиненій болѣе современныхъ, а главное, самостоятельныхъ. Въ главѣ этихъ сочиненій, конечно, слѣдуетъ

поставить *Гаука* "Повѣствованіе объ американской экспедиціи въ Японію", совершенной подъ начальствомъ Перри. Гаукъ былъ однимъ изъ спутниковъ Перри, пользовался его содѣйствіемъ при составленіи сочиненія, и самая книга его, скрѣпленная Перри относительно вѣрности фактовъ, составляетъ officialный отчетъ посланника своему правительству. "Повѣствованіе" есть образецъ того, какъ могутъ быть нынѣ издаваемы путешествія въ далекія страны. Оно начинается обширнымъ введеніемъ, гдѣ описывается Японія во всѣхъ отношеніяхъ и гдѣ особенно подробнѣе обзоръ сношеній западныхъ народовъ съ японцами; потомъ слѣдуетъ изложеніе хода американскаго посольства и наконецъ самое "путешествіе", въ 23-хъ главахъ, изъ которыхъ до Японіи собственно относятся лишь послѣдніи тринадцать. Книга украшена картами Японскаго архипелага, теченій Куро-Сиво и др., и многочисленными рисунками, частію гравированными на стали, частію полиграфическими. Всѣ они исполнены добросовѣстно и съ талантомъ рисовальщикамъ экспедиціи, Гейне, и даютъ вѣрное понятіе о многихъ сторонахъ японскаго быта. Самый рассказъ о сношеніяхъ американцевъ съ японскими властями и жителями изложенъ въ высшей степени занимательно, и если въ чемъ можно упрекнуть Гаука, то это въ нѣсколько небрежныхъ отзывахъ на счетъ другихъ иностранцевъ въ Японіи. Въ прибавленіяхъ нашли мѣсто статьи о нѣкоторыхъ предметахъ физической географіи и кораблевожденія. Тому, кто желаетъ имѣть небольшую, но отборную бібліотеку сочиненій о Японіи, нельзя не рекомендовать этой книги, хотя конечно содержаніе ея нынѣ нѣсколько устарѣло. Объ американской экспедиціи есть на англійскомъ языкѣ еще книги *Саундерса* и *Пальмера*, объ второстепеннаго интереса. Къ Перри и Гауку примыкаетъ трудъ *Олифанта*, секретаря лорда Эльдджина, англійскаго посла въ Японіи и Китаѣ. Сочиненіе его "Mission to China and Japan" принадлежитъ къ числу наилучше изложенныхъ, хотя конечно уступаетъ труду американскаго автора. Въ немъ много занимательныхъ подробностей объ Японіи и особенно любопытны рисунки, взятые съ японскихъ оригиналовъ и воспроизведенные отчасти красками. На основаніи его и другихъ предшествовавшихъ трудовъ составилъ въ 1859 году свою компіляцію о Японіи *Штейнмецъ*, довольно вѣрно оцѣнившій истинныя побужденія иностранцевъ при вторичномъ открытіи ими этой страны. Книга *Пембертона Годсона* "Пребываніе въ Нагасаки и Хакодате" (1861) есть уже дальнѣйшій шагъ впередъ и заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ изложеннымъ въ ней подробностямъ о естественной исторіи Японіи, объ аннахъ на Мацмаѣ, о японскихъ князьяхъ и проч. Съ нею рядомъ можно поставить "Путешествіе въ Японію и Манчжурію" *Адамса* (1870), гдѣ много любопытныхъ указаній зоологическихъ. Затѣмъ англичане и сѣверо-американцы имѣютъ богатые рисунки, хотя второстепенные по содержанію труды: *Кориваллиса* "Two journeys

to Japan" 1859 г., *Тиллеса* "Japan, the Amour and the Pacific". *Осборна* "Крейсерство на японскихъ моряхъ", недавно (1869 г.) изданныя записки двухъ офицеровъ *Джиссона* и *Ильмгирена* подъ названіемъ "Our life in Japan", и наконецъ три важныя сочиненія: *Олькока* "Столица тайкуновъ", 1863 г., два тома; *Гипбурна* "Англо-японскій словарь", и *Диксона* "Японія, очеркъ исторіи, правительства и учреждений этой имперіи", 1869 года, одинъ томъ. Олькока, постоянный дипломатическій представитель Англіи въ Японіи, провель тамъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлалъ путешествіе изъ Нагасаки въ Іеддо и присмотрѣлся довольно внимательно къ быту японцевъ. Кромѣ того, какъ государственныи чловѣкъ, онъ изучалъ устройство Японіи, доходы ея князей и исторію послѣднихъ сношеній японцевъ съ европейскими націями. Чтобы ближе узнать страну, онъ выучился японскому языку, составилъ его грамматику, сдѣлалъ нѣсколько переводовъ мелкихъ поэтическихъ произведеній и книгу свою украсилъ многочисленными рисунками, заимствованными у японцевъ или снятыми съ статуры. Книга эта должна находиться во всякой бібліотекѣ вмѣстѣ съ гауковой, ибо она даетъ средство и служить точкою отправления для изученія всей современной исторіи японскаго государства. Но необходимо имѣть въ виду, что авторъ не просто рассказчикъ, а дѣятельный участникъ въ событіяхъ, ввошедшихъ въ нихъ свои взгляды и убѣжденія, чисто англійскія, т. е. очень одностороннія и пристрастныя. Иначе можно было увлеченіемъ его изложеніемъ и напр. приравнять Японію 1861 года, по ея политическому устройству, къ Андоррѣ, обвинить японцевъ въ крайнемъ недоброжелательствѣ и коварствѣ по отношенію къ европейцамъ и проч. Трудъ Диксона гораздо добросовѣстнѣе и точнѣе олькова, хотя написанъ съ меньшимъ талантомъ. Будучи основанъ на японскихъ источникахъ, онъ содержитъ множество неизвѣстныхъ дотолѣ фактовъ о правительствѣ сіогуновъ, о князьяхъ, объ императорской фамиліи, законы Гонгенсама, бывшіе два съ половиной вѣка основными для Японіи, и проч., а потому представляетъ самую полезную книгу для изученія политическаго состоянія японскаго государства при тайкунахъ и отчасти теперь. Словарь Гипбурна, американскаго миссіонера въ Йокогамѣ, есть самый полный изъ существующихъ (*).

Англійская литература, какъ мы видимъ, есть самая богатая сочиненіями о современной Японіи. Широкое распространеніе коммерческихъ сношеній англичанъ и сѣверо-американцевъ конечно тому причиною. Но и въ усидчивой Германіи вышло въ послѣдніе годы не мало любопытныхъ трудовъ объ Японскомъ архипелагѣ. Здѣсь

(*) Изъ этихъ другихъ позовемъ здѣсь: японо-французскій *Лангласа*, недавно изданный вновь Россіи, японо-латинскій — изданіе римской коллегіи пропаганды, и японо-русской *Гошкевича*.

назовемъ, во-первыхъ небольшую книгу *Мейлана* объ “Исторіи торговли европейцевъ въ Японіи”, 1 томъ, 1860 г. Сочиненіе это разсматриваетъ послѣдовательно торговлю португальцевъ и англичанъ, попытки русскихъ и долговременную торговлю голландцевъ, послѣднюю весьма обстоятельно. Затѣмъ слѣдуетъ указать на “Путешествіе въ Японіи” *Гейне*, спутника *Перри*, книгу любопытную, но большею частію повторяющую лишь то, что есть у Гаука; на серьезный историко-критическій трудъ его-же *Гейне* объ европейскихъ изслѣдователяхъ Японіи; на нѣкоторыя главы извѣстнаго сочиненія *Неймана* объ “Исторіи восточной Азіи со времени напикнескаго мира по 1861 годъ”, на журналъ шкипера *Людорфа*, подъ названіемъ: “Восемь мѣсцевъ въ Японіи”; на сочиненіе *Гилл-дреста* “Японія какъ она была и какъ есть”, и проч. Но самое важное произведеніе нѣмецкой литературы относительно имперіи солнечнаго восхода есть “Прусская экспедиція” въ этотъ край, гдѣ собраны труды нѣсколькихъ ученыхъ и художниковъ, обогатившихъ естествознаніе, исторію и этнографію Японскаго архипелага. Все изданіе “Прусской экспедиціи” распадается на три отдѣла: историческій, составленный *Вергома*, гдѣ даются общія свѣдѣнія о Японіи и разсказывается ходъ прусскаго предпріятія въ связи съ современными событіями въ Іеддо,—собственно научный, труды *Мартенса*, *Визурри* и *Вагнера*, и художественный атласъ рисунковъ, исполненныхъ хромолитографически. Голландская словесность представляетъ также хорошій трудъ *Помпа-Франс-Мердверорта* “Пять лѣтъ въ Японіи”, 2 тома, съ рисунками. Тутъ изложены событія 1857—1863 г. и дано нѣсколько любопытныхъ фактовъ о производительности страны; самая книга посвящена сіюгу, т. е. тогдашнему повелителю Японіи. Затѣмъ другой голландецъ, *Дуксръ-Курціусъ*, составилъ одну изъ лучшихъ японскихъ грамматикъ, а извѣстный ботаникъ, профессоръ утрехтскаго университета, *Микель*, далъ самый полный изслѣдованія о флорѣ Японіи.

Французы также довольно богаты сочиненіями о Японскомъ архипелагѣ. Пропуская тѣ изъ нихъ, которыя, какъ напр. *Бретоновы* “Нравы и обычаи Японіи”, *Фрейсине* “Современная Японія”, 1857 г. и др., суть болѣе, какъ плохія компіляціи, назовемъ прежде всего трудъ *Эме Гюмбера*, бывшаго посланникомъ Швейцаріи въ Іеддо и напечатавшаго два великолѣпныхъ тома текста съ многочисленными, хорошо исполненными и оригинальными рисунками, которые даютъ вѣрное понятіе о бытѣ и обстановкѣ японцевъ. Сочиненіе это, “*Le Japon pittoresque*”, переведено на русскій языкъ. Затѣмъ упомянемъ, какъ о заслуживающемъ вниманія по своей правдивости трудъ *Линдау*: “Путешествіе вокругъ Японіи”, который составленъ очень талантливо и содержитъ очерки страны въ 1861—1863 годахъ; о сочиненіи *Руссена* “Кампанія въ Японіи”, 1864 г., которое какъ бы продолжаетъ предыдущее, но съ крайнимъ пристрастіемъ къ той

политикѣ, которую Франція преслѣдовала въ 1860—1865 годахъ; о “Японіи, какъ она есть” извѣстнаго авантюриста *Монблана*; о статьяхъ *Дерля* въ “*Revue des deux Mondes*”, 1868 г. и наконецъ о книжкѣ *Зигфрида* “Путешествіе вокругъ свѣта”, 1869 г., гдѣ содержится много бѣглыхъ, но дѣльныхъ замѣчаній о японской торговлѣ. Собственно ученой разработкой свѣдѣній о Японіи изъ французовъ занимается еще *Гоени*, который написалъ японскую грамматику и нѣсколько любопытныхъ критическихъ статей.

Нашу отечественную литературу о Японіи можно предполагать извѣстною каждому русскому, который интересуется этой страной. Однако, чтобы облегчить трудъ отысканія сочиненій, которыя суть, главнымъ образомъ, журнальныя статьи, назовемъ имена нѣкоторыхъ авторовъ и изданій. Послѣ Крузенштерна и Головнина до 1856 года у насъ не было ничего оригинальнаго о Японскомъ архипелагѣ. Въ этомъ году появился въ Морскомъ Сборникѣ “Отчетъ вице-адмирала *Путятина*” о плаваніи его въ Японію для заключенія договора, гдѣ впрочемъ о самой странѣ находится мало извѣстій, кромѣ описанія нѣкоторыхъ бухтъ и симодскаго землетрясенія. Спутникъ *Путятина*, *Пешуровъ*, подробно описалъ нагасакскую гавань; другіе морскіе офицеры также обнародовали нѣкоторыя замѣтки. Вообще, съ 1856 г. въ Морскомъ Сборникѣ появилось не мало статей о Японіи, изъ которыхъ наиболѣе современные принадлежатъ *Сибилеву*, *Старицкому* и *Петомину*. Въ “Извѣстіяхъ” Географическаго Общества за 1869 годъ находится статья нѣкоего г. *Е. Б.* “О государственномъ строѣ Японіи”, въ то время впрочемъ уже не существовавшимъ. Русскій Вѣстникъ представляетъ любопытныя замѣтки о христіанствѣ въ Японіи священника хакодатской миссіи *Николая*. Отдѣльная брошюра г. *Бартошевскаго*: “Японія”, 1868 г. даетъ нѣкоторыя извѣстія о бытѣ японцевъ и о положеніи, принятомъ иностранцами въ открытыя японскіе порты. Два болѣе обширныхъ сочинія: *Армфельда* “Воспомнанія изъ кругосвѣтнаго плаванія” и *Винеславцева* “Очерки перомъ и карандашемъ” касаются также во многомъ Японіи. Но самыя серьезные труды о ней принадлежатъ *Максимовичу*, занимавшемуся ботаническими изслѣдованіями о Мацмаѣ, и *Гонимвичу*, автору японо-русскаго словаря.

Литература альманаховъ и сборниковъ, въ наше время столь обширная, представляетъ вообще мало подробностей о Японіи. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о ней содержатся въ нашемъ “Военно-Статистическомъ сборникѣ”, гдѣ обработка статьи “Японская Имперія” принадлежитъ *Гельмерсену*. Затѣмъ можно указать на гонконгскій альманахъ “*Hong-Kong Directory*”, на сборникъ “*Treaty-ports of China and Japan*”, впрочемъ теперь уже устарѣвшій (*), на всѣхъ извѣстные “*Almanach de Gotha*” и “*Almanach de*

(*) Въ замѣнъ ожидается Путеводитель по Японіи *Кита*.

Paris". Самымъ важнымъ собраніемъ официальныхъ извѣстій о Японіи конечно слѣдуетъ признать англійскіе парламентскіе акты, гдѣ помѣщаются донесенія посланниковъ, и англійскіе же консульскіе отчеты. — Изъ мѣстныхъ журналовъ, дающихъ въ послѣднее время очень любопытныя свѣдѣнія о политической, социальной и экономической жизни Японіи, назовемъ особенно "Japan Herald" и "Japan Weekly Mail", оба издаваемые въ Токио. Статьи же европейскихъ, особенно англійскихъ и французскихъ, газетъ суть почти постоянно тенденціозныя, вводящія публику на путь заблужденія и потому незаслуживающія большаго вниманія.

Этимъ можно кончить перечисленіе, впрочемъ отнюдь неполное, важнѣйшихъ книжныхъ трудовъ о Японіи, чтобы перейти къ краткому обзору другихъ средствъ къ ознакомленію съ этой страной. Между этими средствами главное, конечно, состоитъ въ личномъ осмотрѣ страны; но кому оно недоступно, тотъ можетъ съ пользою прибѣгнуть къ обзору коллекцій, находящихся въ нѣкоторыхъ городахъ Европы. Самый близкій изъ такихъ городовъ есть, для русскихъ, Берлинъ. Въ немъ японскій отдѣлъ общаго этнографическаго музея хотя и оставляетъ желать многого, но уже можетъ дать нѣкоторое понятіе о принадлежностяхъ японскаго быта. Зоологическій кабинетъ при университетѣ богатъ произведеніями японской фауны. Затѣмъ, подвигаясь къ западу, мы находимъ коллекцію японскихъ издѣлій въ Готѣ; но самый великолѣпный изъ японскихъ музеевъ Германіи находится въ Мюнхенѣ. Это есть настоящая энциклопедія Японіи во всемъ, что касается ежедневнаго быта, культуры, ремеселъ, искусствъ, даже религіи и наукъ. Три огромныя залы тѣсно наполнены предметами, собранными преимущественно Зибольдомъ. Тутъ есть модели храмовъ, домовъ, кораблей, подлинные образцы одежды, тканей, домашней утвари, изящныхъ бездѣлокъ, бронзовой, латунной и фарфоровой посуды, музыкальных и всякихъ другихъ орудій, хирургическихъ и математическихъ инструментовъ, лекарствъ, оружія, дѣтскихъ игрушекъ, жреческихъ и театральныхъ костюмовъ и всѣхъ принадлежностей капищъ, отъ курильницъ до идоловъ. Не забыты книги, карты, рисунки, обои, принадлежности типографій, образцы бумаги и письменности, изображенія растений, животныхъ, боговъ, героевъ и историческихъ лицъ, разныя монеты и пр. Нѣкоторые предметы такъ хороши, что трудно найти лучшіе въ самой Японіи. Въ томъ же родѣ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще полнѣе, голландскій правительственный музей въ Гагѣ, гдѣ особенно обращаютъ на себя вниманіе манекены, модели домовъ и собранія монетъ, оружія, фарфора и лакированныхъ издѣлій. Коллекціи естественнo-историческія, кромѣ Берлина, находятся въ Утрехтѣ, Лондонѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Хорошее собраніе нѣкоторыхъ живыхъ японскихъ растений представляетъ намъ ботаническій садъ въ Петербургѣ; впрочемъ онъ уступаетъ великолѣпному парку и оранжереямъ въ

Кію, въ Англіи, и ботаническому саду въ Утрехтѣ, въ Нидерландахъ. Мы не знаемъ, есть ли что-нибудь, относящееся до Японіи, въ Вѣнѣ; но вѣроятно въ послѣднее время и туда доставлены, экспедиціею 1869 года, записки произведеній этой страны.

Наконецъ неизлишне будетъ въ этомъ введеніи упомянуть о способахъ путешествія изъ Россіи въ Японію. Ближайшимъ, по картѣ, представляется путь черезъ Амуръ; но въ дѣйствительности онъ вовсе не существуетъ, ибо изъ Николаевска отправляется въ японскія воды одинъ, рѣдко два корабля въ годъ, и то военные, которые могутъ отказать въ приѣмѣ на бортъ частнаго путешественника. На иностранцы же суда рассчитывать трудно. Потому слѣдуетъ дорога чрезъ Кяхту, Пекинъ и Шанхай. Она представляется довольно удобною и дѣйствительно удобна въ части отъ Тяньцзиня до Токио, гдѣ есть европейскія сообщенія; но необходимо имѣть предписаніе изъ Петербурга или хотя изъ Иркутска къ кяхтинскому пограничному комиссару объ отправленіи изъ Россіи въ Пекинъ по почтѣ; иначе предстоитъ ѣхать черезъ Монголію, 1,400 верстъ, на верблюдахъ 35 дней или на волахъ 70. Да и при почтовомъ переѣздѣ есть одно важное неудобство на этомъ пути: приходится имѣть дѣло съ мандаринами, давать имъ на станціяхъ поощрительные подарки и, что еще хуже, быть въ непрерывной отъ нихъ зависимости, такъ какъ азиатская бюрократическая сапайе любить, чтобы ей кланялись, и европейское вліяніе не стерло еще ей привычекъ. Можно изъ Кяхты ѣхать съ купцами; но надобенъ случай. Затѣмъ дѣйствительно удобнымъ путемъ служить пароходная линія изъ Одессы въ Египетъ, а оттуда чрезъ Суэзъ и Сингапуръ въ Токио. Эта дорога въ высшей степени интересна, потому что пароходы дѣлаютъ остановки въ Константинополѣ, Египтѣ, Аденѣ, Цейлонѣ, Пуло-Пенангѣ (англ.), Сингапурѣ, Сайгонѣ (фран.), Гонгъ-Ковгѣ; но она дорога, потому что европейскія пароходныя компаніи, Messageries Impériales и Peninsular and Oriental Co., за переѣзды на востокъ отъ Суэза берутъ крайне неумѣренные цѣны, около 16½ рублей въ день съ пассажира перваго класса. Кромѣ того, вслѣдствіе остановокъ пароходовъ Русскаго Общества между Одессою и Портъ-Сандомъ въ промежуточныхъ гаваняхъ, приходится плыть изъ Одессы около двухъ недѣль до Египта, или же пересаживаться въ Константинополѣ съ русскаго парохода на французскій, либо австрійскій. Цѣнность расходовъ по этому пути для каютнаго пассажира не можетъ быть менѣе 900 металлическихъ рублей отъ Петербурга до Токио. Пути черезъ Марсель, Триестъ или Бриндизи дадутъ почти тѣже самые результаты, хотя на послѣднемъ можно выгадать около трехъ дней времени противъ марсельскаго. — Но самая выгодная дорога въ настоящее время есть чрезъ Атлантическій океанъ, Сѣверную Америку до Санъ-Франциско и оттуда чрезъ Тихій океанъ до

Юкогама. Все это огромное пространство, 250 градусовъ долготы, можно сдѣлать, считая отъ Петербурга, въ 45 дней и при этомъ: 1) сохранить до 300 руб. экономіи противу египетскаго пути; 2) выиграть переѣздъ въ умѣренномъ поясѣ, что очень важно для людей съ слабымъ сложеніемъ, на которыхъ тропическіе жары, а особенно быстрый переходъ отъ Средиземнаго моря къ Красному, производятъ всегда вредное, а часто и пагубное вліяніе. Если путешественникъ ѣдетъ чрезъ Францію, то онъ получаетъ еще выгоду уплаты впередъ за цѣлый переѣздъ одною монетою, въ Парижѣ, въ тамошнемъ бюро Трансатлантической компаніи, которая находится въ связи съ управленіями большой американской желѣзной дороги и компаніи Тихаго океана. Станціи на этомъ пути будутъ: Брестъ, Нью-Йоркъ, Санъ-Франциско и Юкогама. Для путешественника, желающаго быть аккуратнымъ въ расходахъ, полезно замѣтить, что ходячая въ Японіи монета, кромѣ туземной, есть мексиканскій піастръ и что потому, за уплатою расходовъ въ Европѣ, полезно всѣ остальные деньги перевести въ векселя, главнымъ образомъ Comptoir d'Escomptes въ Парижѣ или Oriental Bank въ Лондонѣ, такъ какъ отдѣленія этихъ банковъ находятся въ Юкогамѣ.

Что касается до самаго пребыванія въ Японіи, то необходимо прежде всего имѣть въ виду, что по договорамъ съ европейцами далеко не вся страна открыта ихъ любопытству. Напротивъ, они стѣснены предѣлами тридцативерстнаго разстоянія вокругъ тѣхъ городовъ, гдѣ имъ позволено жить. И хотя съ 1869 года японское правительство стало снисходительно смотрѣть на путешествія частныхъ лицъ внѣ этихъ районовъ, лишь бы на то было спрошено позволеніе; но по договорамъ право посѣщать внутренность страны принадлежитъ только дипломатическимъ агентамъ. Наиболѣе часто посѣщаемая дорога поперекъ Японіи есть изъ Негаты въ Іеддо, гдѣ уже сдѣлано нѣсколько путешествій Уэллсомъ, Боуланомъ, Поудеромъ и нѣкоторыми другими лицами. Затѣмъ верѣдки прогулки иностранцевъ изъ Юкогама на Фузи-яму, весьма любопытныя для естествоиспытателей. Было два случая путешествія дипломатовъ съ большими свитами въ мѣстности на сѣверѣ отъ Іеддо, производящіи шелкъ. Вдоль же острововъ Нипона и Кіусіу т. е. по старо-голландской дорогѣ, съ 1861 года, т. е. со времени поѣздки Олькока, не проникалъ никто, хотя теперь нужно надѣяться на скорое открытіе этой линіи для иностранцевъ, такъ-какъ по ней должна пройти желѣзная дорога изъ Іеддо въ Осаку.

Юкогама, май 1870 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Математическое положеніе и пространство Японіи.

Японскій архипелагъ лежитъ въ однѣхъ широтахъ съ Италіей и сѣвѣрной Африкой. Южная оконечность Кіусіу, мысъ *Сатаноми* или *Чичаговъ*, находится подъ $30^{\circ} 57'$ с. ш., то-есть почти на одной параллели съ Александріей въ Египтѣ; мысъ *Соя*, самый сѣверный на Мацмаѣ ($45^{\circ} 31'$), немогнѣе далѣе отъ экватора, чѣмъ Миланъ и устья Дуная. Сосѣднія Японіи моря не замерзаютъ и, слѣдовательно, постоянно доступны для плаванія. За всѣмъ тѣмъ болѣе двухъ столѣтій, со времени открытія европейцами, Японскій архипелагъ не имѣлъ порядочной карты, по которой бы можно было съ точностью опредѣлить размѣры его и положеніе на земной поверхности. Для доказательства стоитъ взглянуть не только на чертежъ, приложенный къ сочиненію Кемпфера, но и на карты второй половины XVIII столѣтія. Вездѣ на нихъ главный островъ архипелага, Нипонъ, обезображенъ разширеніемъ его отъ востока на западъ и неточностями въ очертаніи береговъ; меньшіе острова также нанесены невѣрно, а на оконечностяхъ страны или въ сосѣдствѣ съ нею изображены мѣстности совершенно гипотетическія, которыхъ и подобія нельзя отыскать въ дѣйствительности. Главною причиною такой неудовлетворительности картографіи XVII и XVIII столѣтій, конечно, служилъ недостатокъ хорошихъ астрономическихъ опре-

дѣлений мѣстъ, особливо по долготѣ. Кроме того географы обыкновенно не отличали на картахъ свѣдѣній распростирающихся отъ основныхъ на съемкахъ и описяхъ. Отъ того напр. сѣверо-западный берегъ Японскаго моря даже у Д'Анвила нанесенъ пятью градусами восточнѣе настоящаго, островъ Сахалинъ сдѣланъ менѣе, чѣмъ онъ есть, и т. п. Японцы-же того времени были настолько еще не свѣдущи въ геодезіи, что ихъ чертежи могли служить развѣ лишь вспомогательнымъ матеріаломъ для составленія хорошихъ картъ, но вовсе не главною ихъ основою. Даже въ первой половинѣ XIX вѣка мы видимъ, что ученѣйшіе изъ нихъ, напр. извѣстный путешественникъ Маміо-Ринзо, умѣли опредѣлять только широты, да и то лишь по меридіональнымъ высотамъ свѣтилъ: о способахъ-же опредѣленія долготъ они только слыхали, но не знали ихъ сами. Любопытный Маміо-Ринзо именно требовалъ отъ Головинна, что бы тотъ научилъ его вычислять долготы по разстояніямъ луны отъ солнца и звѣздъ; но какъ для этой дѣлы нужны были таблицы, которыхъ не нашлось въ библіотекѣ плѣнниковъ и у самихъ японцевъ, то и желаніе Ринзо осталось неисполненнымъ, къ большому его огорченію. Только въ теченіе послѣднихъ 40-45 лѣтъ японцы сдѣлали успѣхи въ геодезіи и тогда составили много картъ своей страны, напоминающихъ европейскія дорожныя, спеціальныя и даже полугографическія карты.

Подробныя землемѣрныя съемки были однако-же у нихъ съ давняго времени. Этого требовало экономическое устройство японскаго государства, такъ-какъ подати съ земли опредѣляются по производительности участковъ, а этого сдѣлать нельзя безъ точнаго знанія ихъ границъ. Но разумеется, что изъ частныхъ плановъ общую карту могли составить только искусный геодезистъ, который бы имѣлъ въ распоряженіи порядочное количество астрономическихъ данныхъ. А этихъ то послѣднихъ, какъ я уже замѣтилъ, не доставало, или онѣ были невѣрны. Крузенштернъ не безъ основанія отвергъ, при составленіи своей карты Японіи, большую часть пунктовъ, опредѣленныхъ португальскими и голландскими мореплавателями, и отъ того карта его есть первая, удовлетворительно представляющая общія очертанія края. Съ нею не можетъ быть сравненъ даже чертежъ Д'Анвила, основанный на китайскихъ и европейскихъ источникахъ, бывшихъ извѣстными въ половинѣ XVIII столѣтія, и помѣщенный въ "Атласѣ Китайской имперіи", хотя для внутренности страны онъ богаче подробностями, чѣмъ карта русскаго мореплавателя.

Но Крузенштерну и Д'Анвилу начертана въ 1843 году карта Бергхауза, составляющая, выѣстъ съ картой Китая, второй листъ его "Атласа Азіи". Знаменитый географъ только прибавилъ тутъ па-

званія японскихъ волкавовъ и нѣкоторыя другія мелочи: по трудѣ его все-таки изъ лучшихъ въ своемъ родѣ, особенно по обстоятельности отдѣлки. Затѣмъ карты, обнародованныя Зибольдомъ, привели математическую географію Японіи въ такую ясность, что можно было довольно точно опредѣлять поверхность страны и установить подробности очертанія береговъ и рѣкъ. Эти карты, произведеніе новыхъ японскихъ съемщиковъ, сведены были въ небольшіе чертежи самимъ Зибольдомъ и потомъ американскими морскими офицерами, Мори и Силасомъ-Бентомъ. Наконецъ карта англійскаго адмиралтейства "Japan and part of the Corea", 1868 года, основанная на японскихъ съемкахъ, а также на трудахъ Ричардса, Варда, Беллока и другихъ англійскихъ, французскихъ и русскихъ мореплавателей послѣднлаго времени, даетъ самыя современныя и точныя понятія объ очертаніяхъ Японскаго архипелага и можетъ служить основаніемъ для будущихъ, болѣе совершенныхъ картографическихъ изданій относительно японской островной группы. До настоящаго времени самая большая изъ европейскихъ неморскихъ картъ Японіи, именно Вайльдова "Japan", 1868 года, представляетъ много погрѣшностей, какъ въ очертаніи береговъ, такъ и въ подробностяхъ внутренней ситуациі, такъ что ей слѣдуетъ предпочесть маленькіе чертежи Силаса Бента въ "Путешествіи" Перри и Петермана въ "Атласѣ" Штиллера. О картахъ, приложенныхъ къ сочиненіямъ Ольбока и Эмме-Гюмбера, здѣсь можно не упоминать потому, что онѣ суть только пояснительные чертежи, вовсе неимѣющіе претензіи на подробность и точность.

Переходя теперь къ собственно японскимъ картамъ, нынѣ вполне доступнымъ для иностранцевъ и вѣрнѣе всего тщательно отдѣланнымъ, замѣтимъ слѣдующее. Самая большая изъ нихъ и справедливо заслуживающая довѣрія, есть карта Ино, изданная бывшимъ тайкуновскимъ правительствомъ. На большихъ четырехъ листахъ она представляетъ весь Японскій архипелагъ со включеніемъ Сахалина, въ масштабѣ $10\frac{1}{2}$ верстъ въ дюймѣ. Мѣста, неснытая съ достаточною подробностью, оставлены на ней пустыми и ситуациія сдѣлана хотя по японскому способу, т. е. перспективнымъ изображеніемъ горъ, но весьма вразумительно. Всѣ очертанія и подписи отличаются тонкостью и изидествомъ, которыя можно назвать удивительными въ чертежѣ, рѣзанномъ не на мѣди или камнѣ, а, подобно всѣмъ японскимъ картамъ, на деревѣ. Любопытна судьба этого почтеннаго труда, на которомъ наглядно отразился весь переломъ, происшедшій въ Японіи за послѣдніе 16—17 лѣтъ. Когда авторъ приступилъ къ печатанію карты съ цѣлью облегчить судоходствамъ плаваніе вдоль береговъ, правительство конфисковало доски, а его самого отравило въ ссылку, почти какъ измѣнника.

Прошло нѣсколько лѣтъ — и карта обнародована самимъ правительствомъ, только уже не въ пользу составителя, который между тѣмъ умеръ въ изгнаніи, а въ пользу казны..... Изъ другихъ японскихъ изданій можно указать: на складную карту всей Японіи по провинціямъ, составляющую два изданные томикъ изъ восьмидесяти слишкомъ чертежей отдѣльных областей; на двѣ дорожныя карты въ масштабѣ около 20—22 верстъ, съ показаніемъ княжескихъ резиденцій, границъ удѣловъ и областей, станцій по дорогамъ и проч.; на небольшія и весьма дешевыя обще-географическія карты всей Японіи на одномъ листѣ, и наконецъ на изданіе, только-что начатое, специальныхъ картъ областей, въ различныхъ, но весьма большихъ масштабахъ, которые допускаютъ не только нанесеніе всѣхъ населенныхъ пунктовъ, но и подробностей расположенія городовъ, очертанія рощъ и проч. Всѣ эти карты очень дешевы, такъ что даже трудъ Ино, четыре огромные листа, съ шелковой обдѣлкой и въ ящикѣ, стоитъ не болѣе восьми рублей, а напримѣръ любопытная перспективная карточка Японіи, дающая понятіе объ относительной высотѣ и наружномъ очертаніи горъ, всего 40 копѣекъ, не смотря на то, что отпечатана 6-ю или 7-ю красками.

Общее число астрономически опредѣленныхъ въ Японіи и на Ликейскихъ островахъ пунктовъ, по “Tables of positions” Репера и по англійской “List of positions of the Japanese islands”, достигаетъ до 161, какъ видно изъ приложеннаго въ концѣ книги списка. Всѣ эти точки прибрежныя; внутренность же Японскаго архипелага доселѣ лишь въ немногихъ мѣстахъ была посѣщена европейцами, да и то не астрономами, а потому нуждается въ правильныхъ геодезическихъ съемкахъ. Впрочемъ, и вдоль береговъ предстоятъ еще немаловажныя перемѣны. Такъ сѣверозападный и восточный берега Нипона и почти весь Мацмай далеко неточно очерчены, особенно послѣдній, гдѣ давши Крузенштерна и Браутона нужно признать устарѣвшими. Англійскіе и отчасти французскіе и русскіе морскіе офицеры дѣлательно занимаются этого рода работами уже нѣсколько лѣтъ, по пока болѣе вдоль южнаго побережья или же на крайнемъ сѣверѣ Японскаго архипелага.

Зибольдъ первый далъ подробныя цифры пространства Японіи и разныхъ частей ея, руководствуясь картами, вошедшими въ атласъ его “Reise in Japan”. Не смотря на нѣкоторую устарѣлость этихъ данныхъ, онѣ и донынѣ пригодны для соображеній объ отдѣльных частяхъ страны. Но впрочемъ имъ слѣдуетъ предпочесть, въ большей части случаевъ, цифры Ангельгардта, принятія Клоденомъ въ его “Erdkunde” и весьма близкія къ истинѣ, какъ я имѣлъ случай въ томъ убѣдиться, перечисляя поверхность сѣверо-японскихъ острововъ. Что до позднѣйшихъ цифръ Гасселя, которые приведены

въ сочиненіи Помпа-ванъ-Мердервоорта, то ихъ слѣдуетъ отбросить, какъ видимо неточныя. Здѣсь я привожу данныя Ангельгардта и Зибольда въ сопоставленіи съ моими собственными для сѣверной части архипелага.

Острова	У Зибольда	У Ангельгард.	У меня.
Нипонъ	4081.7	4248	
Садо, Оки, Авадзи, Фацizio и пр.	41.0		
Сикокфъ съ прибрежными островами	419.5	328	
Kiuciu.	688.4	812	
Цусима, Фирандо, Готто и др. остр.	47.0		
Мацмай съ мелкими островами	1295.1	1465	Одинъ Мацмай 1467, всего же 1594
Купатяръ и Итуруцъ.	75.5	174	
Боинъ-сима.	5.7	5.7	
Ликейскіе острова.	125.0	38	
Итого	6833.5	7072.7	
Разность	239.2 кв. мил.		

А принявъ мою цифру для сѣверныхъ острововъ, какъ вѣроятнѣйшую, ибо она вычислена по хорошей японской картѣ 1867 года, увидимъ, что итогъ Ангельгардта уменьшится до 7027.7, и разность между нимъ и Зибольдовымъ будетъ всего 194.2 кв. мил.

Указанный здѣсь размѣръ Японскаго архипелага даетъ ему мѣсто въ ряду самыхъ большихъ островныхъ группъ цѣлага свѣта. И если достаточная обширность территоріи есть залогъ самостоятельнаго развитія государства, а напротивъ излишняя его растянутость безъ достаточнаго числа путей сообщенія, — препона къ преуспѣянію края; то нужно признаться, что на земномъ шарѣ немного странъ, сложенныхъ геометрически такъ-же хорошо, какъ Японія. Вспомнимъ при этомъ, что она лежитъ въ тепло-умѣренномъ поясѣ, среди Великаго океана и въ сосѣдствѣ съ богатѣйшими частями юго-восточной Азіи: это такія условія, какихъ не представляетъ даже Великобританія, не смотря на сходство обѣихъ островныхъ группъ, замѣченное еще Кемпферомъ. Къ сожалѣнію, обширное протяженіе береговъ и раздробленность территоріи дѣлаетъ весьма трудною ея оборону, на что давно уже указывали многіе. Общее число острововъ, составляющихъ Японію, простирается до 3850-ти; но большинство ихъ суть мелкія скалы, разбѣяныя особлво между берегами Нипона и двухъ большихъ южныхъ острововъ, Сикокфа и Kiuciu, а также на западѣ отъ послѣдняго. Число Ликейскихъ острововъ, начиная отъ Куцино-симы на сѣверѣ до Куми и Санди на юго-западѣ, простирается до 57-ми, а архипелагъ Боинъ-сима, причисляемый къ

Японіи впрочемъ неизвѣстно на какомъ основаніи, имѣетъ всего 15 острововъ, очень скалистыхъ, почти лишенныхъ растительности и потому обитаемыхъ лишь нѣсколькими европейскими и американскими авантюристами. Съ этими двумя островными группами Японія имѣетъ предѣлами на востокъ 160-ой градусъ восточнаго Ферро и на югъ 24-ю параллель.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Топографическое и геологическое строеніе почвы.

Когда путешественникъ приближается къ берегамъ Нипона въ широтѣ 35°, они представляютъ ему любопытную игру противоположностей. Съ одной стороны видишь край гористый, котораго береговые утесы круто падаютъ въ море; съ другой, повсюду внутри страны вмѣсто скалъ и обнаженныхъ вершинъ, по самымъ горамъ, на откосахъ и у подошвы ихъ, стелется зелень, то густая и неувядающая цѣлый годъ, то болѣе яркая и переходящая въ желтизну спѣлыхъ нивъ, среди которыхъ сады и мелкія рощи представляютъ тѣнистые острова. Еслибы съ чѣмъ можно было сравнить напр. страну на юго-западѣ отъ Іеддо, то это съ юговосточнымъ прибрежьемъ Мраморнаго моря, съ Греціей и съ приаппенинской Италіей, особенно съ первою мѣстностью. Но небо Элады и Тосканы чище, дожди увлажняютъ тамъ почву рѣже, и потому южные скаты горъ гораздо пустыннѣе, чѣмъ на Японскомъ архипелагѣ. Черная сравненіе изъ области искусства, я позволю себѣ сблизить общій видъ Японіи съ задумчиво-облачными пейзажами горныхъ странъ Рюмъ-здаля, подобно тому, какъ виды итальянской природы напоминаютъ мнѣ ярко-освѣщенные ландшафты другаго великаго мастера, Клода-Лоррена. И это общее впечатлѣніе сохраняется почти повсемѣстно, видоизмѣняясь впрочемъ соотвѣтственно тому, куда двинешься, къ сѣверу или къ юго-западу отъ залива Іеддо. Къ сторонѣ Кіусіу ландшафтъ постепенно переходитъ въ сицилійскій, а на Мацмаѣ мы имѣемъ природу Шотландіи и даже Норвегіи. Противоположности на востокъ Азіи, какъ и Америки, сближены между собою болѣе, чѣмъ на западѣ Европы и Африки; ибо тутъ на пятнадцати градусахъ широты видишь то-же, что можно найти въ приатлантическихъ странахъ Стараго свѣта неменѣе какъ на двадцати четырехъ или на двадцати пяти.

Но если художественное чувство путешественника и его общія физико-географическія идеи находятъ себѣ скорое удовлетвореніе при видѣ различныхъ, послѣдовательно раскрывающихся предъ нимъ частей Японіи; то гораздо труднѣе бываетъ дать себѣ ясный отчетъ о топографическомъ строеніи почвы, столь беспорядочно, по-видимому, изрытой. Когда видишь съ одной стороны сплошную, сильно-волнистую, тянущуюся на многіе дни пути, мѣстность, а съ другой высокіе, разбросанные безъ всякой системы, пики вѣи ея; то съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: гдѣ-же геологическая ось страны, гдѣ то срединное поднятіе, которое карты заранѣе заставляли считать чѣмъ-то въ родѣ Кавказа и Альповъ, т. е. одной непрерывной горной цѣпью, выступившей изъ моря. Ничего подобнаго тому, что наблюдаетъ напрямѣръ посѣтитель Туриня, когда передъ нимъ на утреннемъ солнцѣ раскрывается золотой вѣнецъ альпійскихъ вершинъ, полукруглымъ валомъ окружающихъ Шемонъ, нельзя увидѣть въ Японіи. Строеніе ея сложнѣе, запутаннѣе, чѣмъ западно-европейскихъ странъ. Землетрясенія, вулканическія изверженія и размывающее дѣйствіе водъ изрыли ея поверхность гораздо больше, чѣмъ какой-либо другой извѣстной страны въ умѣренномъ полѣхъ, за исключеніемъ развѣ Балканскаго полуострова, Малой Азіи и Камчатки.

Однако подробныя съемки, сдѣланныя самими японцами и сведенныя въ карты, показываютъ, что въ общихъ чертахъ орографическое строеніе Японскаго архипелага, или по крайней мѣрѣ главнаго изъ составляющихъ его острововъ, Нипона, легко сводится къ довольно простымъ чертамъ. Мы видимъ здѣсь двѣ главныя оси поднятія: на востокъ почти меридіональную и на западъ почти параллельную экватору. Обѣ онѣ сходятся весьма близко въ средней части острова и въ одномъ мѣстѣ раздѣлены только долиной рѣки Синаногавы, а въ нѣсколько другихъ связаны между собою промежуточными частными поднятіями. Главная по высотѣ цѣпь есть восточная, тянущаяся на 800 верстъ, отъ Сангарскаго пролива до оконечности полуострова Идзу. Ея сѣверная часть, отличаемая иногда на картахъ подъ именемъ *Тасагуры* и *Ораски*, идетъ почти вдоль меридіана $157\frac{1}{2}^{\circ}$ в. Фер., отъ мыса Ториви-саки до $37\frac{1}{2}^{\circ}$ широты, гдѣ начинается склоняться на западъ. Намъ неизвѣстны высоты главныхъ точекъ ея; но судя по японскимъ картамъ и потому, что хребетъ виднѣтъ съ обонхъ береговъ, нужно полагать, что средняя его высота достигаетъ 5—6 тысячъ футовъ надъ моремъ. Уже въ Сангарскомъ проливѣ, т. е. у самой оконечности цѣпи, гора *Яки-яма* возвышается на 3200 футовъ; далѣе-же къ югу японская орографическая карточка показываетъ вдвое болѣе высокую и чрезвычайно скалистую вершину *Якино-яму*, а за нею рядъ другихъ, болѣею частью покрытыхъ лѣсомъ, но иногда обнаженныхъ

и круто возвышающихся надъ окрестною почвою (*). По отклонамъ Тасагуры мы видимъ также много отдѣльныхъ горъ, иногда правильно конической формы; но суть-ли это исключительно вулканы, поднятые подземными силами, или только осадочныя предгорья, подобныя Оберланду въ Швейцаріи и Чернымъ-горамъ на Кавказѣ, — трудно сказать. Вѣроятно и то, и другое вмѣстѣ. Изъ которыхъ вершины, впрочемъ, безъ сомнѣнія отдѣльно образовавшіеся вулканы, хотя педѣйствующие теперь, какъ напр. пикъ Тилезіуса, или *Иваки-яма*, покрытый вѣнѣ почти постоянно снѣгомъ, но по свидѣтельству японскихъ лѣтописей въ древности извергавшій огонь. Другія горы сѣверной части Нипона, напротивъ, принадлежатъ по-видимому къ второстепеннымъ, параллельнымъ цѣпямъ, какъ бы контръ-форсамъ Тасагуры, какъ напр. кряжъ на востокъ отъ рѣки Фигами, въ провинціи Ошю или Муцу. Иногда у подножія горныхъ склоновъ, въ сѣверной части Нипона, остаются полосы наносныхъ низменностей; но вообще обнаженія отклоновъ хребта у моря скалисты и круты.

За $37\frac{1}{2}$ параллелью восточно-нипонская меридіональная цѣпь, какъ упомянуто выше, измѣняетъ свое направленіе въ юго-западное; но достигнувъ 156° долготы, у верховьевъ Никогавы или у горы *Асамо-ямы*, она снова поворачивается на югъ или даже отчасти на юго-востокъ и круто упирается въ море мысами Идзу и Ирако-саки. Здѣсь, въ самой южной части своей, именно въ такъ-называемыхъ горахъ *Хакоки*, кряжъ имѣетъ высоту до 4700 футовъ, а на отклонѣхъ его стоятъ двѣ огромныя вулканическія вершины: *Ойяма* 6200 фут. и *Фузи-яма* 12,450 фут. Отдѣльно отъ главной восточно-нипонской цѣпи, но параллельно ей, тянется небольшой кряжъ провинціи Кадазуэи и Авы, отдѣленный отъ отроговъ Хакоки заливомъ Іеддо и какъ бы продолжающійся среди моря островами Оо-сима, То-сима и проч. до Фацзію. Кряжъ этотъ вѣроятно составлялъ въ свое время также островъ, широкій проливъ между которымъ и Нипономъ постепенно заваленъ наносами, образовавшими равнину Симооза-Мусаси, главную во всей Японіи по обширности.

Западно-нипонская, параллельная экватору, цѣпь начинается на западъ отъ рѣки Синаногавы, близъ устья ея, и до самаго озера Бявы имѣетъ направленіе отъ сѣверо-востока на юго-западъ, а потомъ уже почти прямо на западъ, до самаго пролива Симоносакы, гдѣ оканчивается горою *Хило-ямою* и мысомъ Морацу-саки. Цѣпь эта по днѣхъ даже нѣсколько превосходитъ восточную; но по высотѣ уступаетъ ей, хотя къ ней принадлежатъ высокія горы *Міако-сина*,

(*) Къ сѣверу отъ $39^{\circ} 50'$ чрезъ хребетъ Тасагуру показывается на японскихъ картахъ только одинъ удобный проходъ на 120 верстахъ; другой у самаго моря.

Таме-яма и особенно *Сиро-яма*, покрытая почти постоянно снѣгомъ. Отроги этой цѣпи наполняютъ иногда цѣлыя провинціи, какъ Хидзу, Кангу, Таубу, Нагато и проч.; но мѣстами остаются и небольшія равнины, какъ напр. въ южной части Харимы. Горы всей западной половины Нипона извѣстны своей рудоносностью.

Къ второстепеннымъ кряжамъ этого острова принадлежатъ горы областей Ното, Иги, Ямато и Кин, а также холмы Овари и Мино. Всѣ они по направленію подходятъ къ большой, восточно-японской цѣпи, но не представляютъ по-видимому вершинъ болѣе чѣмъ въ 2000 футовъ, за исключеніемъ *Омиши-ямы* въ Ямато.

На Сикокѣ горы тянутся отъ сѣверо-востока на юго-западъ, ближе къ сѣверному берегу острова, который поэтому круто спускается въ море и вмѣстѣ съ островомъ Авадзи представляетъ рѣдкое въ Японіи явленіе бесплодныхъ мѣстностей. Островъ Кіусіу, въ свою очередь, разбѣзывается подковообразнымъ кряжемъ по самой срединѣ. Сѣверная часть этого кряжа параллельна экватору, а южная почти-что меридіану. Въ числѣ горъ на Кіусіу есть много вулкановъ, какъ дѣйствующихъ, такъ и угасшихъ, между прочимъ великолѣпный пикъ Горнеръ или *Каймоно*, представляющій самую правильную фигуру конуса. Высшія вершины на этомъ островѣ достигаютъ отъ 3 до 4 тысячъ футовъ, а на Сикокѣ не больше 3-хъ тысячъ.

Орографія Мацмая долгое время была менѣе извѣстна, чѣмъ прочихъ частей Японіи; но теперь, благодаря японскимъ съемкамъ, мы знаемъ ее не хуже, чѣмъ Кіусіу и Нипона. Нѣтъ сомнѣнія, что островъ этотъ очень гористъ. У береговъ его издавна извѣстны пикъ Палласъ или *Мэиэ*, *Фуэга-таке*, *Сенкеи*, *Сѣдо* и проч.; но конечно главныя вершины лежатъ внутри страны, гдѣ видны съ побережья сѣвѣныя горы. Ихъ положеніе и направленіе кряжей нельзя такъ легко опредѣлить въ немногихъ словахъ, какъ на Кіусіу и Сикокѣ; но очевидно, что здѣсь дѣйствовало нѣсколько системъ поднятій, быть можетъ въ различныя одна отъ другой эпохи. Одна изъ этихъ системъ, меридіональная, проявившаяся по западному берегу, обнаруживается въ особомъ развитіи по другую сторону Лаперузова пролива, на Сахалинѣ; другая, сѣверо-восточная, продолжается грядой Курильскихъ острововъ и на самомъ Мацмай обозначена горами восточныхъ расчлененій острова. Кромѣ того въ юго-западной части Иезо замѣтно направленіе параллельное экватору, въ крайней южной—перпендикулярное къ нему, а вдоль сѣвернаго берега—сѣверо-западное, неповторяющееся болѣе нигдѣ въ дѣлой Японіи. Мацмай есть конечно самый высокій изъ всѣхъ Японскихъ острововъ, какъ оно и естественно, когда плутоническія силы дѣйствовали тутъ многократно. Онъ богатъ альпійскими озерами, т. е. высокими котловинами, которые образовались на

перекрестьяхъ различныхъ системъ поднятій. По измѣренныхъ значительной высоты горъ на немъ пока извѣстно мало. Пикъ Палласъ, у западнаго берега, и горы *Акани*, *Фразе*, *Гобуке* и др. въ восточной половинѣ острова, по японскимъ картамъ, принадлежатъ къ самымъ высшимъ его точкамъ. Всѣ они суть вулканы, частью дѣйствующіе, частью потухшіе, также какъ и стоящіе при заливѣ *Volcano-bay* горы *Фуи-уру-яма*, *Фуосу-яма*, *Гадаке* и *Кіака*. Гора Сѣдо, къ сѣверу отъ Хакодате, достигаетъ до 3400 футовъ, а *Сенкеи-пикъ*, или *Фуку-сима*, къ сѣверу отъ города Мацмая, до 3570 футовъ: но самая высшая изъ измѣренныхъ вершинъ лежитъ въ Иезо, на островѣ Ріомери: это пикъ де-Лангль, высотой до 5350 футовъ.

Если сообразить общее пространство горныхъ частей Японіи, то можно сказать, что девять десятыхъ этой страны заняты высотами, болѣе или менѣе круто падающими къ морю или въ долины. Число послѣднихъ весьма невелико, и онѣ притомъ не обширны. Самая большая, какъ уже было замѣчено, лежитъ въ окрестностяхъ Иеддо, между сѣверо-восточными склонами горъ Хакоме и горою Асивою, въ провинціяхъ Мусаси и Симооза. Затѣмъ другія равнины тянутся: на сѣверѣ отъ залива Овари, по рѣкамъ Отогавѣ и Кисогавѣ; въ провинціи Тоотоми, у бухты Хамамы; на востокѣ отъ порта Негаты, по низовьямъ Негаты и другихъ рѣкъ провинціи Иеддого: близъ устьевъ Фигамигавы, въ Мцу; въ южныхъ частяхъ Харимы и Сэцу. Острова Кіусіу, Сикокѣ и Мацмай почти вовсе не имѣютъ равнинъ; низменныя мѣста на нихъ состоятъ изъ глубокихъ котловинъ между горами, которыя иногда заняты озерами, и изъ узкихъ рѣчныхъ долинъ, но большей части тщательно обработанныхъ подъ рисовыя поля. О мелкихъ островахъ печого и говорить: они всѣ принадлежатъ къ числу высокихъ, а иногда даже очень скалисты и круто падаютъ къ морю. Таковъ напримѣръ одѣтый густою зеленою Наппенбергъ, при входѣ въ заливъ Нагасаки; таковы Фацціо, Огосима, Садо, Цусима и пр. Чтобы нагляднѣе представить степень возвышенія и крутизны этихъ горныхъ массивовъ, приведу здѣсь слѣдующую таблицу:

На мелкихъ островахъ.	Высота.	Шир. основ.	Замѣчанія.
Ятате-яма, на южн. пол. Цусимы	2120 ф.	12 верс.	
Вулканъ Огосима или Vries . .	2556	9	Скаты обработ.
Сувазе-сима, въ Лик. архипел. . .	2630	7	
Высшая точка Фацціо	2846	6 . . .	Остр. почти не
Вершина Оки	3000	15	приступевъ.
Уесуги-яма, на остров. Садо. . .	4500		
Пикъ де Лангль, на ост. Ріомери.	5352	12 . . .	Островъ трудно
Мотоми-яма, на Якуо-симѣ . .	5848	18	доступевъ.

На большихъ островахъ.	Высота.	Шир. основ.	Замѣчанія.
Яки-яма, у Сангарскаго пролива	3200		
Волканъ Вувзентъ, на Кіусіу . . .	3856	15 . . .	На полуостровѣ
Нирай-яма, въ Идзу.	4700		Симабарѣ.
Ой-яма, въ Сагами	6200		
Сиро-яма, въ Канѣ	7800		
Фузи-яма, въ Суругѣ	12450		Верхнія $\frac{2}{3}$ горы
			составляютъ конусъ.

Геологическое устройство Японіи, можно сказать, совсѣмъ неизслѣдовано, и даже новѣйшіе геологи, путешествовавшіе по ней. Рихтгофенъ, Помпелли и другіе, даютъ о немъ очень немного свѣдѣній. Въ настоящемъ обзорѣ, если о чемъ можно сказать нѣсколько словъ, такъ это о волканахъ; но и о нихъ имѣющіяся извѣстія не всегда сходны одно съ другимъ. Такъ Клапротъ и Зибольдъ несогласны даже относительно самаго числа огнедышащихъ горъ, хотя оба черпали свои свѣдѣнія изъ японскихъ источниковъ. Впрочемъ Зибольдъ противорѣчитъ и самому себѣ. Въ своемъ "Путешествіи" онъ упоминаетъ о десяти волканахъ; а въ особой статьѣ, изготовленной имъ для Гумбольдтова "Космоса" въ 1852 году, считаетъ ихъ всего восемь. Японскіе источники, нѣмъ извѣстные, именно лѣтописи и карты, на которыхъ волканы отличены особыми знаками, заставляютъ увеличить число ихъ до шестнадцати; именно:

Островъ Кіусіу представляетъ намъ четыре волкана: 1) *Митакэ*, въ провинціи Сацумъ, подъ 31° 33 ш. Скалистая вершина его поднимается прямо изъ воды залива Кагосимы, въ видѣ острова; 2) *Кирисима*, въ провинціи Хіруго, къ сѣверу отъ предыдущаго въ 45 верстахъ; 3) *Асо-яма*, въ провинціи Хиго, подъ 32° 50 ш., и 4) *Вувзентъ*, на полуостровѣ Симабарѣ, подъ 32° 44 ш., высотой въ 3856 футовъ. Знаменитое изверженіе послѣдняго въ 1793 году подробно описано Зибольдомъ.

На Нипонѣ есть три волкана: 5) *Сиро-яма*, въ провинціи Канѣ, подъ 36° 5 ш., имѣвшій исторически извѣстный изверженія въ 1279 и 1554 годахъ; нынѣ большую часть года покрытый снѣгомъ; 6) *Фузи-яма*, въ 20 верстахъ отъ залива Суруги, на границѣ провинцій Суруги и Канъ, подъ 35° 18 ш. О поднятій этого величественнаго пика въ 286 году до Р. Х. сохранилось историческое извѣстіе; сильнѣйшія-же изверженія были въ 799, 800, 863, 937, 1023, 1083 и 1707 годахъ, а съ тѣхъ поръ очагъ покоенъ и почти круглый годъ бываетъ закрытъ снѣгами. Многочисленные перевороты и потрясенія не помѣшали Фузи-ямѣ сохранить великолѣпную конусообразную форму, почему она не безъ основанія называется японцами "несравненною"; 7) *Асамо-яма*, самый отдаленный отъ моря (100 вер.) дѣйствующій волканъ Японіи, въ провинціи Синано, на параллели 36° 22 ш. Уже подъ 864 годомъ исторически извѣстно

его изверженіе: весьма сильное и опустошительное происходило въ 1783 году, и наконецъ въ настоящемъ 1870 году этотъ волканъ снова извергалъ камни, пламя и дымъ, начавъ свои изверженія немедленно послѣ сильнаго землетрясенія 13 Мая.

Островъ *Ивога-сима*, на югѣ отъ Кіусіу, подъ 30° 43 ш., представляетъ собою 8-ой волканъ, непрерывно дѣйствующій, подобно Стромболи, къ которому подходитъ и высотой. Уже Линхотентъ упоминаетъ о немъ, какъ объ огнедышащей, сѣрной горѣ; позднѣе его видѣли, также въ дѣйствіи, въ 1804 году Крузенштернъ, въ 1838 году Влэкъ и въ 1846 году Деларошъ-Понсѣ. По наблюденіямъ послѣднего высота его 2218 футовъ, а англійская адмиралтейская карта даетъ ему 2350 футовъ: стало-быть это хорошей маякъ для окрестнаго бурнаго моря, хотя на практикѣ входящія въ Вандименовъ проливъ суда обыкновенно оріентируются по Удзи-симѣ и по сѣверной оконечности Танага-симы. Островъ *Огосима* или *de Vries*, находящійся на югѣ отъ залива Иеддо, есть также дѣйствующій, 9-ый волканъ. Въ 1797 году Броутонъ видѣлъ здѣсь дымъ, выходившій изъ кратера, и незадолго предъ тѣмъ происходило сильное изверженіе. Нынѣ онъ въ сильномъ дѣйствіи съ Мая 1870 года и причинилъ немало опустошеній потоками лавы, хотя передъ тѣмъ вѣроятно долго молчалъ, ибо отклоняе его превосходно воздѣланы. Отъ Огосимы на югъ тянется рядъ небольшихъ вулканическихъ острововъ до Фацзію и Аога-симы, и въ этомъ направленіи приподнято-видимому пытается увеличить число поднятыхъ массъ, ибо въ Мая 1870 года, подъ широтой около 32°, замѣчено появленіе новаго островка. На Иезо или Мацмаѣ четыре горы: 10) *Юсу-яма*; 11) *Гадаке*; 12) *Акани* и 13) *Муцуисэцури* изображаются на японскихъ картахъ дѣйствующими волканами и частію были наблюдаемы въ дѣйствіи европейцами. Изъ Курильскихъ острововъ три главные, Итурупъ, Кунаширъ и Чикотанъ, имѣютъ каждый по огнедышащей горѣ, что и даетъ для всей Японской имперіи шестнадцать вулкановъ.

Но кромѣ этихъ постоянныхъ отдушницъ для подземнаго огня находится въ Японіи множество горъ, которымъ несомнѣнно слѣдуетъ приписать вулканическое происхожденіе по ихъ фигурѣ, строенію и составу горныхъ породъ, насколько послѣдній извѣстенъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Таковы напримѣръ: гора *Цурама-яма*, которую самъ Зибольдъ, не въ "Космосѣ", а въ "Архивахъ", причислялъ къ волканамъ; нѣмъ Горнеръ или гора *Каймонъ*, въ южной части Кіусіу, при входѣ въ заливъ Кагосиму; гора *Кибузи* на островѣ Сикокѣ, на берегу Внутренняго моря, въ провинціи Иё: *Яки-сима* въ Идзумо, *Цю-кайсанъ* въ Девѣ и *Яке-сима* въ Муцу, при Сангарскомъ проливѣ. Служащія на югѣ продолженіемъ японской гряды острова *Якуи-сима*, *Нака-сима*, *Сувазе-сима*, *Тори-сима*, или Сѣрный, по Вазилу Годлу, и вообще Ликейскіе, всѣ суть вулкани-

чеекаго проихожденія и составляютъ переходную цѣпь къ волканамъ Формозы. Сувазе-сима дѣйствуетъ и понинѣ. Никѣ де Лангль безъ сомнѣнія былъ также волканомъ. Но на Сахалинѣ огнедышащихъ жерлъ нѣтъ, и даже преданій объ вулканическихъ изверженіяхъ до насъ не дошло. Сѣдалище подземнаго огня съ Мацмай повораживаетъ къ Камчаткѣ и оставляетъ болѣе близкій Карафто въ сторонѣ, какъ бы въ доказательство, что одного сосѣдства моря и гористой страны недостаточно, чтобы сдѣлать послѣднюю вулканическою.

Землетрясенія, столь обыкновенныя вездѣ, гдѣ есть огнедышащія горы, едва-ли нечаще другихъ мѣстностей случаются въ архипелагѣ Японскомъ. По-крайней мѣрѣ, благодаря давнишней образованности страны, о нихъ сохранилось наиболѣе свѣдѣній. Японцы справедливо считаютъ землетрясенія и изверженія вулкановъ главными бичами своей страны, и потому принимаютъ всѣ мѣры, чтобы предохранить себя отъ гибельныхъ ихъ послѣдствій. Землетрясеніямъ, Японія обязана тѣмъ, что въ ней всѣ дома деревянные. И онѣ весьма часты, такъ, что напр. изъ трехъ путешественниковъ прежняго времени, Ремпфера, Тунберга и Зибольда, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго десятками лѣтъ, ни одинъ не провелъ своей жизни въ Дециму безъ того, чтобы не быть свидѣтелями хотя одного потрясенія почвы; въ новое-же время иностранцы, постоянно живущіе въ Японіи, ощущали, за 11 лѣтъ, многія сотни ударовъ. О землетрясеніяхъ 1820-хъ годовъ Зибольдъ говоритъ слѣдующее: "10 Декабря 1825 г. насъ вдругъ разбудилъ ударъ; за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ 23 и 24 числа того-же мѣсяца. Но самыя мощныя сотрясенія мы чувствовали 26 Мая 1828 года. Первое изъ нихъ продолжалось цѣлую минуту и было такъ сильно, что мы думали: всѣ дома развалятся. И въ самомъ дѣлѣ стѣна, окружавшая Дециму, довольно плохая, треснула во-многихъ мѣстахъ. Испуганныя птицы вертѣлись въ воздухѣ, хлопая крыльями; но жалобныя ихъ крики одинъ прерывали мрачное молчаніе природы. При каждомъ землетрясеніи въ Нагасаки, замѣчаетъ Зибольдъ, мы наблюдали особенное спокойствіе, сухость воздуха и ясное небо (*). Грязный каналъ, отдѣляющій Дециму отъ города, испарялъ мѣзмовъ болѣе, чѣмъ обыкновенно; но это можно приписать не развитію подземныхъ газовъ, а болотистымъ испареніямъ, которыя были подняты потрясеніемъ со дна самаго канала. Во время ночи случилось также нѣсколько колебаній. Землетрясеніе было еще чувствительнѣе на островѣ Амакузѣ, въ 55 верстахъ на юго-западъ отъ насъ, и тамъ видѣли феноменъ, похожій на подземный вулканъ. Въ то-же время обвѣвали угольныя копи на островѣ Така-симѣ, въ 28 верстахъ отъ Нагасаки, а въ

(*) Конечно, это было случайнымъ явленіемъ; землетрясенія бывали при всякой погодѣ, какъ можно было замѣтить въ Маѣ, 1870 г.

30 верстахъ отъ насъ, на мысѣ Номо, каменный идолъ скатился съ холма въ равнину. Вулканъ Вунзэнъ то-же не оставался спокойнымъ; лѣтомъ, когда возобновились землетрясенія, онъ нѣсколько разъ извергалъ пламя; такія-же сильныя изверженія видны были на Асоямѣ и на Митаке, т. е. внутри Кіусіу. Жители острова Нишона, даже отдаленнаго Іеддо, въ свою очередь, чувствовали легкія колебанія почвы. Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлять въ 5 градусовъ широты и въ 10 долготы пространство, на которомъ дѣйствовали подземный огонь; оно оказалось бы еще обширнѣе, еслибы мы знали больше подробностей".

Въ восточной части Японіи землетрясенія бывають не менѣе сильны какъ и въ западной. Достаточно вспомнить разрушеніе Симоды въ декабрѣ 1854 года, при которомъ не только весь этотъ городъ обратился въ развалины, но и стоявшіе въ портѣ суда были выброшены на берегъ, вѣстѣ съ огромною массою морской воды. Къ сожалѣнію, объ обширности района потрясеній въ 1854 году мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній. За то текущій 1870 годъ представилъ намъ случай наблюдать землетрясенія въ Іокогамѣ и на большомъ пространствѣ къ сѣверо-западу и юго-западу отъ нея. Удары пачались 1 Мая и продолжались въ теченіе всего мѣсяца; до 15 числа ихъ уже было насчитано 123, и изъ нихъ самый сильный послѣдовалъ 13 Мая, въ 2½ часа по полудни. Онъ, какъ и всѣ предыдущіе и послѣдующіе, направлялся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и продолжался около двухъ минутъ. Въ Іокогамѣ и Іеддо онъ сопровождался только качкой и трескомъ домовъ; но на сѣверѣ, ближе къ вулкану Асамо-ямѣ, на западѣ, около озера Хакони, имъ произведено разрушеніе зданій, при чемъ погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ, а на югѣ, на островѣ Огосимѣ, за нимъ послѣдовало изверженіе лавы и пламени. Въ то-же время при входѣ въ заливъ Іеддо замѣчено было въ одномъ мѣстѣ кипѣніе воды, а еще южнѣе, въ открытомъ океанѣ, появленіе новой скалы. Нужно думать, что тутъ было сильнѣйшее развитіе вулканическаго процесса, ибо даже на поверхности океана плывшіе корабли ощущали толчки, какъ бы отъ удара о камни. Въ Іокогамѣ на рейдѣ всѣ сколько-нибудь сильныя взрывы майскихъ землетрясеній чувствовались судами такъ, какъ бы кто сильно дергалъ за якорный канатъ. И любопытно, что въ окрестности Іокогамы сложены изъ осадочныхъ, болѣею частью известковыхъ и глинистыхъ формаций, которая совершенно сохранила свою горизонтальность; ближайшія-же вулканическія породы встрѣчаются въ 40 верстахъ къ западу, на горѣ Ой-ямѣ.

Насколько основательно замѣчаніе, сдѣланное японскими наблюдателями и приводимое Зибольдомъ, что отъ времени начала землетрясеній и вулканическихъ изверженій зависятъ послѣдующія перемѣны погоды, трудно сказать, хотя отвергать его безусловно,

по-видимому, не слѣдуетъ. Геологія наша, правда, не признаетъ связи вулканическихъ явленій съ воздушными перемѣнами; но, быть можетъ, когда-нибудь такая связь и отыщется. Во всякомъ случаѣ отдѣленіе жара и вулканическихъ паровъ весьма легко можетъ повести за собою перемѣны въ температурѣ, влажности и барометрическомъ давленіи воздуха. И эти перемѣны будутъ казаться тѣмъ рѣзче, чѣмъ предшествовавшее состояніе атмосферы менѣе походить на послѣдовавшее за вулканическимъ феноменомъ. А потому нельзя безусловно отрицать, что эта рѣзкость будетъ зависѣть отъ того, когда началось вліяніе подземнаго жара на атмосферу: во время-ли прохладнаго утра или послѣ жаркаго полдня. Что касается до распространенія вулканическихъ дѣйствій на капельно-жидкій элементъ, воду, то сейчасъ были приведены примѣры его, доказывающіе, что въ Японіи повторяются тѣ-же явленія, какъ вездѣ. Землетрясеніе 11 декабря 1854 года особенно извѣстно въ этомъ отношеніи. Русскій фрегатъ Діану разбило именно потому, что огромныя волны образовались въ заливѣ Симода и быстро ходили по немъ. Высота ихъ была столь значительна, что онѣ залили весь городъ, а сила такова, что когда вода отхлынула, то отъ города почти ничего не осталось. Замѣчательно, что мѣстные жители приписываютъ нѣсколькимъ мѣстамъ въ Японіи, напр. острову Садо, острову Сипубу-симѣ, горѣ Каизаку, близъ Міако, свободу отъ потрясеній почвы, какъ о томъ сообщалъ еще Кемпферъ. Представляютъ-ли такіе мѣста тѣ-же геологическія особенности, какъ подобные *моеты* въ южной Америкѣ, о томъ ничего нельзя сказать положительнаго. Ни Кемпферъ, ни Гумбольдтъ, которые упоминаютъ о фактахъ, ничего не даютъ для ихъ поясненія.

Японскіе лѣтописи сохранили множество извѣстій о землетрясеніяхъ, бывшихъ въ самыя отдаленныя отъ насъ времена. Къ началу III вѣка до Р. Х., именно къ 286 году, относится ими то великое геологическое событіе, которое подняло гору Фузи-яму и образовало озеро Ондѣ, самое обширное изъ вѣдѣхъ извѣстныхъ въ Японіи. Это озеро, въ томъ видѣ, какъ оно представляется нынѣ, имѣетъ до 15 кв. миль протяженія и, по словамъ японскихъ историковъ, образовалось въ одну ночь. Хотя трудно допустить, чтобы въ столь короткое время ушла изъ атмосферы или вытекла изъ-подъ земли вся масса воды, содержащаяся нынѣ въ озерѣ; но какъ мы не знаемъ никакихъ послѣдующихъ расширеній Онда, то приходится вѣрить факту такъ, какъ онъ представленъ лѣтописями, а для объясненія обширности залитаго пространства допустить или малую глубину, или первоначальную замкнутость водоема, имѣющаго теперь свой стокъ. Впрочемъ, и все другія озера Японіи—Суво, Инабазиро и пр.,—вѣроятно вулканическаго образованія, такъ какъ онѣ обставлены горами, подобно Вольсенскому въ Италіи и Лахернскому

близъ Андернаха. Уже на памяти европейцевъ, во время ужаснаго землетрясенія 1586 года, въ провинціи Мино образовалось озеро на мѣстѣ провалившейся крѣпости.

Вулканическій характеръ почвы во многихъ мѣстахъ Японіи служитъ причиною нахожденія многочисленныхъ теплыхъ ключей. Особенно много ихъ на островѣ Кіусіу, въ областяхъ Хиго и Хиэнь. Западный отклонъ горы Вунзень обладаетъ разнообразными минеральными источниками, подобно отклонамъ Машука на Кавказѣ. Монахи, которые владѣютъ ими, прописываютъ употребленіе водъ, особенно купанье, многочисленнымъ больнымъ, приходящимъ сюда, собирая за это хорошія деньги. Ключи Атами, въ провинціи Сурунгѣ, имѣютъ температуру $21\frac{1}{2}$ Р., также довольно извѣстны; но вообще теблота и химическій составъ японскихъ минеральныхъ источниковъ не изслѣдованы еще съ точностью. Извѣстно только, что многіе изъ нихъ сѣрные.

Въ дополненіе этихъ замѣтокъ о геологическихъ явленіяхъ на почвѣ Японіи, быть можетъ, излишне будетъ упомянуть, что, не смотря на изобиліе огнедышащихъ горъ, которое обыкновенно считается за признакъ поздняго образованія страны, мы должны предполагать, что ей свойственны весьма древнія формаціи. Обыкновенно путешественники злоупотребляютъ словомъ “вулканическій”, относя его къ каждой острой горной вершинѣ, къ каждому высокому острову; но Японія показываетъ, что въ этомъ случаѣ пужно быть осторожнымъ. Островъ Така-сима, напр., принадлежитъ по паружности къ числу высокихъ и находится въ мѣстности, близкой къ дѣйствующему вулкану и часто испытывающей землетрясенія; тѣмъ не менѣе онъ содержитъ каменноугольные пласты и слѣдовательно принадлежитъ къ осадочнымъ образованіямъ. То-же, вѣроятно, можно будетъ сказать и про многія другія мѣстности, когда геологическая природа ихъ будетъ изслѣдована. Такъ около Іокогамы весь полуостровъ между заливами Іеддо и Одовара, не смотря на волнистый видъ страны, состоитъ вѣроятно изъ однихъ осадковъ глины и извести, прикрытыхъ великолѣпнымъ слоемъ чернозема. Кромѣ того мы въ правѣ допустить существованіе гранитовъ, сіенитовъ и сланцевъ, особенно на Нипонѣ, потому что здѣсь извѣстно немало рудныхъ мѣсторожденій, которыя обыкновенно встрѣчаются лишь среди названныхъ горныхъ породъ. Каменный уголь извѣстенъ также во многихъ мѣстахъ Японіи, и какъ онъ довольно богатъ углеродомъ (60—65%), то, нужно думать, вездѣ принадлежитъ къ древнимъ формаціямъ. Слѣдующій обзоръ рудныхъ мѣсторожденій вообще можетъ познакомить съ минеральною производительностью Японскаго архипелага и, слѣдовательно, дать хоть скудный матеріалъ для геогностическихъ, а вмѣстѣ и статистическихъ выводовъ.

Золото и серебро издавна были въ изобиліи находимы въ Японіи. Голландцы и португальцы въ XVI и XVII вѣкахъ вывозили ихъ цѣлыя грузы. Про португальцевъ именно сохранилось преданіе, что они ежегодно отправляли до 500 боченковъ одного золота. И хотя съ изгнаніемъ иностранцевъ въ 1640 году запрещено было японскимъ правительствомъ разрабатывать большую часть рудниковъ и приисковъ обонхъ драгоцѣнныхъ металловъ: но количество ихъ, оставшееся въ оборотѣ, все еще было очень значительно. Золото особенно изобильно, и его цѣна, лѣтъ десять назадъ, была ниже, чѣмъ въ Европѣ; именно за фунтъ золота давали не болѣе 12 фунтовъ серебра. Всѣ рудники до послѣдняго времени принадлежали императору или князьямъ, послѣдніе съ условіемъ вносить двѣ трети добытаго металла въ императорскую казну. Но теперь эти естественныя условія отмѣнены, и разработка снова начинается принимать довольно широкіе размѣры, даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя японцами считались за выработанныя, по которымъ европейскими инженерами найдены довольно богатыми, какъ напр. въ провинціи Танго, гдѣ, въ урочищѣ Ивамо, находятъ одновременно золото, серебро и мѣдь. Самыя богатыя золотыя жилы находятся на островѣ Садо: потомъ слѣдуютъ сурунскія. Другіе прииски того-же металла встрѣчаются въ Сацумѣ и Цикунго, на Кіусіу; въ руслѣ Темріо-гави, въ провинціи Тоотоміи; въ горахъ области Муцу, подъ 39° широты; тамъ-же, на островахъ Кішка-симѣ, Ази-симѣ и Амакурѣ. Серебра меньше, и какъ огромный массы его въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ вывезены иностранцами, то теперь все вниманіе японцевъ обращено на добываніе его. Разработки производятся въ Буинго, Танго, Тадзимѣ, Девѣ и Муцу. Мѣдь, слава Японіи, очень обыкновенна на всемъ протяженіи острововъ, и въ прежнее время добывалась особенно въ провинціяхъ Сурунгѣ, Кіи и Сацумѣ: теперь-же разрабатывается главнымъ образомъ въ Исё, Танго, на Сикокѣ, въ Муцу, Девѣ и на островѣ Садо (*). Олова и цинка нѣтъ въ Японіи, и первое долго цѣнилось наравнѣ съ серебромъ: свинецъ довольно обыкновененъ въ Буинго; но добываемое его количество недостаточно для страны, почему его немало привозится изъ-за границы. Желѣзныя руды, дающія превосходную сталь и желѣзо, долгое время разрабатывались лишь въ немногихъ мѣстахъ: въ Битцю, въ Хиэсѣ, въ Мимасабѣ; но въ послѣднее время японцы все свое вниманіе устремили на разширеніе производства этого полезнаго металла. Камennyй уголь, этотъ двигатель современной заводской промышленности и мореплаванія, издавна добывался въ

Цикунгѣ; по теперь его разрабатываютъ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ на западномъ берегу Мацмая, въ Иванаи; на островѣ Такасимѣ, у Нагасаки; въ Муцу и проч. Иногда его, прежде употребленія на топливо (*), обращаютъ въ коксъ; но въ большей части онъ не даетъ хорошаго кокса и потому употребляется такъ, какъ есть. Нагасакискій уголь значительно улучшился съ тѣхъ поръ, какъ разработка его стала производиться по европейскому способу. Нефть выходитъ изъ земли въ провинціи Іеппинго. Стѣна встрѣчается во многихъ мѣстахъ, преимущественно-же въ области Сацумѣ, на островѣ Ивогасимѣ. Соль добывается японцами изъ морской воды, подобно какъ во Франціи и Испаніи; но солноварни японскія отличаются отъ европейскихъ тѣмъ, что въ нихъ для сгущенія рассола употребляютъ не градирни изъ хворосту, а кучи дровъ, которыя поливаются водою пока въ ямахъ около нихъ не соберется достаточно рассола, годнаго уже къ выпариванью на огнѣ. Только въ 1869 г. двумя промышленниками изъ Нагасаки стали употреблять градирни, и безъ сомнѣнія онѣ скоро распространятся повсюду. Изъ полезныхъ металловъ и минераловъ пока неизвѣстны въ Японіи сурьма, напатырь и бура: ихъ привозятъ изъ Китая и другихъ странъ. За то Японія богата сердоликами и яшмой, изъ которыхъ выдѣлываются все-какія бездѣлки, азбестомъ, фарфоровою глиной, — въ Хиэсѣ и Сурунгѣ — и всякаго рода стропильнымъ камнемъ.

(*) Исключительно на пароходахъ и фабрикахъ; для отопленія жилищъ японцы употребляютъ древесный уголь, котораго, при изобиліи лѣсовъ, много.

(*) Пенит-фонт-Мердерпортъ въ 1868 году: въ Ивѣ добычу въ Исё и на Сикокѣ въ 27,000 пудовъ, въ Муцу 4—5000, на островѣ Садо въ 2—3000, всего въ 33—35,000 пуд.; но теперь эта добыча успавалась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Моря, окружающія Японію; озера, рѣки.

Берега Японіи и окружающія ее моря описаны многими мореплавателями; но нельзя не замѣтить, что описи эти не приведены еще къ полному соглашенію между собою и мѣстами противорѣчатъ одна другой на довольно значительныхъ разстояніяхъ, напр. у сѣверо-восточныхъ береговъ Нипона отъ 38° до 41° широты. Наилучше изслѣдованы южные и западные предѣлы архипелага, гдѣ торговое движеніе очень дѣятельно въ настоящее время; хуже всего Мацмай. Нетрудно, изъ сравненія картъ убѣдиться, насколько ушла впередъ гидрографія со времени плаванія первыхъ голландцевъ и португальцевъ до нашей эпохи, и здѣсь, описывая окружающія Японію воды, я буду держаться главнѣйше англійской адмиралтейской карты 1869 г. Карта эта впрочемъ не есть результатъ какой либо одной систематической описи, а только сводъ всѣхъ прежде сдѣланныхъ европейцами съ японскими береговыми съемками; потому необходимо упомянуть, какіе главные труды служили ей основаніемъ. Старинныя работы португальскихъ, англійскихъ и голландскихъ мореплавателей конечно были отброшены. Затѣмъ приняты во вниманіе описи: Книга Лаперуза, Кольнета, Броутона, Крузенштерна, Балия Голла, Пуятинна и разныхъ новыхъ мореходцевъ — американскихъ, французскихъ и англійскихъ. Ближе всего къ современной картѣ Японскаго архипелага подходитъ Крузенштернова карта 1807 года, находившаяся въ атласѣ его «Путешествія». Знаменитый мореплаватель, конечно, воспользовался трудами всѣхъ своихъ предшественниковъ; но его собственныя изслѣдованія далеко оставили за собою эти предшествовавшія работы. Такъ изъ 98-ми астрономическихъ точекъ служившихъ къ начертанію карты, 94 опредѣлены имъ самимъ или спутникомъ его Горнеромъ. Къ труду Крузенштерна были присоединены данныя японской картографіи, находившіяся у Зибольда, для

начертанія небольшой карты Японскаго архипелага, Мори и Бента приложенной къ «Путешествію» Перри. Карта эта собственно не есть морская; но она сдѣлана столь тщательно, что даетъ весьма точное понятіе о конфигураціи береговъ Японіи, а также и о теченіяхъ въ сосѣднихъ съ нею моряхъ. Острова Ликейскіе и Боингъ-сима равнымъ образомъ изображены американцами съ большою правильностью, хотя лучшая ихъ карта есть англійская, скопированная въ небольшомъ масштабѣ у Штиллера. Въ свою очередь русскія, французскія и англійскія описи 1853-69 годовъ совершенно измѣнили прежнія очертанія сѣверо-западныхъ береговъ Японскаго моря, отъ залива Де-Кастри до южныхъ частей Кореи. Работы русскихъ гидрографовъ особенно замѣчательны по своей обширности, и онѣ признаются нынѣ за основныя для всего прибрежья Кореи и Усурійскаго края отъ 35 до 45 и отъ 49 до 53° широты. Пробѣлъ остается только между бухтой Джигитъ и Императорской гаванью, гдѣ береговыхъ съемокъ также не было. Затѣмъ Мацмай, за исключеніемъ нѣсколькихъ бухтъ, наносится съ Крузенштерновой карты и съ сухопутныхъ японскихъ съемокъ, Сахалинъ по русскимъ даннымъ Рашкова, Рудановскаго, Шебунина, Бѣлкина, Старшскаго и др., а Курильскіе острова съ картъ Головинна и японскихъ. Въ югозападной части Японіи и въ архипелагѣ Ликей многія описи сдѣланы Вардомъ, Буллокомъ, Бельчеромъ, Вайльдомъ и другими англійскими морскими офицерами, которыхъ работы связаны между собою астрономическими данными Крузенштерна, Ричардса, Варда и пр. Для всѣхъ прочихъ береговъ Японіи основною картою служить трудъ Ино, изданный тайкуновскимъ правительствомъ. Свѣдѣнія же о физическихъ свойствахъ окружающихъ ее морей разбросаны у разныхъ мореходцевъ, плававшихъ по этимъ водамъ, предпочтительно въ «Путешествіяхъ» Крузенштерна и Перри, за которыми я и послѣдую.

Внутреннее или средиземное, собственно Японское море, омывающее Японію съ сѣверо-запада, а Корею и русскую Манчжурію съ юго-востока, не смотря на частые туманы, довольно безопасно для плаванія. Скалы, за исключеніемъ прибрежныхъ, въ немъ не встрѣчаются, отмелей также нѣтъ: мелкіе острова, какіе есть, всѣ высоки и замѣтны издали. Наибольшія глубины найдены въ широтѣ 40° $51'$ долготѣ 151° $18'$ в. Ф., гдѣ Брукъ лотъ, брошенный съ русскаго корвета «Вирягъ», не досталъ дна на 4800 фут. Близъ острова Мату-сима (Дажелетъ), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, глубина уже превосходитъ 2500 фут. Сѣверные берега моря также очень приглубы, и уже Лаперузъ замѣтилъ, что около нихъ въ ясную погоду плыть вполне безопасно. Наши съемки и промѣры 1857—1869 годовъ совершенно убѣдили въ этомъ, и нельзя довольно нахвалиться прекрасными гаванями: Новгородской, Славянской, Владивостокомъ, Америкой, Находкой, Ольгой, Владиміромъ и другими,

которые вѣзались въ почву Усурійскаго края. Но если сѣверо-западный берег Японскаго моря глубокъ и удобенъ для плаванія, то и юго-восточный, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изслѣдованъ, не менѣе выгоденъ. Исключеніе составляетъ, можетъ быть, одинъ портъ Негата, лежащій при устьѣ значительной рѣки Сянаго-гавы и потому окруженный отмелью. Въ проливахъ, отдѣляющихъ Японию отъ Кореи, глубина измѣняется отъ 60 до 80 сажень, въ Сангарскомъ, который лежитъ между Нинономъ и Иезо, — отъ 75 до 100 и болѣе сажень. Только на сѣверѣ, въ Татарскомъ проливѣ, глубина болѣе и болѣе уменьшается; но и тутъ около мысовъ Муравьева и Лазарева, т. е. въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, суда всякаго размѣра плаваютъ безпрепятственно, хотя по довольно узкому фарватеру. Мелкія мѣста Амурскаго лимана, съ 12—13 футами воды, лежатъ сѣвернѣе, въ предѣлахъ Японскаго моря (*).

Общую величину водной поверхности, растилающейся между Нинономъ и восточными берегами Азии можно опредѣлить въ 20,000 кв. геогр. миль. И такъ, это средиземное море въ два съ половиной раза больше Каспійскаго или Чернаго. Зеленоватая вода его темнѣе Балтійскаго моря, но не достигаетъ синевы не только Архипелага, но даже Адриатическаго моря, хотя лежитъ въ однихъ широтахъ съ послѣднимъ. Соленость водъ его была опредѣлена еще Горнеромъ въ пространствѣ между Мацмаемъ и берегами азіатскаго континента, и тогда было найдено, что она меньше, чѣмъ въ океанѣ на $\frac{1}{3}$ долю (0,0036 : 0,0026). Такое явленіе совершенно понятно, хотя, быть можетъ, цифры Горнера и не вполне точны. Японское море лежитъ въ странѣ чрезвычайно обильной дождями. Кто изъ нашихъ соотечественниковъ бывалъ въ Усурійскомъ краю, тотъ опытомъ знаетъ, что такое эти холодные продолжительные потоки атмосферной воды. Неизмѣримая поверхность Великаго океана служитъ источникомъ ихъ, насыщая воздухъ парами, а сѣверовосточные вѣтры, холодные, несущіеся съ Охотскаго моря, охлаждающіе эти пары и производятъ дождь и туманъ или снѣгъ. Ни одно побережье Европы, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ частей Норвегіи, Португаліи и Ирландіи, не имѣетъ столько дождя, какъ берега Японскаго моря. Въ Татарскомъ проливѣ поверхность воды ежегодно покрывается льдомъ на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ. Также и всѣ бухты на материкѣ до 41° широты замерзаютъ зимою на 1, 2 и даже 5 мѣсяцевъ. Императорская гавань (49°, т. е. широта Бреста во Франціи), столь удобная для стоянки

(*) Амурскій лиманъ, какъ извѣстно, имѣетъ три фарватера, раздѣленные отмелями: сѣверный, который отъ устья Амура ведетъ въ Охотское море, южный — изъ того-же устья къ мысу Лазарева, и Сахалинскій вдоль западнаго берега Сахалина, связывал Японское море съ Охотскимъ, но не съ Амуромъ.

судовъ въ теченіе лѣта, именно потому и не годится для порта, что замерзаетъ почти полгода, и даже лучшій изъ русскихъ гаваней — Владивостокъ и Новгородская — стоятъ подо льдомъ весь январь, а иногда и болѣе. Закрытія бухты на Сахалинѣ и даже на Мацмаѣ представляютъ то-же явленіе.

Приливъ замѣтенъ въ Японскомъ морѣ, но онъ не великъ, потому что приливная волна отовсюду встрѣчаетъ сопротивленіе при входѣ во внутренній водоемъ. Въ портѣ Чу-санъ, наиболѣе открытомъ къ югу, высота сизигійнаго прилива 7 футовъ, въ Сангарскомъ проливѣ лишь 5, а у острова Садо не болѣе 2-хъ. О русскихъ берегахъ извѣстно, что въ южно-усурійскихъ гаваняхъ приливъ никогда не бываетъ больше $2\frac{1}{2}$ фут., въ заливѣ Алива, на Сахалинѣ, $3\frac{1}{2}$ фут. и только въ глубинѣ Татарскаго пролива, у Дуи, $7\frac{1}{2}$ футовъ. Приливный вальъ приходитъ въ Японию почти прямо съ востока, и отъ того въ Хакодате приливъ на два часа раньше, чѣмъ на побережь Кореи. Въ множествѣ закрытыхъ, обставленныхъ скалами бухтъ ждуть обыкновенно прилива, чтобы спустить на воду лодки, которыя въ другое время лежатъ на землѣ. Тамъ, гдѣ берега отмели, желанный часъ есть напротивъ времени отлива: тогда прибрежные жители собираютъ морскую капусту, раковъ, устрицъ и проч. Большихъ отмелей у японскихъ береговъ впрочемъ почти нѣтъ. Самая большая принадлежитъ острову Саза-симѣ, во Внутреннемъ морѣ, на югъ отъ Нинона, т. е. въ разматываемомъ бассейна.

Общихъ теченій неизвѣстно въ Японскомъ морѣ, хотя даже на картахъ Морн и Петермана изображается таковое отъ сѣвера къ югу; за то въ проливахъ, соединяющихъ его съ океаномъ, стремленіе воды въ ту или другую сторону повсемѣстно замѣтно. Именно, на югъ, чрезъ оба Корейскіе пролива, восточнѣе и западнѣе Цусимы, идетъ отрасль общаго океаническаго потока, направляющагося къ сѣверо-востоку. Теченіе это впрочемъ довольно слабо. Гораздо сильнѣе токъ въ Сангарскомъ проливѣ, обыкновенно направленный къ западу и достигающій скорости 4 миль (7 верстъ) въ часъ. Но теченіе это непостоянно въ своемъ направленіи и зависитъ очевидно отъ конфигураціи береговъ, прилива и вѣтра, подобно тому какъ въ нѣкоторыхъ проливахъ Малайскаго архипелага. Симпогаскскій проливъ, между Кусю и Нинономъ, представляетъ еще болѣе рѣзкій примѣръ этого непостоянства: тамъ теченіе измѣняется по нѣскольку разъ въ день, находясь въ связи съ вѣтрами и приливами.

Шестъ проливовъ соединяютъ Японское море съ самымъ обширнымъ изъ всѣхъ океановъ, Восточнымъ. Шумно разбиваются высокія волны его о скалистые берега Японіи, изрѣзанные бухтами и заливами. Благодаря этимъ заливамъ, Японскій архипелагъ есть самая счастливая для морской торговли мѣстность на всемъ пространствѣ отъ Калифорніи до Китая и отъ Фанъ-Димеловой земли до

Берингова пролива. Даже въ другихъ частяхъ свѣта трудно найти страну, которой бы положеніе относительно моря, этой всемірной дороги международныхъ сношеній, было болѣе выгодно, и исключеніе остается за Британскими островами. Число всѣхъ заливовъ и бухтъ на четырехъ большихъ островахъ и множествѣ малыхъ чрезвычайно велико. Какъ болѣе извѣстные, назову: заливъ Лаксмана, бухту Аткинсъ, заливъ Доброй Надежды, Вулканъ-бай, съ гаванью Эндермо, портъ Хакодате, заливы Сухтелена и Строгонова и бухту Румянцева на Мацмаѣ, имѣющемъ кромѣ того нѣсколько лимановъ у сѣверо-восточнаго берега, еще неизслѣдованныхъ. На Нипонѣ болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе великолѣпный заливъ Іеддо съ обширнымъ рейдомъ, въ которомъ находятъ себѣ безопасную стоянку суда всѣхъ размѣровъ. Лучшія якорныя мѣста для европейскихъ кораблей встрѣчаются близъ Ураги, въ Іокоскѣ, въ Каназавѣ, у Іокогама; къ сторонѣ-же Іеддо берегъ отмель версты на четыре. Затѣмъ по южному берегу Нипона слѣдуютъ заливы: Одовара, Сурунга, Овари и пять бассейновъ Внутренняго моря, которые носятъ названія Ідзуми-Харима, Бинго, Иво и Сува-нада. Все это морцо очень удобно для плаванія по своей глубинѣ (20—30 саж.), хотя чрезвычайно богато мелкими островами и скалами, которыя ни съ чѣмъ нельзя сравнить, какъ съ финляндскими шхерами. Суда, плавающие изъ Іокогама въ Шанхай, нынѣ предпочитаютъ эту дорогу кратчайшей чрезъ Ванъ-Дименовъ проливъ, потому что она безопасна отъ бурь и касается открытыхъ иностранцамъ портовъ. Мелкихъ бухтъ на Нипонѣ такъ много, что перечисленіе ихъ ни къ чему бы не повело. Упомяну о Симодѣ, Хедѣ, Эноурѣ, Арари, Таго, лежащихъ на *одномъ* маленькомъ полуостровѣ Ідзу, о болѣе обширной Хамаиѣ и проч. Два обширные залива, Авамори и Сендай, врѣзываются въ сѣверную и восточную части острова, гдѣ кромѣ того извѣстенъ портъ Намбу; бухты-же Ваказа, Той-яма, Мацуэ и др. лежатъ на сѣверо-западной сторонѣ.

На островѣ Кіусіу лежитъ знаменитый Нагасакекій рейдъ, и кромѣ того берега его изрѣзаны многими большими заливами: Синабарскимъ, Удо, Кагозима, Узуми, Омуре и пр. Рейдъ Кагозими столь-же удобенъ, какъ и въ Іеддо, даже лучше его, ибо глубокъ; а какъ онъ ближе къ Китаю и Европѣ на 500 морскихъ миль и лежитъ среди богатыхъ областей Сацумы и Озуми, то ему можно предсказать блестящую будущность, какъ только японцы откроютъ его для европейскихъ судовъ. Сякокфъ по-видимому бѣднѣе гаванями; но европейцы еще почти не знаютъ его. Въ архипелагѣ мелкихъ острововъ на западъ отъ Кіусіу и Нипона уже издавна извѣстны порты въ Фиравдо, Готто, Ики, Цу-симѣ и проч., этихъ Цикладахъ японскаго міра.

Великій океанъ вблизи Японіи конечно не замерзаетъ нигдѣ, имѣетъ вездѣ значительную глубину (15—20 саж. въ разстояніи

мили отъ берега) и правильные приливы. Такъ какъ приливная волна ничѣмъ не задерживается, то прикладной часъ почти вездѣ одинаковъ (6), и исключеніе остается за портами, лежащими въ длинныхъ и узкихъ заливахъ или проливахъ, какъ видно изъ слѣдующаго:

Нагасаки	8
Симоносакі	8 1/2
Дуи	10

Разность прикладныхъ часовъ во Внутреннемъ мордѣ, Харима-нада, и въ открытомъ океанѣ у береговъ Сякокфа и Авадзи, производить любопытный водоворотъ въ проливѣ между этими островами. Высота прилива въ гавани Оосимѣ, на южной оконечности Нипона, т. е. у береговъ открытаго моря, 5 фут., въ Іеддо 6 1/2, въ Цу-симѣ и Симоносакі по 8, а въ Нагасаки даже 9.

Великій океанъ къ югу отъ Японіи и вблизи береговъ ея—на 25—50 миль южнѣе—имѣетъ замѣчательное теченіе. Это *Куро-сиво*, который справедливо сравнивается съ Гольфъ-стримомъ Атлантики. Широкий потокъ этотъ начинается у южнаго конца Формозы, подъ 22° широты, вслѣдствіе отлива воды, нагоняемыхъ общимъ экваторіальнымъ теченіемъ Тихаго океана въ Китайское море. Направленіе его, какъ и Гольфъ-стрима, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, и послѣдніе слѣды замѣтны еще у береговъ бывшей русской Америки, которой климатъ, благодаря этому приливу теплой воды, гораздо мягче, чѣмъ соответственныхъ береговъ Азіи. Сѣверо-западный предѣлъ Куро-сиво, въ части, соедѣней съ Японіею, хорошо замѣтенъ и даже ночью можетъ быть отличенъ помощью термометра, такъ какъ теплота потока, 16—24° Р., на 5, 8 и иногда 10 градусовъ выше, чѣмъ сосѣдняго океана. Но другія его очертанія съ точностью еще неизвѣстны, особенно южное, гдѣ переходъ отъ потока къ неподвижному морю весьма постепененъ. Средняя скорость теченія около 40 мор. миль, т. е. 70 верстъ, въ сутки; но бывали случаи, что на меридіанѣ Іеддо замѣчали скорость вдвое большую, т. е. 80 миль въ сутки. Для судовъ, идущихъ въ Японію изъ Индѣйскаго океана, это значительное подспорье. Вотъ почему онѣ совершаютъ свое плаваніе отъ тропика до 36-ой параллели 2—3 днями скорѣе, чѣмъ идя обратно въ южно Китайское море. Густосиній цвѣтъ воды въ потокѣ гораздо темнѣе, чѣмъ въ океанѣ, и это служило причиной его названія, ибо Куро-сиво по-японски значитъ “Черпій потокъ”. Само собою разумѣется, что въ случаѣ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ разводимое въ немъ волненіе бываетъ чрезвычайно велико, и какъ волны, не смотря на вышину, выходятъ короче, чѣмъ въ океанѣ, то качка бываетъ ужасная.

Южнѣе Кіусіу Куро-сиво по-видимому отдѣляется небольшую вѣтвь въ Японское море, которая и проникаетъ Корейскимъ проливомъ; но подробностей объ этомъ побочномъ теченіи у насъ не

имѣется. Что-же касается до предположенія нѣкоторыхъ писателей, что толчекъ, сообщаемый Куро-сиво водамъ океана, служитъ причиною теченія въ Сингарскомъ проливѣ; то этого доказать невозможно. Равнымъ образомъ и о возвратномъ потоцѣ отъ сѣвера къ югу, *подъ дномъ* Куро-сиво, мы ничего не знаемъ; ибо плавающихъ ледяныхъ горъ, которые напр. въ Атлантическомъ океанѣ даже подъ широтою 40° с. показываютъ существованіе полярнаго тока, нѣтъ въ океанѣ Восточномъ. Вблизи сѣверныхъ острововъ Японіи, т. е. Маппа и Итурупа, а отчасти Нипона, можно иногда замѣтить *поверхностное* теченіе съ сѣвера, даже при противныхъ вѣтрахъ; но есть-ли это *вознаграждающій* токъ, о томъ ничего нельзя сказать положительнаго. Глубина Куро-сиво также намъ неизвѣстна.

Великій океанъ на югъ отъ Японіи, до острововъ Филиппинскихъ и береговъ Китая, знаменитъ смерчами или тифонами, которые уже со временъ Горсбурга обращали на себя вниманіе мореплавателей, постигавшихъ эти воды. Тифоны распространяющіеся иногда на обширное разстояніе, во многомъ напоминаютъ антильскіе органы по своей опустошительности; но нерѣдко они имѣютъ размѣры простаго столба, въ которомъ воздухъ и даже вода вращаются съ чрезвычайною быстротою, какъ въ вихрѣ. Полной теоріи образованія бурь въ Китайскомъ морѣ однако-же нѣтъ, не смотря на труды Пиддингтона относительно южной части этого моря и наблюденій многихъ новыхъ мореходцевъ въ Ликейскомъ архипелагѣ, на Нипонѣ и проч. Вѣроятно она та-же, что предложена Ридомъ и Редфильдомъ для урагановъ Атлантическаго и Индѣйскаго океановъ. По крайней мѣрѣ, руководствуясь ею, т. е. признавая тифоны вихрями, пертящимися отъ сѣвера черезъ западъ къ югу около точки, въ свою очередь поднимающейся къ сѣверо-востоку, моряки иногда выходили удачно изъ центра бури въ болѣе безопасныя мѣстности. Тифоны извѣстны только на югѣ отъ Кіусіу, Сикокфа и Нипона; у сѣверныхъ-же предѣловъ Японіи ихъ нѣтъ; но тамъ большую опасность представляютъ обыкновенныя бури, дующія съ страшною силою изъ-за всѣхъ мысовъ, напр. Сои, Торива-саки и проч.

Богатая развитіями сосѣдняго моря, глубоко проникающими въ почву ея, Японія, въ замѣнъ того, лишена большихъ внутреннихъ водовмѣстителей. Всѣ ея рѣки суть второстепенные потоки, недостающіе даже размѣра рѣкъ, орошающихъ Швейцарію. На Нипонѣ нѣтъ ни одной рѣки, которая бы была длиннѣе 175 верстъ; на Кіусіу и Сикокфѣ тѣмъ болѣе. Только на Маппа есть рѣки: *Исикари*, *Тессіо* и *Изи*, которыя достигаютъ до 180 верстъ; но онѣ, подобно прочимъ, имѣютъ свойства горныхъ потоковъ, т. е. слишкомъ быстры и обильны водою во время дождей и маловодны въ сухое время года. Для судоходства годны въ Японіи только низовья *Кокосавы*, *Тоды* и *Никосавы*, текущихъ въ заливъ Іеддо, *Синававы* и

Киссоговы, притоковъ залива Овари, и *Синававы*, которая впадаетъ въ Японское море. Последняя мѣстами канализирована, чтобы вода не разбивалась на протоки и не размывала береговыхъ долинъ. Рѣки: *Иодогавы*, стокъ озера Бивы, *Сирогава* и *Фигамигавы* впадающія въ заливъ Сандай, и *Нисагата*, притокъ Синававы, также посѣятъ небольшія суда. Затѣмъ всѣ остальные рѣки не только не служатъ для сообщений, но нерѣдко препятствуютъ имъ. При первыхъ дождяхъ онѣ прибываютъ и несутся съ страшною быстротою. Внезапность прибыл и сила теченія служатъ причиною, что въ Японіи мало мостовъ на значительныхъ рѣкахъ, а вездѣ устроены переправы на лодкахъ или даже въ бродѣ, причемъ, по странной особености японскихъ законовъ, перевозчики отвѣчаютъ головою за несчастіе съ перевозимымъ лицомъ. Рѣка *Оингавы*, въ Тоотоми, уже давно прославлена европейцами, путешествовавшими изъ Нагасаки въ Іеддо, какъ одна изъ типическихъ въ этомъ родѣ, и японское изданіе "Токаидо въ картинахъ" показываетъ, что перевозчикамъ приходится тутъ погружаться въ воду по плечи. На одной изъ рѣкъ провинціи Микавы есть впрочемъ мостъ длиною до 180 сажень,—самый длинный въ Японіи. Рукава Іодогавы въ Осакѣ и Огавы въ Іеддо также пересѣчены многочисленными мостами, изъ которыхъ нѣкоторые длиннѣе ста сажень. Многія мелкія рѣки въ Японіи распушены по каналамъ для орошенія полей. Изъ озеръ, кромѣ названнаго уже *Бивы* или *Оица*, занимающаго пространство около 13 кв. миль, замѣтимъ на Нипонѣ: *Инабасиро*, 3 кв. м., въ провинціи Ошіу, *Сува*—въ Синано, живописное *Хакопи*—въ Сагамі; на Маппа: *Сиворуки*, *Тонабія*, *Кисури-уми*, *Коти-ичіу*, *Тоокото*, *Оотоске-имацу* (2 кв. м.), изъ которыхъ последнее имѣетъ характеръ лимана, будучи отдѣлено отъ моря косогою, всѣ-же прочія суть альпійскія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Климатъ и органическая природа.

“Японія, замѣтилъ одинъ миссіонеръ еще въ XVI вѣкѣ, расположена почти въ томъ-же климатѣ, какъ Испанія и Италія. Здѣсь собираютъ двѣ жатвы въ годъ”. Такова, въ короткихъ словахъ, характеристика климата и производительности, если не всего Японскаго архипелага, то по крайней мѣрѣ южныхъ частей его. Болѣе близкое ознакомленіе съ дѣломъ только развиваетъ мысль іезуита. Дѣйствительно, если прибавить къ его словамъ, что климатъ въ Японіи влажнѣе итальянскаго, то получится все, чѣмъ японцы можно характеризовать его. Численныя величины для выраженія свойствъ климата имѣются едва для трехъ мѣстностей; да и тутъ выводы не вполне еще точны, потому что наблюденія обнимаютъ короткіе періоды времени. Особенно влажность воздуха, количество падающихъ дождей, число бурь и грозъ, зависимость высоты барометра и термометра отъ вѣтровъ требуютъ дальнѣйшихъ опредѣленій. И хотя еще Тунбергъ пытался сдѣлать нѣкоторые замѣчанія по этимъ предметамъ, но эти замѣчанія относились къ одному Нагасаки, т. е. къ пункту, лежащему на крайнемъ юго-западѣ всей страны, и нисколько не выясняли климатическихъ свойствъ Сикокфа, Нипона, Мацмая. По этому приходится быть очень краткимъ въ обзорѣ того, что характеризуетъ погоду, господствующую въ Японіи.

Прежде всего замѣтимъ, что среднія температуры:

Хакодате . . .	41° 46 с. шир.	7°, 9 Р.
Юкогама . . .	35, 26 . . .	10, 9.
Нагасаки. . . .	32, 45 . . .	13, 0.
Средн.	36, 39 . . .	10, 6.

находятся въ Европѣ лишь 9¹/₂ градусами сѣвернѣе, а именно въ

Амстердамъ . .	52° 23 . . .	7°, 9 Р.
Венеціи . . .	45, 26 . . .	10, 9.
Неаполѣ. . . .	40, 51 . . .	13, 0.
Средн.	46, 13 . . .	разность 9° 34' ш.

Если-же приведенныя для Хакодате и проч. цифры сопоставить съ данными для нѣкоторыхъ мѣстъ въ Соединенныхъ Штатахъ, напр.

Альбани. . . .	42° 39 . . .	7° 2 Р.
Вашингтона . .	38, 53 . . .	10, 1.
Аугусты. . . .	33, 28 . . .	13, 3.
Средн.	36, 20 . . .	10, 2.

то будетъ видно, что климатъ Японіи похожъ на климатъ приатлантической части сѣверной Америки, что подтверждается и наблюденіями надъ растительностью въ обѣихъ странахъ.

При сравненіи съ восточными берегами сосѣдей Азіи оказывается также, что Японія, въ общемъ объемѣ, немногимъ лишь теплѣе этихъ береговъ; именно:

Зал. Посѣта, ш. 42° 40 ср. т.	4, 8 Р. и съ другой стороны:
Пекинъ	39, 54 . . . 10, 1 — Шанхай 31° 15 ср. тем. 13° 4 Р.
Средн.	41, 17 . . . 7, 5 — Нагасаки 32, 45 . . . 13, 0 Р.
Хакодате	41, 46 . . . 7, 9.

Но за то Японія не знаетъ такихъ удивительныхъ жаровъ лѣтомъ и такихъ суровыхъ холодовъ зимою, какіе свойственны сосѣднему азіатскому матерiku. Юкогама и Пекинъ имѣютъ почти одинаковую годовую температуру; но въ первой зелень многихъ растений, напр. бамбука, сохраняется круглый годъ, и морозы рѣдко бываютъ болѣе — 2° Р.; тогда какъ въ послѣднемъ листопадъ начинается уже въ сентябрѣ, а морозы доходятъ по временамъ до 13 и 15 градусовъ.

Впрочемъ замѣчанія эти относятся только до южныхъ и восточныхъ склоновъ Нипона, а также до Кіусіу и Сикокфа. Что до сѣверо-западной стороны Нипона и до Мацмая, то ихъ климатъ можно назвать суровымъ для широтъ, въ которыхъ они лежатъ. На Нипонѣ напр., въ широтѣ 37°, около Ніегаты, выпадаютъ снѣга въ два и болѣе аршина глубиною и лежатъ по недѣлямъ. Въ Хакодате нужно считать среднимъ числомъ шесть недѣль сплошной снѣжной зимы, и кромѣ того снѣгъ выпадаетъ случайно и въ этого періода. На южныхъ оконечностяхъ Сахалина по горамъ снѣгъ лежитъ до мая; и такъ какъ сѣверная половина Мацмая, будучи погата къ полюсу находится почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ Сахалиномъ, то, нужно думать, что и тутъ климатъ не менѣе суровъ. Взавъ въ соображеніе, что Николаевскъ, подъ 53°, 8 шир., имѣетъ среднюю температуру — 2° Р., а Хакодате, подъ 41° 46, около 8° Р., мы въ правѣ заключить, что въ Лаперузовомъ проливѣ, т. е. подъ 45° 50, средняя температура не превышаетъ 4° Р., такъ что, подъ широтою Триеста, мы здѣсь имѣемъ климатъ Христіаніи и Унсалы.

Второе важное климатическое условіе всякой страны—влажность воздуха, можетъ быть характеризована для Японіи слѣдующими данными. Число дождливыхъ дней въ Нагасаки есть 110, въ Йокогамѣ 113, въ Хакодате 111, не считая 40 дней снѣжныхъ, что показываетъ, что сырость климата возрастаетъ съ приближеніемъ къ сѣверу. Это и естественно, ибо струи теплаго воздуха, приносимыя на Мацмай съ юга, встрѣчаютъ здѣсь не только холодную атмосферу странъ горныхъ, но и вѣтры, дующіе съ Охотскаго моря, это резервуара струи для всей восточной Азіи. Дожди въ Нагасаки и Йокогамѣ особенно часты лѣтомъ, и тогда имѣютъ по временамъ характеръ тропическихъ ливней. Зимой-же тутъ царствуетъ по большей части ясная погода. Въ Хакодате и на сѣверо-западномъ склонѣ Ниппона, напротивъ, количество атмосферной воды, падающей на землю, по-видимому, распределяется довольно равномерно по всѣмъ временамъ года. Одинъ новый путешественникъ, Бауманъ, въ февралѣ 1870 года встрѣчалъ около Негаты сугробы въ сажень глубиною.

Что касается до вѣтровъ, то Японія, находясь внѣ тропическаго пояса, не знаетъ уже ни пассатовъ, ни муссоновъ; но можно сказать, что извѣстныя мѣстности въ ней имѣютъ каждая свои преобладающіе вѣтры. Такъ въ Йокогамѣ это суть восточные и южные; сѣверо-западные-же дуютъ гораздо рѣже. Юго-западный вѣтеръ въ Йокогамѣ есть всегда дождливый, ибо онъ приноситъ огромную массу теплыхъ паровъ съ поверхности Куро-сиво, которые падъ сушию немедленно осаждаются. Иногда, послѣ долгой ясной погоды, когда воздухъ падъ поверхностью суши разрѣженъ и барометръ стоитъ низко, онъ внезапно начинаетъ дуть съ такою яростью, что стоящіе на рейдѣ корабли едва успѣваютъ принять мѣры предосторожности, чтобы не быть сорванными съ якорей или не подвергнуться дрейфованію. Въ Нагасаки то-же самое производятъ юго-западные вѣтры. И тамъ, и здѣсь замѣтны бризы, столь умѣряющіе жары въ лѣтнюю пору; но впрочемъ Нагасаки въ этомъ отношеніи расположенъ менѣе выгодно, ибо лежитъ въ глубокой долинѣ. Бризы тутъ дуютъ почти по меридіану, т. е. днемъ съ юга, а ночью съ сѣвера.

Весьма любопытно было бы прослѣдить распределеніе климатовъ въ вертикальномъ направленіи; но для этого нѣтъ у насъ вовсе численныхъ данныхъ. Одно можно сказать, что снѣжная линія на юго-восточной сторонѣ Японскихъ острововъ лежитъ очень высоко, какъ то можно заключить по Фузѣ-ямѣ, съ вершины которой, не смотря на высоту 12,450 футовъ падъ моремъ, снѣгъ сходитъ по крайней мѣрѣ въ теченіе мѣсяца. Гора эта лежитъ подъ 35° 18' ш.; слѣдовательно можно думать, что условія вертикальнаго распределенія теплоты здѣсь выгоднѣе чѣмъ даже въ южной Европѣ, гдѣ по отклонамъ Этинъ снѣжная линія проходитъ на 9000 футовъ.

Вотъ почти все, что можно въ настоящее время сказать для характеристики климата Японіи въ общихъ чертахъ. Прибавимъ здѣсь еще слѣдующія замѣтки, уже безъ всякихъ численныхъ данныхъ. Туманы рѣдки на югѣ и весьма обыкновенны на сѣверѣ. Роса падаетъ всюду весьма изобильно. Грозы не такъ часты, какъ въ западной Европѣ: но за то случаются и зимою. Такъ въ январѣ 1870 года городъ Нагасаки былъ застигнутъ сильной грозой, которая продолжалась цѣлый вечеръ и часть ночи. На климатъ южнаго побережья имѣетъ очевидное вліяніе теплота сосѣдняго морскаго потока Куро-сиво, и напротивъ сѣверо-западные берега не излѣты изъ подъ вліянія холодныхъ вѣтровъ съ русскихъ береговъ Японскаго моря. Въ проливахъ, какъ уже было замѣчено при обзорѣ морей, дуютъ иногда штормы, а на южныхъ берегахъ случаются тифоны, особливо въ раннюю весну и въ позднюю осень. Начало тифона или приближеніе его обыкновенно знаменуется паденіемъ барометра и густыми черными тучами на сѣверо-западѣ. Барометрическія колебанія въ Японіи напоминаютъ ходомъ своимъ Европу; именно въ Нагасаки наибольшая высота барометра, 30^{mm}.2, соответствуетъ декабрю и январю мѣсяцамъ, а наименьшая, 29^{mm}, июлю.

Заключимъ этотъ обзоръ японскаго климата сообщеніемъ одного изъ такъ называемыхъ цвѣточныхъ календарей, нѣкогда введенныхъ въ Европѣ Линнеемъ и довольно употребительныхъ въ Японіи. Въ имперіи солнечнаго восхода новый годъ начинается обыкновенно въ самомъ концѣ января или-же въ первыхъ числахъ февраля; и такъ первый мѣсяцъ японскаго года соответствуетъ нашему февралю, второй марту и т. д. Слѣдующая таблица показываетъ, какія растенія послѣдовательно цвѣтутъ, въ разные мѣсяцы, въ Іеддо:

1 мѣсяцъ.	Слива, <i>Prunus Moume</i> ; Ива, <i>Salix Japonicus</i> .
2 —	Айва, <i>Cydonia Japonica</i> ; Миндаль, <i>Amygd. Persica</i> .
3 —	Вишня, <i>Cerasus</i> ; Груша, <i>Pyrus baccata</i> .
4 —	Ломоносъ, <i>Clematis</i> ; Лулія, <i>Lil. longiflorum</i> .
5 —	Касатикъ, <i>Iris</i> ; Кувшинка, <i>Nymphaea Jap.</i>
6 —	Лотусъ, <i>Nelumbium specio</i> ; Бальзамникъ, <i>Imp. balsamin.</i>
7 —	Бобы, <i>Dolichos hirsutus</i> .
8 —	Орхидея, <i>Epidendrum ensatum</i> ; Грециха, <i>Polygonum</i> .
9 —	Горечавка, <i>Gentiana</i> ; Лигуларія, <i>Lig. Kämpferi</i> .
10 —	Нарцисъ, <i>Narc. tasetta</i> ; Камелія, <i>Cam. Japonica</i> .
11 —	Ягодка, <i>Daphne papyrifera</i> ; Слива, <i>Prunus Jabai</i> .
12 —	Ягодка, <i>Daphne odora</i> ; Слива, <i>Prunus Kanbai</i> .

Этотъ цвѣточный календаръ естественно приводитъ насъ къ обзору растительности, которая особенно разнообразна въ Японскомъ архипелагѣ и отличается пышностію развитія, густотою зелени и сочностью всѣхъ тканей. Благодаря довольно рѣзкому переходу отъ свѣже-умѣреннаго климата къ теплomu, какъ въ горизонтальномъ

направленіи, отъ сѣвера къ югу, такъ и въ вертикальномъ, по отклонамъ горъ, японская растительность представляетъ нерѣдко въ близкомъ соедѣствіи формы средне-европейскія и породы почти тропическія. Изъ видовъ, напоминающихъ *тропики*, замѣчательны: бананы, впрочемъ достигающіе здѣсь сѣвернаго предѣла и неприносящіе зрѣлыхъ плодовъ; многіе виды бамбука; лавры, изъ которыхъ особенно замѣчательно камфарное дерево; хлопчатникъ; саговикъ *теccio*; шишконосная пальма, дающая саго; малорослая пальма *Chamerops excelsa*, растущая впрочемъ и въ южной Европѣ; волторышникъ, дерево съ большими широкими листьями, напоминающими сирень и съ пѣвчочными пирамидами въ родѣ каштановыхъ; далѣе: мирты, гранатники, апельсиныя, миндальныя деревья, чайный кустъ и пр. Кромѣ того можно назвать: великолѣпныя японскія розы или камеліи, вѣчно украшенныя своими блестящими плотными листьями: золотое дерево, съ широкими кожистыми листьями темно-зеленаго цвѣта съ пятнами; хаки или китайскую хурму, дерево средняго роста, очень вѣтвистое, съ желтоватыми мясистыми плодами, похожими на сливу, и съ густою листвою. Напротивъ того, бирючина, бузина, ясень, деренъ, каштанъ, самшитъ, жимолость, бересклетъ, барбарисъ, кленъ, сливы, вишни, яблони, груши, кизильникъ, боярышникъ, розовые кусты и др. напоминаютъ *среднюю Европу*, западный Кавказъ и средніе изъ приатлантическыхъ штатовъ сѣверной Америки: сосна-же, береза, дубъ, липа — наше холодноумѣренное положе у Казани и Нижняго. Между травянистыми растеніями такое-же родство съ европейскою флорою обнаруживаютъ: шалфей, розмаринъ, баранчики, фіалки, земляника, морковь, гвоздика, молочай, подорожникъ, различныя породы картофеля и табаку, колокольчики, трилистникъ и другія сложноцвѣтныя, лютики, наперстянки и пр. Лиліи столь многочисленныя въ Малъчжуріи, изобильно растутъ и здѣсь. Благодаря обработкѣ въ садахъ, онѣ представляютъ болѣе ста породъ (*varietas*), точно такъ-же, какъ и розы, число которыхъ еще значительнѣе. Культурныя растенія Японіи тоже представляютъ переходъ отъ тропическихъ къ средне-европейскимъ. Такъ рядомъ съ смоквами, виноградомъ, гранатами, хлопчатникомъ, рисомъ, мы видимъ пшеницу, кукурузу, ячмень, овесъ, картофель, спаржу, рѣдьку, салатъ, огурцы, дыни, горохъ, цикорій. Къ европейскому климату подходятъ также: кваш, камышъ съ съѣдобными корнями; ава, видъ проса; квосуа, злакъ съ лапчатымъ колосомъ; чилимъ; огненная лилія, луковилы которой употребляются въ пищу, и японскій картофель, *Dioscorea Japonica*, вьющееся растеніе съ мучнистыми корнями. На это послѣднее растеніе было уже не разъ указываемо какъ на способное замѣнить нашъ выродившійся европейско-американскій картофель.

“Общій видъ растительности на островахъ Японіи, Сикокфѣ,

Kiuciu и Iezo, справедливо говорятъ Микель, опредѣляется *преобладаніемъ деревьевъ и кустарниковъ надъ растеніями травянистыми*. Многочисленныя и разнообразныя хвойныя, плосконосныя, березовыя, лавровыя, магноліевыя, жимолостныя, целастриновыя, камнеломковыя, вересковыя, кленовыя, стирасовыя, розовыя и проч. образуютъ здѣсь лѣса, сгруппированные очень сходно съ сѣвероамериканскими въ восточной части Соединенныхъ Штатовъ, но въ которыхъ и чисто азіатскіе типы бобовыхъ, савиловыхъ, ксантоксильовыхъ, липовыхъ и пр. находятъ себѣ мѣсто. И Цуккарини былъ недалекъ отъ истины, когда опредѣлилъ число всѣхъ древовидныхъ растеній Японіи въ одну треть числа ея явнотравныхъ”.

Другая особенность японскаго растительнаго ландшафта состоитъ въ томъ, что мѣстами онъ образуется *почти исключительно воздѣланными растеніями*. Лишь на крутыхъ, каменистыхъ откосахъ горъ встрѣчаются породы необработанныя или ненасаженные рукой человѣка. “Я предполагалъ пайдти, замѣтилъ еще Тунбергъ, огромныя ботаническія богатства на японскихъ поляхъ и въ селеніяхъ; но неутомимая дѣятельность народа обманула мои ожиданія. Ни одной сорной травки, ни одного растительнаго паразита нѣтъ на этихъ поляхъ. Еслибы и появились, то ихъ немедленно вырвали бы”. Это можетъ дать поводъ думать, что сельскій видъ Японіи очень однообразенъ и напоминаетъ или наши русскія поля, или обширныя низменности Китая, засѣяныя рисомъ. Но на самомъ дѣлѣ не то, и японскій культурный ландшафтъ обыкновенно отличается пестротой и разнообразіемъ. Горы и холмы одѣты зеленью небольшихъ роцъ, садовъ и аллей, насажденных рукой человѣка; покатоки представляютъ желтѣющія поля пшеницы и ячменя, а въ долинахъ господствуетъ рисъ, хлопчатникъ, огородные овощи, перемѣшанные съ зеленью отдѣльныхъ деревьевъ, чайнаго кустарника и пр., которые во множествѣ растутъ по межамъ, у дорогъ или возлѣ жилищъ. Разнообразіе такъ велико, что обманываетъ глазъ: думаешь, что это пестрота природная, безъискусственная. И для европейца трудно было бы сравнить съ чѣмъ другимъ видъ многихъ мѣстностей южной Японіи, какъ съ ландшафтомъ ниныхъ частей средней и южной Італіи, напр. флорентинскихъ окрестностей. Здѣсь, какъ и тамъ, удивленный житель сѣвера встрѣчаетъ на одной и той же почвѣ готовую жатву, деревья средняго роста и высокіе стволы строевыхъ деревьевъ, которыхъ густо-лиственные вершины даютъ тѣнь тому, что растетъ ниже и могло бы быть выжево солнцемъ.

Въ ботанической географіи Японскій архипелагъ принято называть царствомъ камелій и целеастровыхъ, которые составляютъ исключительную принадлежность Японіи. Представителями перваго типа этихъ растеній служатъ два вида камелій и чайное дерево; а вторыхъ особыя виды бересклета и другихъ краснопузырниковыхъ,

виды крушины и ююба. Кроме того Японія свойственны и многія другія растенія, не встрѣчающіяся въ ея, напр. гинкго, хвойное дерево съ иглами, переходящими въ листья. Но эта отличительность флоры, можетъ быть и рѣзкая въ то время, когда Японскій архипелагъ былъ страной дѣвственной, пылъ, такъ сказать, почти стерлась. Уже Зибольдъ замѣтилъ, что изъ 500 растеній, служащихъ въ Японіи на пользу или для украшенія садовъ, навѣрное половина вывезена изъ сосѣднихъ странъ. Ригель, сравнивая въ 1860 году японскую флору съ усурійскою, нашелъ, что изъ 600 видовъ, описанныхъ Максимовичемъ на Усури, неменѣе 70-ти свойственны Японіи; съ дальнѣйшимъ же изученіемъ флоры всего Японскаго архипелага Микель пришелъ къ слѣдующимъ замѣчательнымъ соображеніямъ и выводамъ.

1. Все число видовъ въ Японіи, не считая растеній клѣтчатыхъ, достигаетъ до 1995 явнотрачныхъ, 1456 двудольныхъ, 472 однодольныхъ, 67 голоствольныхъ, и до 138 тайнотрачныхъ сосудистыхъ: всего 2133 вида. Это большое богатство. Цѣлая флора Соединенныхъ Штатовъ, страны въ 14 разъ превосходящей Японію, заключаетъ лишь 2166 видовъ явнотрачныхъ и сосудистыхъ; вся Русская имперія, представляющая столь разнообразныя климатическія и почвенныя условія, имѣетъ лишь 6449 видовъ.

2. Отношеніе числа двустольныхъ къ одноствольнымъ составляетъ около 3 : 1. Въ Соединенныхъ Штатахъ оно равно 5 : 2, въ Россіи 5 : 1, въ Амурскомъ краѣ 3, 8 : 1. И такъ Японія въ этомъ отношеніи составляетъ средину между сѣвѣрною Америкою и бассейномъ Амура, рѣзко отличающагося отъ Россіи въ общемъ ея объемѣ.

3. Господствующія растительныя семейства суть слѣдующія :

Сложноцвѣтныя, $\frac{1}{15}$ всей ф.	130 вид.	Вересковыя, $\frac{1}{33}$ всей флоры	54
Злачныя	126	Орхидей	51
Киперовыя	101	Лилія	50
Розовыя	81	Норичниковыя	45
Бобовыя	66	Зонтичныя	45
Хвойныя	67	Камнеломковыя	41
Лютиковыя	63	Плюсконосныя	32
Губоцвѣтныя, $\frac{1}{38}$ флоры .	55	Крестоцвѣтныя, $\frac{1}{68}$ флоры	31

Эти пропорціи очень напоминаютъ амурскую флору. Изобиліе хвойныхъ ($\frac{1}{29}$) и орхидей ($\frac{1}{38}$) особенно поразительно. Въ Россіи, которая столь богата хвойными растеніями, число ихъ составляетъ едва $\frac{1}{160}$ всей флоры, въ Австраліи ихъ не больше $\frac{1}{184}$, въ Индіи даже лишь $\frac{1}{290}$.

4. Разнообразіе японской растительности однако болѣе зависитъ отъ значительнаго числа отрядовъ и родовъ, чѣмъ видовъ, такъ какъ обыкновенно каждый родъ представленъ только небольшимъ

числомъ видовъ. Исключеніе составляютъ лишь роды : осока, которая имѣетъ 56 видовъ, дубъ—25, гречиха—26, лилія—17, камнѣя—12, жимолость—10, яблоня—11, артемизія—12, лопухъ—12, вязъ—13. Роды въ Японіи тѣмъ богаче видами, чѣмъ они болѣе свойственны умѣренному поясу; напротивъ, растенія тропическія представлены въ каждомъ родѣ, лишь небольшимъ числомъ породъ, и то-же почти можно сказать про виды арктическіе, встрѣчающіеся на Іезо.

5. По свойствамъ семействъ, родовъ и видовъ японская флора имѣетъ много общаго съ тропичною флорою Европы и другихъ странъ. Это слѣдуетъ изъ сравненія ея съ палеонтологическими коллекціями, собранными въ Швейцаріи, юго-восточной Франціи и даже на Явѣ.

6. Она имѣетъ также много общаго съ растительностью восточной Азіи, отъ низовьевъ Амура до Гонгъ-Конга и Гималаевъ. Только 39 родовъ принадлежатъ собственно Японскому архипелагу и не находятся въ него.

7. Она имѣетъ близкое сродство съ флорою восточной части сѣвѣрной Америки, такъ что до 150 родовъ имѣтъ общаго, и изъ нихъ лишь 40 растутъ въ западной части Соединенныхъ Штатовъ, между Скалистыми горами и Тихимъ океаномъ. Впрочемъ сходные роды представлены въ Японіи и приатлантической Америкѣ не одними и тѣми-же видами.

Теперь, чтобы заключить этотъ очеркъ растительнаго царства въ Японіи, напомнимъ здѣсь названія тѣхъ породъ растеній, изъ которыхъ человѣкъ извлекаетъ наибольшую пользу. Это будутъ :

а) Деревья :

Шелковичное, *Morus alba*, которое водится вездѣ къ югу отъ 41° широты, особенно въ сѣвѣрной половинѣ Нипона.

Бумажное, *Brussonetia papyrifera*, изъ коры котораго, собираемой въ декабрѣ, дѣлаютъ бумагу.

Лаковое, *Rhus vernix*, растущее впрочемъ и дико. Млековидный сокъ его даетъ знаменитый японскій лакъ.

Камфарное, *Laurus camphora*, дающее камфору и дорогое столярное дерево. Особенно разводится на островахъ Готто и въ провинціи Сакумъ.

Чайный кустъ, *Thea bohea*, воздѣлываемый вездѣ въ южной части архипелага, но дающій чай хуже китайскаго, слишкомъ ароматичный и вичужаго вкуса.

Восковое дерево, *Rhus succedonea*, изъ котораго приготавливаютъ воскъ на свѣчи, замѣняющій, у зажиточныхъ японцевъ, наши стеариновыя, а въ храмахъ—восковыя.

Смоковницы, каштаны, орѣшникъ, груши, фисташки, апельсины, лимоны, сливы, абрикосы, разводимые для плодовъ, постоянно впрочемъ уступающихъ европейскимъ.

Сосна, кедръ, береза, дубъ, кипарисъ и ясень—главные строевые деревья Японіи, которая имѣетъ также и тековое дерево.

б) *Другія растенія.*

Хлопчатникъ, свойственный всей южной половинѣ архипелага и пересаживаемый ежегодно.

Конопля, дающая обыкновенный матеріалъ для грубыхъ тканей, особенно для парусины. Но веревки дѣлаются не изъ нея, а изъ крапивы и изъ коры нѣкоторыхъ деревьевъ.

Рисъ — важнѣйшее произведеніе Японіи, которое составляетъ главную пищу народа. Онъ родится на всемъ архипелагѣ, кромѣ Мацмая; но особенно знамениты плодородіемъ области: Мусаси, Сурунга, Каи, Тоотоми, Исие, Сима, Мино, Ооми, Ямато, Ямасійро, Харима, Битсю, Идзумо и Оосуми, т. е. южныя и западныя части Нипона и Кіусіу.

Пшеница, рожь, ячмень, овесъ, сахарное просо (сорго) и другіе полевые злаки, произрастающіе вездѣ. Нѣкоторые изъ нихъ даютъ по двѣ жатвы въ годъ.

Капуста, рѣдька, картофель, бататы, горохъ, бобы, морковь, хрѣнъ, салатъ и множество другихъ травянистыхъ породъ составляютъ огородные овощи.

Кунжутъ, рѣпа, камфарное дерево, египетскій гороховикъ и нѣкоторыя другія растенія даютъ масла для приправы пищи и для мытья.

Марена и спорынь—краски красную и синюю.

Сады, столь изящно содержимые японцами, сверхъ главнаго ихъ украшенія, камелій и разнообразныхъ хвойныхъ деревьевъ, которымъ искусство придаетъ самые прихотливые оттѣнки и формы, наполнены обыкновенно азалиями, нандинами, вишнями, померанцами, барбарисомъ, аукубою, магноліями, бархатцами, китайскими астрами, піонами, маточной травой, ноготками, бальзаминами, колокольчиками и безчисленными породами лилій и розъ.

Морская капуста, конечно, не обрабатывается, но добывается японцами въ огромномъ количествѣ, для пропитанія бѣдняковъ и еще болѣе для вывоза въ Китай.

Наконецъ въ хозяйствѣ японскомъ играютъ важную роль грибы, усердно собираемые и служащіе приправою къ разнымъ подливкамъ и соусамъ.

Отъ міра растеній переходя теперь къ животному царству Японіи, мы должны бы прежде всего предположить, что страна столь отдѣльная по своему географическому положенію имѣетъ совершенно самостоятельную фауну. Однако, какъ замѣтилъ Темминкъ, это предположеніе несовсѣмъ оправдывается, по крайней мѣрѣ относительно высшихъ животныхъ. Собственныхъ родовъ млекопитающихъ Японскій архипелагъ не имѣетъ, и почти всѣ его виды

встрѣчаются въ другихъ странахъ, даже въ Европѣ. Число звѣрей притомъ невелико. Одинъ видъ обезьяны, медвѣди большой и малый, барсукъ-тануки, лисица, волкъ, олень, антилопа съ длинною шерстью, сходная съ суматрскою, дикая свинья, монгольскій заяцъ, крысы и мыши суть немногіе дикіе представители класса млекопитающихъ. Къ нимъ могутъ быть присоединены домашніе животныя: кошки и собаки, разводимыя въ большомъ числѣ, и лошади, коровы и буйволы мелкой, но крѣпкой породы, впрочемъ немногочисленные. Овецъ и козъ нѣтъ совсѣмъ, такъ что японцы до послѣдняго времени не знали шерстяной одежды. Большіе виды рода *Felix*, какъ то тигры, ирбисы, также неизвѣстны, хотя они встрѣчаются въ сосѣднихъ странахъ, Маньчжуріи и Корей. У береговъ Японіи водится еще довольно китовъ, которыхъ бьютъ гарпунами для извлеченія изъ нихъ спермацета и амбры. Бѣдняки употребляютъ китовое мясо и въ пищу, не смотря на то, что оно отвратительно.

Изъ названныхъ здѣсь млекопитающихъ замѣтимъ слѣдующее о тѣхъ, которыя покорены человѣкомъ. Лошади японскія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Онѣ не велики ростомъ, но имѣютъ красивыя, легкія формы и одинаково годны подъ-верхъ и въ экипажную упряжь. Нѣкоторыя породы ихъ, напр. садумская, мало чѣмъ уступаютъ персидскимъ скакунамъ. Въ Японіи жеребцовъ не холостятъ и потому они долго сохраняютъ огонь молодости, но за то утрачиваютъ свойства рабочихъ животныхъ. Впрочемъ японская лошадь весьма часто употребляется для перевозки тяжестей на вьюкахъ и даже для вспахиванья полей. Въ этихъ работахъ однако-же болѣе значительное участіе принадлежитъ коровамъ и буйволамъ. Японскій рогатый скотъ не даетъ молока; мясо его также рѣдко употребляется туземцами въ пищу; но за то онъ трудится на пашняхъ, на мельницахъ, при перевозкѣ сельскихъ произведеній на ближайшіе рынки, особенно въ гористыхъ частяхъ страны. Кошки составляютъ любимыхъ домашнихъ животныхъ въ Японіи и служатъ столько-же для охраненія съестнаго отъ мышей, сколько и для забавы, какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ. Самые мыши не избѣжали одомашненія въ этой густо-населенной странѣ. Если ихъ здѣсь не ѣдятъ, какъ въ Китаѣ, то въ замѣнъ того обучаютъ разнымъ штукамъ на потѣху народа. Собаки суть чисто сторожевыя животныя(*) и не представляютъ тѣхъ разнообразныхъ охотничьихъ породъ, какія мы видимъ въ Европѣ.

Птицы немного отличаются отъ европейскихъ и азіатскихъ; но за то онѣ весьма многочисленны. Темминкъ насчиталъ уже

(*) Притомъ только въ деревняхъ; по городамъ-же число ихъ очень невелико, а уличныхъ собакъ, въ противоположность городамъ Китая и мусульманской Азіи нѣтъ вовсе.

228 видовъ; теперь ихъ извѣстно больше, такъ что можно сказать, что $\frac{1}{16}$ часть пернатыхъ земнаго шара встрѣчается на пространствѣ Японіи, которое равно едва $\frac{1}{130}$ части земной поверхности. Между птицами преобладающія по числу видовъ и особой породы суть водяныя, какъ оно и естественно въ странѣ, окруженной моремъ и обильно орошаемой потоками. Уже Тунбергъ замѣтилъ на Юдогавѣ многочисленныхъ пеликановъ, дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ птицъ, которыя гнѣзда свои вили на соснахъ, посаженныхъ вдоль дороги, такъ какъ мѣста низменныя до самой рѣки были обработаны. Альбатросы, разныя чайки, бакланы, гренландскіе голуби и другіе рыболовы во множествѣ обитаютъ по берегамъ морскимъ. Красивый видъ цапли обыкновенно разгуливаетъ по полямъ, когда ихъ пашутъ, истребляя червей и земныхъ насѣкомыхъ: птица эта пользуется уваженіемъ народа и никто ее не трогаетъ. Дикіе гуси и утки, чирки, бекасы, сныгири, перепелки, голуби, галки,—по не вороны,—воробы встрѣчаются какъ и въ Европѣ; первыя двѣ породы охотно живутъ между мелкими прибрежными островами и на скалистыхъ ихъ берегахъ, гдѣ они безопасны отъ охотниковъ. Между утками замѣчательна одна, называемая кинмодзуи, которая отличается рѣдкою красотою перьевъ, имѣетъ изысканный хохолокъ, красное горло и проч. Домашнюю птицу составляютъ куры, утки и гуси, содержимые въ довольно большомъ числѣ главнымъ образомъ для яицъ, до которыхъ японцы большіе охотники. Богатые люди разводятъ фазановъ и лебедей, а для охоты держутъ колчиконовъ и соколовъ, изъ которыхъ первые ловятъ и рыбу. Соловьи составляютъ любимыхъ пѣвцовъ, и за лучшихъ изъ нихъ платятся большія суммы, напр. рублей 500 на наши деньги. Вообще пѣвчія птицы, равно какъ и отличающіяся цвѣтами перьевъ, охотно содержатся японцами по домамъ, для забавы, и существуютъ особые лавки, гдѣ производится бойкій торгъ ими.

Гадъ малочисленны, что безъ сомнѣнія надобно приписать давней обработкѣ страны, также, какъ и малое число звѣрей. Встрѣчаются большія черепахи, нѣсколько змѣй, близкихъ по породѣ къ змѣямъ Усуйскаго края, и огромная прѣсноводная ящерица, *Triton Japonicus*, съ чрезвычайно широкою головою, плоскимъ тѣломъ и короткими лапами, отличительная для Японіи.

За то рыбы представляютъ такое богатство формъ и особей, какое рѣдко повторяется въ другихъ частяхъ земнаго шара. Не перечисляя здѣсь прочихъ, назовемъ однихъ тѣхъ, которыя употребляются въ пищу. Это суть окуни, сельди, сазаны, лососи, сомы, гнусы, игла-рыба, рогатки, чебаки и угри, очень красивые. Японцы, какъ извѣстно, настоящіе ихтиофаги, кормящіеся рыбою предпочтительно предъ всѣми другими питательными веществами. Они ловятъ ее и неводами, и вершами, и острогами. Последняя ловля, произ-

водимая вечеромъ, при огнѣ, чрезвычайно любопытна. Въ тихую погоду сотни лодокъ разсыплются по закрытымъ частямъ моря, съ зажженными факелами: рыба идетъ на огонь, и заливъ или бухта представляютъ тогда плавающую иллюминацію. Японцы добываютъ и употребляютъ въ пищу икру нѣкоторыхъ рыбъ, а жиръ ихъ служитъ для освѣщенія. По недостаточности улова у береговъ собственно Японіи, они ежегодно отправляютъ большія партіи рабочихъ на берега Сахалина, Кунашира и проч.; тамъ-же скупаютъ огромныя партіи, преимущественно сушеной рыбы, у японцевъ.

Изъ низшихъ животныхъ, характеризующихъ японскую фауну, надобно прежде всего назвать многочисленныхъ раковъ, изъ которыхъ одинъ, *Maia Kämpferi*, имѣетъ въ окружности нѣсколько футовъ и клешни въ полтора аршина длиною. Прекрасный экземпляръ этого рака можно видѣть въ берлинскомъ зоологическомъ кабинетѣ. За раками слѣдуютъ слизняки, изъ которыхъ многіе, напр. устрицы, употребляются въ пищу. Японцы ѣдятъ также каракатицъ, столь любимыхъ въ Китаѣ. У береговъ залива Овари они ловятъ жемчужныхъ раковинъ. Насѣкомыя, особенно жесткокрылыя, многочисленны въ странѣ и нерѣдко отличаются яркими цвѣтами крыльевъ и тѣла. Самое полезное изъ нихъ—шелковичный червь, дающій столь превосходный шелкъ, что нынѣ его считаютъ изъ первыхъ въ свѣтѣ. Пчелы также разводятся японцами, но не въ большомъ числѣ. Шпанскія мухи водятся въ Японіи, но употребленіе ихъ тамъ неизвѣстно. Есть тысяченожки и мокрицы, опасныя своимъ укушеніемъ, и бѣлые муравьи, столь прожорливые, что они поѣдаютъ все, попадающееся имъ на встрѣчу. Эти послѣдніе составляютъ бичъ хозяйства японцевъ.—Кораллы разныхъ видовъ, розовые, красные и проч., встрѣчаются у многихъ береговъ Японіи, хотя не строятъ здѣсь рифовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Этнографія Японіи; Аины, Ликейцы.

Этнографія Японскаго архипелага до сихъ поръ разработана слабо. Было время, когда, за введеніемъ въ науку системы Блаумента, японцевъ безусловно причисляли къ такъ названной этимъ ученымъ желтой или монгольской расѣ. Многие даже были убѣждены въ происхожденіи ихъ отъ китайцевъ, чему подтвержденіемъ служило преданіе о китайской колоніи и сходство нѣкоторыхъ письменныхъ знаковъ, употребляемыхъ обоими народами. Самый языкъ, который выражается этими письменами, былъ неизвѣстенъ или забытъ, а потому заключеніе о сходствѣ ни къ чѣму не опровергалось, хотя походило на то, что финны одноплеменны съ итальянцами на томъ основаніи, что у нихъ многія буквы сходны между собою. Первый, указавшій на заблужденіе, былъ Клапротъ. Онъ доказалъ, что японскій и китайскій языки не имѣютъ ничего общаго ни въ лексикологическомъ отношеніи, ни въ строеніи рѣчи. Если иногда японцы и употребляютъ китайскія слова, то дѣлаютъ это какъ всякій другой народъ, принявшій тѣ или другіе чужеземные звуки для обозначенія предметовъ, прежде ему неизвѣстныхъ. Постройка предложений остается все-же японскою, подобно тому, какъ мы, славяне, можемъ сказать: "формы цивилизаціи не идентичны у разныхъ націй", не опасаясь стать французами или римлянами отъ такого употребленія словъ романскаго корня, даже еслибы сказанное предложеніе было написано польскими, т. е. латинскими буквами. Мнѣніе Клапрота давно принято всѣми; но оно, какъ чисто отрицательное, не рѣшаетъ еще вопроса о сродствѣ японцевъ съ другими народами земнаго шара, сродствѣ, которое однакоже необходимо существуетъ, если мы признаемъ такъ-называемое единство человѣческаго рода. Не входи въ разборъ слишкомъ уже павной гипотезы Кемпфера о путешествіи предковъ японцевъ изъ вѣтхозавѣтной Месопотаміи,

послѣ вавилонскаго разсѣянія языковъ, можно собрать немало мнѣній людей, занимавшихся дѣломъ и все-таки не пришедшихъ ни къ чему положительному. Головиннъ, жившій два года въ Японіи и научившійся, при помощи курильскаго переводчика, нѣсколько говорить по-японски, полагалъ, что японцы и курильцы принадлежатъ къ одной расѣ. Современныя изслѣдованія совершенно опровергаютъ это мнѣніе и доказываютъ, что родства между двумя языками нѣтъ вовсе. Съ другой стороны Пикерингъ сближаетъ японцевъ съ малайцами, населяющими всѣ мелкіе острова сѣверной части Великаго океана, и свое заключеніе основываетъ на сравненіи японскаго языка съ діалектомъ Сандвичевыхъ острововъ. Боллеръ склоняетъ думать, что японскій языкъ принадлежитъ къ семейству туранскихъ, а Лэттемъ указываетъ на сходство японскаго простонародья съ обитателями Формозы. И всѣ эти соображенія имѣютъ свою цѣну, свою степень вѣроятности; а потому, при настоящемъ состояніи науки, можно сказать, что *вопросъ о происхожденіи японскаго народа еще не рѣшенъ.*

Зибольдъ отличалъ на Кіусіу два типа, свойственные жителямъ этого острова. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ прибрежнымъ мореходамъ и рыбакамъ, другой жителямъ внутренности страны, какъ бы горцамъ. Первые гораздо смуглѣе вторыхъ, имѣютъ перѣдко, при маломъ личномъ углѣ, выходящее черные волосы и носъ, хотя небольшой, но орлиный. Ростъ ихъ весьма невеликъ: 2 аршина и 2—3 вершка. Жители внутреннихъ областей Кіусіу гораздо ихъ выше. Они притомъ отличаются широкимъ, приплюснутымъ лицомъ, толстымъ, придавленнымъ носомъ, волосами, имѣющими перѣдко русый оттѣнокъ, и цвѣтомъ кожи, гораздо менѣе смуглымъ. У женщинъ кожа даже просто бѣлая, какъ въ Европѣ, и румянецъ играетъ на щекахъ, какъ будто онѣ были итальянки или французенки. Нравственно эти горцы, будучи воздержны, набожны и гостепріимны, отличаются слишкомъ большою церемонностью въ обращеніи. Но обозначивъ эти различія, Зибольдъ не указалъ на зависимость ихъ отъ происхожденія жителей Кіусіу изъ разныхъ странъ. Отъ того этнографъ можетъ сомнѣваться, дѣйствительно-ли предъ нимъ потомки двухъ расъ, или-же различіе типовъ произошло просто отъ рода занятій, наследственно усвоеннаго обитателями прибрежья и горцами, отъ климата, качества пищи и воспитанія. Я съ своей стороны, видѣвъ японцевъ изъ разныхъ частей имперіи, склонился къ послѣднему мнѣнію и думаю, что подмѣченное Зибольдомъ явленіе совершенно сходно съ тѣмъ, которое представляютъ напр. береговые и горные сингалы Цейлона, совершенно однако одноплеменные.

Впрочемъ, вопросъ о классификаціи племенъ утратилъ почти всю важность со времени утвержденія въ наукѣ теоріи Дарвина. Выраженія: монгольская порода, малайская порода потеряли теперь зна-

ченіе. Можно почти безошибочно сказать, что установить строгія границы между ними невозможно. Мы видимъ этому примѣры и у себя въ Европѣ, гдѣ однакоже племена издавна обособились. Жители острововъ Балеарскихъ и Сардиніи занимаютъ средину между итальянцами и испанцами, русины въ Люблинской губерніи и въ Галиціи средину между малороссами и поляками. На западѣ Азіи наука открыла переходы отъ племенъ турапскихъ къ семитическимъ и индогерманскимъ въ народахъ древней Мидіи и Ассиріи. Равно и на востокѣ отъ монгола невеликъ переходъ къ солону, гольду, ороchonу на Усурии и, вѣроятно, къ древнимъ обитателямъ верхне-усурийской и суйфунской долинъ. Отсюда то-же сходство типовъ поведетъ насъ, черезъ корейцевъ, съ одной стороны, по мнѣнію Каллери, къ народамъ Инду-Китая, Тибета и Индустана, а съ другой къ ликейцамъ и японцамъ, которыхъ сходство донынѣ нетрудно замѣтить. Встрѣчающееся по временамъ различіе нарѣчій въ этомъ случаѣ неважное дѣло, ибо доказанная вещь, что въ южной Америкѣ, въ Африкѣ многія несомнѣнно однородныя племена говорятъ разными языками, и это различіе другой разъ происходитъ на нашихъ глазахъ, такъ что внуки однихъ и тѣхъ-же лицъ не понимаютъ другъ друга, ибо создали каждый свое нарѣчіе. Только у образованныхъ народовъ языкъ есть прочный признакъ: дикари-же не имѣютъ установившихся діалектовъ, если только не вышли уже изъ первоначальной формы быта—бродяжничества отдѣльными семьями. А изъ названныхъ выше племенъ многіе и до сихъ поръ ведутъ этотъ образъ жизни и по справедливости могутъ быть причислены къ самымъ типическимъ дикарямъ. Въ свое время ту-же форму быта проходили ковенно обитатели Нилона и Кіусіу, у которыхъ въ доказательство и сохранилось много нарѣчій, столь различныхъ между собою, что поселеніе одной деревни часто не понимаютъ жителей другой, расположенной въ какихъ-нибудь 30-ти верстахъ. Будущимъ наблюдателямъ-филологамъ предстоитъ чрезъ сличеніе этихъ нарѣчій начать долгую, но вѣроятно небезплодную работу составленія сравнительно-исторической грамматики японскаго языка, которая дастъ средства указать на дѣйствительное родство японцевъ съ другими націями.

Въ виду однакоже достаточной опредѣлительности отличительныхъ признаковъ, можно подраздѣлить все современное населеніе Японской имперіи на три главныхъ племена: господствующее, безъ сравненія многочисленнѣйшее другихъ—*японцы*, и второстепенныя по числу—*аины* и *ликейцы*. Три эти породы занимаютъ и три различныя географическія области. Японцы живутъ въ срединѣ, отъ 30 до 42 $\frac{1}{2}$ ° сѣв. широты, на островахъ Нипонѣ, Сикокѣ, Кіусіу и на всѣхъ мелкихъ, къ нимъ прилегающихъ, а также въ южной части Мацмая. Аины составляютъ населеніе большей части послѣдняго острова, и переходятъ отсюда на Сахалинъ и на Курильскіе острова,

гдѣ уже носятъ названіе курильцевъ и нѣсколько отличаются отъ аиновъ собственно. Ликейцы суть жители ряда небольшихъ острововъ, который тянется на югъ отъ Японіи къ сторонѣ Формозы. Разсмотримъ характеристическія черты каждаго изъ этихъ племенъ.

Японецъ невеликъ, обыкновенно вершковъ 35—37 ростомъ (женщина 32—34), пропорціонально сложенъ, не толстъ, но имѣетъ хорошо обозначенные мускулы, чего нѣтъ напримѣръ у нѣкоторыхъ тунгусскихъ племенъ. Онъ гибокъ, ловокъ и, благодаря воспитанію и привычкѣ, чуждъ движеній рѣзкихъ и грубыхъ. Физіономія его привѣтлива. Глаза черныя смотрятъ живо, живо, внимательно и видимо выражаютъ хорошія умственные способности. Голова японца, не смотря на его небольшой ростъ, не менѣе европейской, отъ чего она кажется даже очень большою (*). Отношеніе вертикальнаго и горизонтальнаго ея поперечниковъ то-же, что и у насъ; личной уголъ не менѣе европейскаго. Черепъ округлый, изрѣдка впрочемъ приподнятый у макушки. Уши, носъ, ротъ не представляютъ ничего рѣзкаго или грубаго, и только взаимное разстояніе глазъ да нѣкоторая наклонность ихъ внутрь и ширина скулъ выдаютъ азіатца. Замѣтимъ, что вся эта физіономія обыкновенно скрашена улыбкой, добродушной у большинства, слегка пронырской у высшихъ сословій, гдѣ также нерѣдки лица, выражающія спокойную въ себѣ увѣренность, безъ надменности, и привычку повелѣвать. Цвѣтъ лица японца ближе всего подходитъ къ цвѣту балаха или южно-итальянца; но впрочемъ это зависитъ отъ климата и условій общественной жизни. У женщинъ нѣжная кожа представляетъ тѣ-же оттѣнки бѣлизны и румянца, какъ въ средней и южной Европѣ, дѣлая рѣзкое различіе только съ рыжеватыми особями скандинавской и англо-саксонской породы.

Японцы имѣютъ густыя, обыкновенно гладкіе, а не курчавые черные волосы; борода и усы ихъ, когда отиушены, столь-же густы, какъ европейскіе, что замѣтно отличаетъ ихъ отъ китайцевъ и всѣхъ малайскихъ и тунгусскихъ племенъ. На груди, рукахъ и ногахъ волосы также встрѣчаются нерѣдко. По принятому обыкновенію японцы брѣютъ усы, бороду и переднюю часть головы; но во время траура отъ этого правила дѣлается отступленіе. Нѣкоторые старики носятъ бороду постоянно, и тогда она постепенно принимаетъ всѣ оттѣнки сѣдины.

Образъ жизни японцевъ—въ существѣ умѣренный, ибо они почти не знаютъ крайностей пьянства и каторжно-утомительныхъ фабрич-

(*) Я измѣрялъ объемъ нѣсколькихъ японскихъ головъ у людей низшаго класса и нашелъ, что при среднемъ ростѣ 2 ар. 3 $\frac{1}{2}$ вершка измѣренные индивидуумы имѣли вокругъ головы 12 $\frac{2}{3}$ верш.; въ то-же время у англійскихъ солдатъ при среднемъ ростѣ 2 ар. 8 вер., объемъ головы былъ только 12 вершковъ.

ныхъ работъ европейцевъ—дѣлаетъ ихъ довольно долговѣчными, не смотря на умѣренность пищи. Старикъ въ 60—70 лѣтъ не рѣдкость. Но женщины, рано начинающія исполнять половое назначеніе, обыкновенно старѣютъ быстро. Въ 60 лѣтъ старуха уже совершенно развалина; сорокалѣтняя женщина смотритъ, какъ шестидесятилѣтняя въ Европѣ.—Впрочемъ о долговѣчности японцевъ нѣтъ ни какихъ точныхъ свѣдѣній, да и не можетъ быть, потому что статистика въ Японіи не сдѣлала еще на столько успѣховъ.

Господствующіе среди японцевъ недуги суть оспа и сифилисъ. Имъ обязана страна тѣмъ, что въ ней много рѣбыхъ, изъязвленныхъ и даже слѣпыхъ. Вліяніе сифилиса, быть можетъ, сказывается и на ростѣ людей, особенно женщинъ, которыя, сравнительно съ нашими, очень малы. Но въ замѣтъ сильнаго распространенія этихъ болѣзней, японцы почти не знаютъ многихъ другихъ. Такъ простудныя лихорадки и горячки берутъ у нихъ гораздо менѣе жертвъ, чѣмъ у насъ. Причину этого легко понять, если вспомнить, что японцы съ ранняго дѣтства имѣютъ голову, шею и ноги обнаженными, что пріучаетъ ихъ къ перемѣнамъ погоды. Они даже не любятъ носить шапокъ и тяжелой обуви, потому что отъ этого имъ становится жарко.

О языкѣ японскомъ слѣдуетъ замѣтить, что онъ принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ словами и формами. Въ противоположность китайскому, онъ имѣетъ не только тѣ флексіи, которыя вызываются склоненіями и спряженіями, но и много другихъ, обозначающихъ отдѣлки мысли и значеніе словъ. По свидѣтельству лицъ знающихъ, грамматика японская одноко-же не очень трудна (*), потому что измѣненія словъ при склоненіяхъ и спряженіяхъ малочисленны. Перемѣны падежей обозначаются окончаніями, перемѣны времени глаголовъ также; и какъ глаголы японскіе не имѣютъ ни родовъ, ни чиселъ, ни наклоненій, а только однѣ времена, то это очень упрощаетъ ихъ изученіе. Для точнѣйшаго обозначенія эпохи событія употребляются японцами нарѣчія; напр. я ѣду въ городъ завтра, послѣ завтра, утромъ, вечеромъ, днемъ; это случилось давно, не такъ давно, и т. п. Предлоги ставятся послѣ словъ, къ которымъ относятся; союзы также слѣдуютъ за словами, которыя связываютъ. Но если грамматика не особенно трудна, то лексикографическое богатство японскаго языка изумительно. Синонимы, увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя слова здѣсь самое обыкновенное дѣло; значеніе и употребленіе личныхъ мѣстоименій такъ своеобразно, что, по замѣчанію Олкотта, достается съ трудомъ. И все это богатство необходимо для того, чтобы выразить точнѣе отдѣлки мысли, взаимныя отношенія разговаривающихъ

(*) Труденъ для изученія языкъ учено-литературный; но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ.

лицъ, состояніе духа говорящаго, характеръ разсказываемаго событія, качества описываемаго предмета и т. д. Въ этомъ смыслѣ японскій языкъ, кажется, есть самый богатый на всемъ земномъ шарѣ и служить къ подтвержденію той извѣстной въ филологіи истины, что чѣмъ діалектъ самостоятельнѣе, независимѣе отъ другихъ развѣтлѣя, тѣмъ болѣе находилъ онъ въ самомъ себѣ силы, гибкости и изящества. При обиліи гласныхъ въ словахъ, рѣчь японская очень мягка и нѣсколько напоминаетъ итальянскій языкъ.

Отъ этого краткаго антропологическаго изображенія японцевъ-собственно перейдемъ теперь къ племенамъ инороднымъ, о которыхъ упоминали выше, т. е. къ аинамъ и лайейцамъ, и здѣсь уже войдемъ въ нѣкоторыя подробности объ ихъ обычаяхъ, образѣ жизни и проч. Аины, жители острововъ Мацмай, Сахалина и соседнихъ имъ, долгое время были почти неизвѣстны европейскимъ ученымъ. За исключеніемъ стариннаго, забытаго всѣмъ Петра Морена, Лаперузь былъ первый изъ путешественниковъ, который посѣтилъ ихъ берега, сдѣлалъ имъ описаніе и даже собралъ небольшой словарь ихъ языка. Это случилось въ 1787 году, когда на сѣверѣ отъ Мацмая открытъ проливъ, названный именемъ французскаго мореплавателя. Суда Лаперуза стояли нѣкоторое время у западнаго берега Сахалина и у южной его оконечности. Здѣсь французы нашли въ туземцахъ, тогда еще не имѣвшихъ среди себя японскихъ колоній, но уже сносившихся съ Японіей, людей крѣпкихъ, хорошо сложенныхъ и напоминающихъ чертами лица скорѣе европейскую, чѣмъ монгольскую расу. Цвѣтъ ихъ кожи былъ темный: но они имѣли густые волосы на головѣ и на бородѣ; даже ихъ руки, шея и спина были покрыты волосами. Одежда ихъ состояла изъ тканей, жилища были красивы; въ домахъ находилось немало японской утвари, даже посуды подъ лакомъ. Эти островитяне были отважные охотники, ходившіе на медвѣдей со стрѣлами и палками. Они занимались также рыболовствомъ и употребляли для этого лодки, выдолбленныя изъ цѣльныхъ деревьевъ. Богатство ихъ составлялъ жиръ морскихъ животныхъ, который Лаперузу показался исключительно китовымъ: его они вымѣнивали японцамъ на привозимыя ими издѣлія. Землю свою они называли Шока, почему Лаперузь и далъ это названіе всему Сахалину, хотя оно, вѣроятно, относилось только къ какой-либо мѣстности близъ залива Де-Лангль. Они знали островъ Іезо (Мацмай) и называли его Чиха; въ собственной землѣ имъ были извѣстны названія селеній по западному берегу; но они ничего не знали о восточномъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Лаперуза посѣтили тѣ-же мѣста Крузенштернъ и Головинъ и не только дополнили свѣдѣнія, собранныя французскимъ мореплавателемъ, но дали такія подробности объ аинахъ, что и доселѣ немного можно прибавить къ нимъ. Въ то

время на Сахалинѣ уже были японскія поселенія, равно какъ и въ сѣверной части Мацмая. Крузенштернъ, посѣтивъ въ 1805 году обѣ стороны Лаперузова пролива, убѣдился прежде всего, что населяющіе ихъ люди составляютъ одинъ народъ. Народъ этотъ самъ себя называлъ *аино*, т. е. люди вообще, подобно тому, какъ это часто случалось встрѣчать и на другихъ островахъ Великаго океана. Онъ-же занимаетъ, кромѣ Мацмая и Сахалина, большую часть Курильскихъ острововъ, гдѣ извѣстенъ у русскихъ подъ именемъ мохнатыхъ курильцевъ. Словарь, приложенный къ "Путешествію" Крузенштерна и собранный преимущественно Давыдовымъ на о. Сахалинѣ, служить къ подтвержденію этого замѣчанія о географическомъ распространеніи племени. Анны — рыболовы по преимуществу и добываютъ такое множество рыбы, что большими массами продаютъ ее японцамъ въ сушеномъ видѣ. Главное средоточіе этой торговли было въ 1805 году въ заливѣ Анива, при японской факторіи подъ 46° 36' шир., гдѣ разбросано было до ста аннскихъ жилищъ. Тутъ до 400 человѣкъ было ежедневно зашто чищеніемъ рыбы, которую, между прочимъ, собирали даже корзинами на берегу, во время отлива. Японцы, сверхъ того, занимались здѣсь китоловнымъ промысломъ. За мысомъ Терифнія встрѣчались опять анны, но уже видимо менѣе сближенные съ японцами, потому что носили одежду исключительно изъ моржевыхъ и сивучьихъ кожъ и мѣховъ, а не изъ японскихъ тканей. Всѣ анны, по свидѣтельству Крузенштерна, подпадающему и позднѣйшимъ изслѣдователями, очень небольшого роста, не болѣе 2 арш. 3 вер., и почти всѣ одностеблы. Они очень смуглы, имѣютъ длинныя, густыя бороды и черты лица пріятнѣе, чѣмъ напр. у камчадаловъ. Мѣтвѣе, что они покрыты сплошь волосами, есть басня. У женщинъ косы очень длинны; лицомъ онѣ также смуглы. Губы красятъ въ синюю краску, руки татуируютъ. Они услужливы и откровенны. Отдѣваются по большей части въ мѣха и кожи; но не прочь надѣть подъ нихъ и японскую бумажную или холстинную одежду. Употребляютъ также грубыя ткани собственнаго приготовленія изъ древесной коры. Мужчины носятъ мѣдныя серьги. Каждый домохозяинъ непременно держитъ медвѣженка, которому даетъ уголь въ избѣ, и нѣтъ возможности убѣдить анна продать подобнаго медвѣженка. Женщины (по свидѣтельству Лаперуза и Броутона, отвергаемому впрочемъ Крузенштерномъ, но подтверждаемому Головиннымъ) кормятъ этихъ медвѣжатъ грудью, "вѣроятно, какъ замѣтилъ потомъ Головинъ, чтобы полакомиться кусочкомъ сладкаго мяса". У анновъ нѣтъ и слѣдовъ земледѣлія и скотоводства. Они употребляютъ для ѣзды только собакъ, и ѣздятъ на нихъ зимою въ саняхъ, а лѣтомъ на бичевѣ, вдоль рѣкъ. Управленіе у нихъ патриархальное, т. е. черезъ старѣйшихъ въ родѣ или въ селеніи. Анны не имѣютъ храмовъ; но у нихъ есть божество

называемое *камои*; въ честь его они жгутъ на берегу и на горахъ огромные костры, и въ этомъ состоитъ все ихъ богослуженіе.

Головинъ, въ 1813 году, подтверждая рассказы Лаперуза и Крузенштерна, прибавляетъ еще слѣдующія интересныя подробности, которыя тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что собраны уже на Мацмай, т. е. въ предѣлахъ собственно японскихъ. Курильцы и анны Сахалина и Иezo, говоритъ онъ, несомнѣнно одинъ народъ; исключеніе изъ нихъ составляютъ развѣ нѣкоторые обитатели южной половины Мацмая, которые отчасти стали особымъ народомъ. Какъ въ Курильскомъ архипелагѣ, такъ и на Иezo они называютъ себя просто *аино*, что значитъ человѣкъ, а для отличія жителей разныхъ острововъ къ этому наименованію придаютъ названіе острова, напр. кунаширианно, итурупъ-анно и проч. Всѣ они говорятъ однимъ языкомъ. Что же касается до южныхъ мацмайцевъ, то хотя въ языкъ ихъ уже вошло много японскихъ словъ, но несомнѣнно, что онъ въ существѣ курильскій. Бывшій съ Головиннымъ въ плѣну "курилецъ Алексѣй часто разговаривалъ съ южно-мацмайцами и, хотя по большей части съ трудомъ, понималъ ихъ разговоръ; а когда и встрѣчалось, что онъ не могъ чего-либо разумѣть, то, по нѣкоторомъ разъясненіи, скоро узнавалъ ихъ мысли. Словомъ, между языкомъ жителей Мацмая и Курильскихъ острововъ гораздо болѣе сходства, нежели между русскимъ и польскимъ. Наружный видъ всѣхъ аино доказываетъ то-же; только разность состоитъ въ томъ, что мацмайцы, питающіеся болѣе обильною и разнообразною пищею, половчѣе, повиднѣе и поздоровѣе".

"Японцы, продолжаетъ потомъ Головинъ, подчинивъ себя анновъ (*), оставили имъ важнѣйшія ихъ права: поклоняться богамъ ихъ предковъ, судиться въ дѣлахъ между собою по стариннымъ ихъ обычаямъ и собственными старшинами; въ одеждѣ и общежитіи слѣдовать своимъ обыкновеніямъ и жить въ особыхъ селеніяхъ, подѣ управленіемъ самими ими выбранными и японскими чиновниками утвержденными начальниками. Правительство постановило закономъ, чтобы анны ничего не дѣлали для японцевъ безъ платы; казна сама платитъ имъ за работы, и всякой работѣ цѣна опредѣлена. Только они недовольны ею и говорятъ, что вознагражденіе не соотвѣтствуетъ ихъ трудамъ. Многоженство имъ дозволено, и потому они имѣютъ по двѣ и по три жены, а старшины и болѣе. Если случится, что такой старшина управляетъ многими селеніями, то во всякомъ изъ нихъ имѣетъ жену, на случай пріѣзда. Дѣтей своихъ

(*) Наружный признакъ подданства анновъ Японіи состоитъ въ ежегодныхъ поклоненіяхъ и дарахъ, которые приносятся аннскими старшинами, получающими впрочемъ при этомъ отдарки. Прежде эта церемонія дѣлалась въ Иеддо, теперѣ въ Хакодате.

они ничему не учатъ, кромѣ звѣриной и рыбной ловли, искусства стрѣлять изъ луковъ и нужной домашней работы. Грамоты, слѣдовательно и законовъ писанныхъ, у нихъ вѣтъ, а все передается изустно, изъ поколѣній въ поколѣнія. Живутъ между собою чрезвычайно согласно и вообще миролюбивы и добросердечны; къ иностранцамъ ласковы, услужливы, весьма учтивы и почтительны. Обыкновенное привѣтствіе ихъ состоитъ не въ поклонахъ; но они поднимаютъ обѣ руки съ распростертыми пальцами къ лицу, потомъ опускаютъ ихъ весьма тихо по бородѣ, какъ бы гладя ее, до самаго живота, и въ то-же время немного наклоняютъ голову, смотря пристально въ глаза тому, кого привѣтствуютъ; и это къ почтенной особѣ повторяется два или три раза. Недостатокъ бранныхъ или ругательныхъ словъ на ихъ языкѣ свидѣтельствуетъ о кротости ихъ нравовъ. Русскіе курильцы сказывали, что у нихъ обыкновенная брань, когда они на кого разсердятся, заключается въ словахъ: неспорный или неловкій; когда-же кого хотятъ избранить болѣе, то называютъ дуракомъ, а настоящему бездѣльнику даютъ имя собаки. Садятся они такимъ-же образомъ, какъ и японцы, поджавъ ноги, или-же сложа ихъ накрестъ, какъ наши портные. До табаку и до крѣпкихъ напѣтковъ они великіе охотники; перваго японцы продаютъ имъ сколько угодно; но послѣднимъ положена мѣра, и никто не смѣетъ доставлять имъ болѣе опредѣленнаго количества, чтобы вредные напитки не произвели между ними болѣзней и не подали повода къ ссорамъ и преступленіямъ. Японское правительство не дозволяетъ своимъ аианамъ держать порохъ и употреблять огнестрѣльное оружіе, а потому ихъ оружіе состоитъ въ сабляхъ, копьяхъ и стрѣлахъ; послѣднія иногда намазываютъ они ядовитымъ сокомъ извѣстнаго растенія, называемаго лютикомъ, дѣйствіе котораго по большей части бываетъ смертоносно. Аины не имѣютъ слишкомъ веселой, живой наружности, но кажутся болѣе скучными и работными; однакожъ любятъ пѣсни и пляску: первыя очень неприятны для слуха, а пляска ихъ состоитъ въ однихъ кривляньяхъ. Солнце и луну признаютъ они божествами: но не имѣютъ обрядовъ поклоненія; у нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни священнослужителей, ниже какого духовнаго закона; они вѣрятъ двумъ духамъ, доброму и злему; присутствіе перваго призываютъ посредствомъ пучка стружекъ вѣтвѣ связанныхъ, который выставляютъ на своихъ жилищахъ. Они такъ мало заботятся о вѣрѣ и богопоклоненіи, что японцы, познакоившись съ ними, долго не могли узнать, вѣрують-ли они въ какое-нибудь божество".

Къ этимъ подробностямъ, собраннымъ полвѣка назадъ, можно прибавить лишь нѣсколько словъ, чтобы изобразить состояніе аиновъ въ наше время. Пятнадцатилѣтніе наблюденія, сдѣланныя на Сахалинѣ, и извѣстія о Мацмаѣ, относящіяся къ 1863 году, убѣждаютъ,

что въ существѣ народъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ при Крузенштернѣ и Головинѣ; но что, съ другой стороны, и вѣднѣе вліяніе отразилось на немъ съ замѣтною силою. Аины теперь, даже на Сахалинѣ (въ южной части), впали въ полную экономическую зависимость отъ японцевъ, не могутъ жить безъ ихъ одежды, отчасти и безъ ихъ продовольствія. Они разселены на Іезо деревнями, преимущественно вдоль берега моря; но во многихъ мѣстахъ отрѣзаны отъ него японцами. Звѣриная и рыбная ловля и нынѣ составляетъ главный ихъ промыселъ; но они уже несовсѣмъ чуждаются земледѣлія, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ у себя огороды. Число ихъ, безъ сомнѣнія, убываетъ, такъ какъ въ 1862 году оставалось на Мацмаѣ не болѣе 50 — 60,000 аиновъ противу 120,000 японцевъ; на Кунаширѣ-же и Итурупѣ пропорція еще менѣе. Тѣ фотографическія изображенія, которыя сдѣланы въ Хакодате, показываютъ разительное сходство типа аиновъ съ типомъ нашихъ крестьянъ изъ верхневолжскихъ губерній, за исключеніемъ впрочемъ цвѣта волосъ и кожи. Словарь-же ихъ, разсмотрѣнный французскимъ миссіонеромъ Мерме, не оставляетъ сомнѣнія, что они говорятъ языкомъ, отличнымъ отъ японскаго.

Населеніе Ликейскихъ острововъ, числомъ, по Гауку, отъ 150 до 200 тысячъ душъ, представляетъ любопытный примѣръ племени, въ которомъ этнографическіе признаки различныхъ расъ такъ перемѣшались, что этнографы долгое время не знали, куда ихъ причислить. Несомнѣнно, что они болѣе всего сходны съ японцами по росту, по складу головы и по языку; но, по свидѣтельству Вазилія-Голла, Макъ-Леода и мн. др., въ нихъ столько родственнаго съ корейцами и малайцами, что они составляютъ именно переходное звѣно отъ такъ называемой монгольской расы къ малайской. Небольшіе ростомъ (2 ар. 1 вер.), сходные выраженіемъ лица съ японцами, они также мало смуглы, какъ жители Нипона, не смотря на положеніе ихъ острововъ вблизи тропика. Волосы и глаза у нихъ черные, послѣдніе широки и имѣютъ едва лишь замѣтную наклонность вѣкъ къ сторонѣ носа. Губы тонкія, лице овальное, носъ не приплюснутый, хотя небольшой, ноздри тонкія, но не вздернутыя. Большіе черные борода и усы также отличаютъ ихъ отъ китайцевъ, какъ и жителей Нипона; только они не брѣютъ ихъ подобно послѣднимъ. Языкъ ихъ — родственныи съ японскимъ, но очевидно заключаетъ и постороннія примѣси, напр. китайскую и тагальскую. Нужно замѣтить, что съ одной стороны ликейцы находились нѣкоторое время въ прямой и исключительной зависимости отъ Небесной имперіи, а съ другой религія ихъ, буддизмъ, проникла къ нимъ вѣроятно изъ Индіи, какъ полагаетъ то Фасъ. — Ликейцы народъ ослѣдй, почти исключительно земледѣльческій и чрезвычайно кроткій. Они привѣтливы къ иностранцамъ, живутъ въ совершенномъ мирѣ между собою. Два значительные

городка, Нафа и Шун, нѣсколько десятковъ большихъ селеній и множество мелкихъ разбросаны по отклонамъ ихъ холмовъ, большую часть среди густой зелени. Нафа, на югозападной сторонѣ Большаго острова, есть главный портъ страны, съ 3,000 жителей, посѣщаемый японскими джонками, а Шун—столица архипелага, гдѣ живетъ владѣтель его. Дома ликейцевъ деревянные, легкой постройки, обыкновенно открытые, помощью широкихъ просвѣтовъ въ стѣнахъ, съ одной, а иногда и съ трехъ сторонъ, такъ что вѣтеръ свободно въ нихъ ходитъ, не производи однакоже безпорядковъ, потому что хижина всегда окружена густою древесною зеленью. Крыши соломенные, бамбуковыя или черепичныя, съ нѣкоторымъ погибомъ, напоминающимъ китайскія кровли. Поля обыкновенно нѣсколько подняты надъ горизонтомъ земли и устланъ, по-японски, циновками. Одежда ихъ состоитъ : у мужчинъ—изъ рубашки, широкихъ панталонъ и халатовъ съ широкими рукавами, почти такихъ-же, какъ японскіе, но нѣсколько покороче и преимущественно изъ легкихъ матерій;—у женщинъ—изъ короткой юбки, сверхъ которой также надѣвается широкій халатъ. Матеріалы для тканей тѣ-же, что въ Японіи, т. е. хлопчатая бумага и шелкъ. Обыкновенно они ходятъ съ непокрытою головою; но во время дурной погоды, а чиновники и вообще на службѣ, надѣваютъ легкія шапки, нѣчто среднее между феской и шотландскою шапкою. Волосъ на головѣ ликейцы не брѣютъ, а собираютъ въ одинъ пучекъ на макушкѣ, предварительно намазавъ ихъ растительнымъ масломъ и тщательно вычесавъ. Пучекъ удерживаетъ свое положеніе и форму помощью двухъ колецъ, на него надѣваемыхъ, обыкновенно изъ мѣди, а то и изъ золота. Шапки цвѣтомъ своимъ напоминаютъ разряды чиновниковъ, при чемъ фіолетовый принадлежитъ исключительно семьѣ государя.

Ликейское общество имѣетъ аристократическій строй, т. е. въ немъ есть дворянство, чиновничество и простонародье. Всѣ они подвластны одному владѣльцу, который носитъ титулъ *кунъ-ка* и есть государь неограниченный, хотя состоящій въ вассальной зависимости не только отъ Японіи, но даже отъ Китая, которому уплачиваетъ ежегодную дань. Впрочемъ неограниченность его власти вообще очень условна, потому что Ликейскіе острова постоянно содержатъ японскіе гарнизоны. Гарнизоны эти состоятъ изъ солдатъ сацумскаго князя, который есть прямой сюзерень ликейскаго кунъ-ка. Двадцать или тридцать японскихъ джонокъ ежегодно посѣщаютъ архипелагъ и развозятъ по немъ японскіе товары : ткани, лаковыя, металлическія и другія издѣлія; въ замѣнъ они вывозятъ сырые продукты. Собственные мануфактурныя произведенія ликейцевъ уступаютъ японскимъ и даже китайскимъ. Образованіе народа ниже, чѣмъ въ Японіи; но высшіе классы совершенно усвоили китайскую и японскую ученость. Они послѣдователи конфуціеваго рациона-

лизма и потому скептики въ дѣлѣ вѣры, между тѣмъ какъ народъ довольно усердно преданъ буддизму, что доказывается почетнымъ положеніемъ среди его бонзѣ. Христианство не прививается на Ликейскихъ островахъ, не смотря на усердіе многихъ миссіонеровъ, напр. Ветльгейма. Народъ бѣжитъ отъ проповѣдниковъ, едва они начинаютъ говорить о вѣрѣ, хотя, съ другой стороны, миссіонеровъ никто не преслѣдуетъ. Одно-ли вліяніе жрецовъ тутъ дѣйствуетъ, или присоединяются преданія о судьбахъ христианства въ Японіи и Китаѣ,—трудно сказать. Всѣ ликейцы оказываютъ большое уваженіе къ покойникамъ и носятъ по умершимъ роднымъ долговременный трауръ. Любопытно, что ликейцы, будучи обитателями острововъ, почти вовсе не занимаются мореплаваніемъ и торговлею.

Много любопытныхъ этнографическихъ замѣтокъ о Ликейскомъ архипелагѣ находится у Гейне и Гаука, а также у нѣкоторыхъ русскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эти мѣстности. Общій тонъ этихъ рассказовъ—нѣкоторое увлеченіе прекрасною природою края и счастливымъ характеромъ его обитателей; но нужно признаться, что подробной этнографіи его мы не имѣемъ, вѣроятно потому, что ученые путешественники и наблюдатели рѣдко останавливаются тамъ на долгое время.

Въ 1870 году посѣтилъ портъ Нафы итальянскій военный корабль *Principessa Clothilda* и нашелъ тамъ все спокойнымъ и неизмѣннымъ. Европейское образованіе, дѣлающее быстрые успѣхи въ Японіи, очевидно еще не привилося здѣсь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Важнѣйшіе населенные пункты.

Благодаря густотѣ населенія и издавна развитымъ ремесленности и торговлѣ, Японія обладаетъ большимъ числомъ очень многолюдныхъ городовъ. Довольно назвать Іеддо, Осаку и Кіото, которыхъ совокупная населенность составляетъ около трехъ милліоновъ душъ, чтобы составить себѣ понятіе о развитіи городской жизни въ Японскомъ архипелагѣ. Мы можемъ прибавить къ этимъ большимъ центрамъ еще слѣдующіе пункты, которыхъ краткое описаніе и составить предметъ настоящей главы: Йокогаму, Кагозиму, Нагасаки, Ниегату, Симоносакі, Хіого и Хакодате. О нѣкоторыхъ другихъ городахъ упомянемъ вскользь, насколько представится надобность.

Іеддо, подъ 35° 39' ш. и 157° 29' в. д. Ф., административный центръ Японіи и, по официальному объявленію 1868 г., вторая столица ея, съ именемъ Токеи, есть конечно одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ цѣлаго свѣта. По японскимъ планамъ, точность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, онъ занимаетъ неменѣе 83 квадратныхъ верстѣ, т. е. превосходитъ Петербургъ со всѣми островами, Выборгскою стороною и Охтой. И слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что въ Іеддо нѣтъ такихъ обширныхъ площадей, эспланадъ, роцъ и пустырей, какъ въ чертѣ Петербурга. Включая предмѣстья, которыя непосредственно примыкаютъ къ городу, можно сказать, что вторая столица Японіи столь-же обширна, какъ Лондонъ. Мѣсто, ею занятое у сѣверо-западнаго берега Іеддоскаго залива, есть обширная равнина, нѣсколько впрочемъ всхолмленная и разсѣкаемая многочисленными каналами и рѣками. Изъ послѣднихъ та, которая отдѣляетъ восточную часть города, Хонжо, отъ прочихъ и носитъ названіе Большой рѣки (Огавы), есть довольно широкій потокъ, составляющій главное устье Тоды. Большая рѣка соединена нѣсколькими поперечными каналами съ другою, текущею въ восточной сторонѣ города и на-

зываемою Никогавою; западнѣе-же Огавы впадаютъ въ море нѣсколько потоковъ, которые не имѣютъ особыхъ названій, но которыхъ развѣтвленія охватываютъ многія части города, между прочимъ обширный кварталъ, въ четыре квадратныхъ версты, занимаемый императорскимъ дворцомъ, государственнымъ совѣтомъ и проч., и составляющій островъ, котораго берега обращены въ укрѣпленія. Іеддо, построенный вообще довольно правильно, по характеру господствующихъ зданій и населенія въ разныхъ его частяхъ, принято раздѣлять на четыре обширные отдѣла: Хонжо, къ востоку отъ Огавы; Сиро—дворецъ императора, кремль; Сото-Сиро—части города, соотвѣтныя дворцу и составляющія, подобно ему, островъ; наконецъ Мици—собственно городъ, все, что не относится къ предыдущимъ кварталамъ.

Хонжо лежитъ между двумя рѣками, соединяющимъ ихъ рукавомъ и моремъ. Поверхность его простирается до 11 квадратныхъ верстѣ, т. е. больше Васильевскаго острова, и разрѣзана двумя продольными и тремя поперечными каналами на восемь меньшихъ кварталовъ, которые, въ свою очередь, пересѣкаются многими второстепенными рукавами тѣхъ-же каналовъ. Это есть часть города, занятая домами купцовъ, казенными зданіями, нѣсколькими второстепенными храмами, множествомъ мелкихъ частныхъ жилищъ и наконецъ садами и огородами, переходящими въ рисовыя поля; но въ ней нѣтъ жилищъ японской знати. Улицы Хонжо, за исключеніемъ ближайшихъ къ Огавѣ, мало оживлены, хотя содержатся въ чистотѣ и отличаются хорошимъ состояніемъ мостовой, которая, какъ и вездѣ въ Іеддо, есть родъ шоссе, образованнаго изъ мелкой гальки и мѣстами изъ раковинъ. Съ набережной Огавы представляется нѣсколько хорошихъ видовъ на эту рѣку и на прилегающіе къ ней кварталы главной массы города. Четыре деревянные моста черезъ Большую рѣку ведутъ въ эти кварталы; названія ихъ, начиная съ сѣвера, суть: Хадзума, Йогуку, О и Тетай. Мосты эти на сваяхъ, простой, но прочной работы, и самый большой изъ нихъ, южный, имѣетъ до 100 сажень въ длину. Рѣка и каналы всегда бываютъ покрыты лодками, и уровень воды въ нихъ измѣняется вмѣстѣ съ приливомъ.

Сиро, іеддоскій кремль, занимаетъ средину города. Высокія и толстыя стѣны или правильнѣе валы, снаружи одѣтые камнемъ, дѣлаютъ изъ него родъ крѣпости до шести верстѣ въ окружности. Кромѣ императорскаго дворца здѣсь находятся нѣсколько другихъ обширныхъ зданій, именно до двадцати княжескихъ замковъ, государственный совѣтъ, городское управленіе и домъ іеддоскаго губернатора. Дворецъ императора отдѣленъ отъ прочихъ построекъ особой оградой, черезъ которую ведутъ четверо воротъ. Доступъ къ нему всегда охраняется многочисленною стражею, и только самыя важныя лица могутъ проникать во внутреннюю ограду въ носилкахъ:

остальные-же посѣтителѣ вступаютъ туда пѣшкомъ, оставляя носилки или верховыхъ лошадей на сосѣднихъ площадкахъ, гдѣ для пріюта устроены навѣсы. Дворецъ микадо, не смотря на его обширность, не отличается великолѣпіемъ ни снаружи, ни даже внутри. Это есть низкое, одно-этажное зданіе, какъ всѣ дома въ Японіи, украшенное впрочемъ нѣсколькими многоярусными башнями, рѣзными карнизами и колоннами и крытое черепицею. Полы устланы циновками, очень тонкой отдѣлки; перегородки оклеены богатой бумагой, поддерживающіе потолокъ столбы раззолочены и тщательно лакированы; но, за исключеніемъ комнатъ, назначенныхъ для пріема знатныхъ европейцевъ, нѣтъ никакой мебели, какъ вездѣ въ японскихъ жилищахъ. Самый тронъ микадо есть не болѣе какъ три толстыя, положенныя другъ на друга циновки, занимающія мѣсто на возвышеніи, съ котораго императоръ видитъ принимаемыхъ лицъ, не будучи вполнѣ видимъ самъ, ибо впереди его вывѣшивается полупрозрачная драпировка, недостигающая до полу только на полъ-аршина. Резиденція микадо окружена паркомъ, въ которомъ тѣнистыя аллеи содержатся съ необыкновенною чистотою; въ окружающемъ-же паркъ водяномъ рвѣ живетъ множество лебедей и другихъ водяныхъ птицъ, которыхъ убивать строго запрещено. На сѣверо-западѣ Сиро есть два холма незастроенные: съ нихъ открываются обширные виды на городъ, заливъ и окрестности, и тутъ то путешественникъ получаетъ правильное понятіе объ Іеддо, который представляется необозримо обширнымъ селомъ, мѣстами потонувшимъ въ зелени. Деревья, растущія у домовъ и храмовъ, на дворахъ княжескихъ замковъ и въ особыхъ садахъ, въ родѣ принадлежащихъ Овари и Кисіу, образуютъ фонъ картины, а черепичныя крыши и, то бѣленыя, то просто деревянныя, стѣны невысокихъ домовъ проглядываютъ на этомъ фонѣ подобно частямъ узора. Мѣстами надъ этой массой построекъ и зелени возвышаются башни, карнизы и крыши храмовъ или княжескихъ замковъ. Въ иномъ мѣстѣ лучъ зрѣнія совпадаетъ съ направленіемъ улицы, и тутъ виднѣется перспектива домовъ, теряющаяся вдали. На югѣ и востокѣ отъ дворца расположены, правильными четырёхугольниками, замки или *яшики* большихъ даймйосовъ, затѣмъ пояса частныхъ городскихъ построекъ и наконецъ сосѣдніе морю *Hôtel Yeddo* съ красивою башнею и возникающій вблизи европейскій кварталъ. На горизонтѣ заливъ съ выступающими изъ него фортами и масса джонокъ и кораблей японскаго военнаго флота.

Сиро, какъ сказано выше, окруженъ тою частью Іеддо, которая называется Сото-Сиро и также имѣетъ форму довольно круглаго острова. На востокѣ она примыкаетъ къ морю и къ рѣкѣ Огавѣ, а чрезъ нее къ Хонжю; съ прочихъ-же сторонъ къ Мици, т. е. къ мѣщанскому городу, въ который ведутъ двадцать два деревянныхъ

моста. Въ Сото-Сиро болѣе половины пространства занято дворами князей, а потому и здѣсь, какъ въ Сиро, многія улицы пустынные; но за то часть, застроенная домами купцовъ и мѣщанъ, есть важнѣйшая въ цѣломъ Іеддо по оживленности движенія и по множеству торговыхъ заведеній всякаго рода. Эта часть лежитъ на юго-востокѣ отъ императорской резиденціи и прорѣзывается съ юго-запада на сѣверо-востокъ широкою улицею, Токаидо, которая, начавшись на юго-западномъ концѣ города, проходитъ его насквозь и продолжается большою дорогою въ сѣверныя части Японы. Токаидо—это Невскій проспектъ Іеддо, его Бульвары, Бродвей. Въ части Сото-Сиро, которая прорѣзывается Токаидо, поперечныя улицы очень правильны, и потому это мѣсто болѣе всѣхъ прочихъ частей Іеддо напоминаетъ по планировкѣ европейскіе города. Здѣсь нѣтъ ни храмовъ, ни дворцовъ князей, но много построекъ каменныхъ или, правильнѣе, муравленныхъ, ибо купцы имѣютъ тутъ свои магазины. Во время пожара въ январѣ 1870 г. это были единственныя зданія, уцѣлѣвшія отъ огня, который истребилъ до 3,000 домовъ по обѣимъ сторонамъ Токаидо, въ лучшей части ея протяженія.

Приморская часть Сото-Сиро есть та, которую прибывающіе съ моря иностранцы узнаютъ прежде всего въ Іеддо. Здѣсь находится: таможня съ телеграфною при ней стациею, казармы части іеддоскаго гарнизона, министерство иностранныхъ дѣлъ, большая японская гостинница, устроенная на европейскій ладъ, и наконецъ вновь застраиваемый европейскій кварталъ. Тутъ-же обращаютъ на себя вниманіе большой буддійскій храмъ Мондсеки и великолѣпный паркъ Огама, одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній японскаго садоводства.

Мици, сѣверо-западная половина Іеддо и притомъ болѣе, есть собственно жилище іеддоскихъ горожанъ и жрецовъ, въ противоположность Сиро, административному центру, и юго-восточной части Сото-Сиро, коммерческому его средоточію. Пространство, занятое Мици, гораздо обширнѣе остальныхъ частей Іеддо, и, за исключеніемъ торговаго квартала, онъ застроенъ всѣхъ гуще. Множество храмовъ, число которыхъ въ цѣломъ городѣ равно 1483 (именно 1201 буддійскихъ и 282 синтоескихъ), видится среди частныхъ домовъ, и изъ нихъ особенно извѣстностью пользуются два мавзолея тайкуновъ, Уено и Сиба. Первый, лежащій въ сѣверной части города, окруженъ обширнымъ паркомъ и заключалъ множество храмовъ, сожженныхъ во время междоусобій 1868 года. Онъ и доселѣ есть главная художественная замѣчательность Іеддо, которую всякій иностранецъ непременно долженъ видѣть, чтобы имѣть полное понятіе о зодчествѣ и ваяніи у японцевъ. Сиба—также богатый храмъ, съ красивою много-этажною башнею, въ юго-западной половинѣ Мици. Къ сторонѣ Уено находится еще храмъ Конфуція, а близъ него

многочисленные зданія, въ которыхъ помѣщается высшее іеддоское училище, нѣчто въ родѣ университета или академіи. Около другаго храма, Кванона или Асаксы, лежащаго восточнѣе, среди небольшого сада и вблизи сѣвернаго моста чрезъ Огаву, разбросаны, напротивъ, чайные дома и театры, т. е. мѣста развлеченія японцевъ, и многочисленные лавки для продажи книгъ, картинъ, статуй, рѣдкихъ животныхъ, растений и проч. Наконецъ въ восточной-же части Мици, нѣсколько выше моста Ніогуку, у самаго берега Огавы, расположены обширные хлѣбные магазины правительства.

Прямо къ западу отъ дворца микадо, пройдя Сото-Сиро, мы выходимъ въ ту часть Мици, которая содержитъ обширные дворцы и парки князей Кисіу и Овари, а затѣмъ, повернувъ на югъ, vstupаемъ въ остальной кварталъ Іеддо, примыкающій на юговостокъ къ морю, а на югозападъ къ предмѣстью Синогавы, и тлнущійся по обѣимъ сторонамъ южной половины Токаидо. Это есть часть города, гдѣ устроены зданія нѣкоторыхъ посольствъ и гдѣ находится знаменитый холмъ Готенъ-яма, нѣкогда служившій для встрѣчъ сіюгуну посланниковъ микадо и важнѣйшихъ князей имперіи. Посольства расположены: англійское въ Тодзендзи, французское въ Санкаидзи и американское въ Дзенфудзи. Всѣ онѣ обыкновенно стоятъ пустыми или-же имѣютъ жильцами однихъ переводчиковъ, такъ какъ сами министры предпочитаютъ свои іокогамскія резиденціи.

Іеддо примыкаетъ къ морю почти на протяженіи двѣнадцати верстъ; но берега залива по большей части столь мелки, что обнажаются во время отлива; а потому суда не пристають къ берегу, за исключеніемъ барокъ, приходящихъ по рѣкѣ или идущихъ въ нее. У зданія таможня вырытъ искусственный бассейнъ и нѣсколько углубленъ самый берегъ; но все-же сюда приходятъ только мелкіе пароходы, съ 3—4 футами осадки. Съ точки зрѣнія торговли это конечно невыгодно; но за то подобное свойство берега составляетъ лучшую гарантію для Іеддо отъ бомбардированія съ моря, такъ что семь открытыхъ земляныхъ, съ каменною одеждою, фортовъ, лежащихъ въ 1½—2 верстахъ отъ жилыхъ зданій, служатъ лишь второстепеннымъ средствомъ для обороны.

Городъ Іеддо отовсюду окруженъ предмѣстьями, изъ которыхъ европейцамъ больше другихъ извѣстно югозападное, Синогава. Это есть то-же городокъ или мѣстечко, расположенное на Токаидо и примыкающее къ заливу. Его славу составляютъ многочисленные чайные дома, гдѣ значительная часть іеддоской молодежи проводитъ вечера и ночи въ обществѣ пѣвицъ, танцовщицъ и гругихъ куртизанокъ. Здѣсь нѣтъ чиновъ и званій, а потому чиновники посѣщаютъ этотъ кварталъ инкогнито, безъ пышныхъ кортежей, и часто натыкаются на шумныя сцены, иногда ведущія за собою убійство.

Иностранцы въ первые годы пребыванія въ Японіи, обыкновенно торопились пробѣжать это буйное предмѣстье, и нигдѣ японскій конвой не оказывался столь нужнымъ для нихъ, какъ здѣсь; но теперь все спокойно, и экипажи, какъ и одинокіе всадники, свободно пробѣгаютъ черезъ Синогаву. Трудно опредѣлить, какъ велико число японскихъ женщинъ въ чайныхъ домахъ этого городка; но оно вѣроятно простирается до нѣсколькихъ тысячъ, потому что есть заведенія очень обширные.

Мы не знаемъ точной цифры населенія Іеддо, и даже приближительныя счисленія такъ мало сходятся одно съ другимъ, что трудно выбрать изъ нихъ наиболѣе вѣроятное. Не говоря уже про свидѣтельство Головинна, основанное на рассказахъ японскихъ чиновниковъ, что будто Іеддо имѣетъ неменѣе четырехъ миллионъ жителей, нельзя дать вѣры и многимъ другимъ показаніямъ, сильно преувеличивающимъ людность столицы микадо. Какъ ни велико движеніе народа на многихъ улицахъ, особенно на Токаидо въ торговой части города, все-же можно съ увѣренностью сказать, что іеддоское населеніе менѣе лондонскаго и даже парижскаго. Причинами такого заключенія будутъ: во 1-хъ протяженіе Іеддо, который меньше Парижа и Лондона, во 2-хъ значительное число мелкихъ пространствъ, занятыхъ дворами и садами, и въ 3-хъ, самое главное, малая вмѣстимость японскихъ жилыхъ построекъ, которыя рѣдко бывають въ два этажа, а по большей части въ одинъ. Однако-же неужно упускать изъ виду, какъ это по-видимому сдѣлано въ *Almanach de Paris*, гдѣ для Іеддо дается 730,000 жителей, что по официальной переписи 1858 г. однихъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ считалось 572,848 душъ; а мѣщанское населеніе во всякомъ случаѣ уступаетъ совокупности жреческаго, чиновничьяго и дворянскаго. Последнее въ эпоху тайкуновъ, было особенно многочисленно, ибо семейства всей японской знати обязательно проживали въ Іеддо; да кромѣ того тамъ всегда можно было найти половину самихъ князей съ многочисленными ихъ свитами. Сами японцы либо не знаютъ точнаго числа жителей Іеддо, либо систематически скрываютъ его отъ иностранцевъ. По крайней мѣрѣ авторъ новѣйшаго описанія города, Митфордъ, замѣчаетъ, что отъ нихъ нельзя услышать другаго отвѣта, какъ “здѣсь должно быть много народа”. Линдау, который подробнѣе всѣхъ вникъ въ вопросъ о населенности Іеддо, опредѣлялъ общій итогъ для 1862 года въ 1,700,000 душъ, и это исчисленіе для избранной имъ эпохи должноствовало быть не очень далекимъ отъ истины. Именно, по мнѣнію Линдау, дворецъ императора, со всѣми пристройками и жилищами солдатъ, чиновниковъ и прислуги, содержалъ не менѣе 180,000 душъ. Затѣмъ число жрецовъ и монаховъ разнаго рода простиралось до 200,000(*), да столько-же всегда

(*) Эта цифра велика, ибо число *жрецовъ* въ цѣлой Японіи,

можно было найти въ городѣ людей, приходившихъ на поклоненіе въ храмы. Прибавляя сюда до 50,000 нищихъ, кожевниковъ и другихъ наріевъ Японіи, получимъ цифру 1,200,000 душъ, не считая населенія княжескихъ дворцовъ. Это-же послѣднее едва-ли было менѣе полумилліона, такъ какъ число князей простирается до нѣсколькихъ сотъ, и многіе изъ нихъ содержали дворню въ нѣсколько тысячъ душъ. Въ настоящее время цифра населенія Іеддо конечно уступаетъ вычисленной Линдау, потому что князья не живутъ въ немъ постоянно и уже не приводятъ съ собой цѣлыхъ армій (*); но все еще столица микадо есть очень многолюдный городъ, вѣроятно подходящій по числу жителей къ Нью-Йорку и Царегороду.

Особенной оживленностью, какъ замѣчено выше, отличается часть города, служащая средоточіемъ торговли, т. е. восточная половина Сото-Сиро, по обѣимъ сторонамъ Токаидо. Иностранецъ, впервые проникшій въ Іеддо, бываетъ болѣе всего пораженъ численностью собирающейся тутъ публики, а также своеобразіемъ ея занятій. Тутъ рабочіе, люди здороваго тѣлосложенія, почти нагіе и съ кожей татуированною, а потому очень бросающеюся въ глаза, перевозятъ тяжелыя двуколесныя тележки, нагруженныя товарами и, подвигаясь медленно, испускаютъ пронзительные крики, чтобы предупредить проходящихъ и чтобы дружнее дѣйствовать въ-ладъ. Тамъ бродячіе торгаши разставляютъ свои переносныя лавочки и хвастаютъ во все горло добротою товара; торговка готовитъ, въ походной-же кухнѣ, пирожки; фокусникъ забавляетъ зрителей установкою у себя на носу какого-нибудь сложнаго зданія изъ чашечекъ, палочекъ, мячиковъ и т. п. Въ другомъ мѣстѣ видѣются продавцы миниатюрныхъ деревьевъ, цвѣтовъ, ученыхъ птицъ, соблазнительныхъ фотографій и пр.; уличный балагуръ рассказываетъ какія-нибудь чудесныя похождения; борцы состязаются. Около лавокъ, гдѣ продаются гребни, шпильки и другія принадлежности туалета, кучка кокетливо убранныхъ женщинъ, и, по близости, два-три молодыхъ якунина, приторговывающихъ европейскіе сапоги, которыхъ однако-жъ они покупать не намѣрены. Иногда толпу раздвигаютъ громкими восклицаніями люди, слѣдующіе во главѣ свиты какого-нибудь князя или сановника. По временамъ слышится восклицаніе богомольца или монаха: Амида, Амида! Другой монахъ, слѣпецъ, медленно двигается опираясь на палку и позванивая въ колокольчикъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Изрѣдка пронесется на парѣ бойкихъ лошадей европейскій шарабанъ съ сѣдоками-иностранцами, неизмѣнно со-

простирается лишь съ небольшимъ до 200,000. Но по числу храмовъ, 1483, и обширности пространства, занятаго жилищами духовенства, 19 квадр. верстъ, должно все-таки полагать, что въ Іеддо находится нѣсколько десятковъ тысячъ жрецовъ и монаховъ.

(*) Они даже распродали часть своихъ замковъ, гдѣ прежде помѣщались приводимыя многочисленныя свиты.

проводимый якунинами верхомъ. Отрядъ войскъ, одѣтыхъ по-европейски, но обыкновенно безъ шапокъ, съ плохую музыкою, пройдетъ скорымъ шагомъ въ караулъ или на ученіе. Въ боковыхъ улицахъ всегда можно встрѣтить кучи дѣтей, за которыми никто не смотритъ и которые спятъ, ѣдятъ, играютъ или работаютъ подъ открытымъ небомъ, уходя въ домъ только вечеромъ. При хорошемъ вѣтрѣ эта молодежь съ увлеченіемъ занимается пусканіемъ бумажныхъ змѣевъ, всегда представляющихъ какую-нибудь картину или образъ мифологическаго божества и продаваемыхъ въ особыхъ лавкахъ. Сами взрослые люди, если имѣютъ досугъ, слѣдуютъ приѣзду ребятишекъ или-же философски покуриваютъ трубки, сидя у входа въ лавки и играя съ котятами.

Къ вечеру уличный шумъ въ Сото-Сиро стихаетъ; но за то возникаетъ новый, въ частяхъ города, содержащихъ чайные дома, и особенно въ Синогавѣ. Музыка и красивыя женщины у дверей призываютъ туда посѣтителей; съ началомъ сумерокъ зажигаются многочисленные огни въ разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонаряхъ, развѣшанныхъ по карнизамъ, периламъ, заборамъ. Молодежь изъ цѣлага города, а съ нею часто и пожилые люди сѣдаютъ въ дома утѣхи и развлеченія. Чтобы не быть узанными или не наткнуться на соперниковъ, они по большей части обвязываютъ голову платкомъ, оставляя только глаза, и затѣмъ, держась рукой за кинжалъ, проходятъ скорыми шагами по улицамъ, отдѣляющимъ ихъ отъ цѣла странствованій. Когда дома наполнятся посѣтителями, тогда прохожій слышитъ внутри ихъ музыку, пѣніе, говоръ, смѣхъ, шумъ, по временамъ переходящій даже въ неистовый крикъ. Заглянувъ, гдѣ можно, черезъ рѣшетку у входа, онъ видитъ въ глубинѣ, подъ навѣсами, при полусвѣтѣ иллюминаціи, пышно разодѣтыхъ ночныхъ красавицъ, которыя развлекаютъ гостей игрою на самисенѣ (гитарѣ), пѣніемъ или танцами. Часамъ къ одиннадцати и къ полуночи шумъ однако мало-по-малу стихаетъ, улицы по большей части замираютъ рѣшетчатыми воротами, городъ погружается въ сонъ, и лишь изрѣдка въ какомъ-нибудь чайномъ домѣ слышится кутежъ разгулявшейся молодежи.

Но нерѣдко ночная тишина въ той или другой части города нарушается набатомъ, внезапно раздающимся съ высоты какой-нибудь башенки, какихъ много при полицейскихъ постахъ, при храмахъ и даже у частныхъ домовъ и въ какихъ обыкновенно помѣщаются почные сторожа. Этотъ набатъ означаетъ пожаръ. Тогда быстро все поднимается на ноги и сѣдаютъ спасать имущество или отстанивать зданія. Благодаря постройкѣ домовъ изъ дерева и употребленію на перегородки бумаги, пожары въ японскихъ городахъ распространяются вообще съ чрезвычайною быстротою, а въ Іеддо больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, потому что онъ тѣсно построенъ и

не имѣетъ такого числа каналовъ, какъ напр. Осака. Если есть возможность, т. е. не препятствуетъ вѣтеръ, то стараются прежде всего 'сломать' сосѣднія зданія, чтобы остановить распространеніе пламени; затѣмъ дѣйствуютъ изъ многочисленныхъ ручныхъ насосовъ и переносныхъ пожарныхъ трубъ (*), при которыхъ команду составляютъ ремесленники и вообще жители низшихъ классовъ, организованные полиціею въ особые отряды и обученные дѣлу. Не помогаетъ это, оставляютъ цѣлые кварталы на жертву огню и разламываютъ дома и заборы вдали отъ мѣста пожара на большое расстояние, чтобы быть увѣреннымъ, что огонь дальше не распространится. При первомъ же ударѣ колокола хозяева и хозяйки сосѣднихъ домовъ спѣшатъ обыкновенно болѣе цѣнные вещи домашняго обихода перенести въ каменные магазины, находящіеся въ саду или на дворѣ. Эти магазины, будучи обмурованы со всѣхъ сторонъ глиною и известью, обыкновенно остаются цѣлы при пожарахъ и потому служатъ надежными убѣжищами. Затѣмъ дѣтей и что можно захватить съ собою относятъ на сосѣднюю площадку или въ каменную ограду храма и т. п., и здѣсь оставляютъ подъ надзоромъ женщинъ и стариковъ. Большинство же мужской половины населенія отправляется на пожаръ, частію помогать тушить, частію, чтобы по принятому обычаю изъяснить сожалѣніе потерпѣвшимъ несчастіе знакомымъ, а частію и просто, чтобы поглазѣть.

Намъ не разъ еще придется обращаться къ сценамъ іеддоской жизни, когда пойдетъ рѣчь о бытѣ японцевъ, промыслахъ, увеселеніяхъ, зрѣлищахъ и пр.; а потому оставимъ теперь этотъ городъ и познакомимся съ его окрестностями, особливо же съ Іокогамой, этимъ оригинальнымъ мѣстечкомъ, гдѣ европейская жизнь привилась на японской почвѣ и гдѣ, въ свою очередь, довольно многочисленная колонія людей Запада усвоила немало привычекъ Востока. Выйдя изъ Іеддо на югъ, по Токаидо, и миновавъ Синогаву, путешественникъ встрѣчаетъ направо отъ дороги небольшую площадь, на половину заросшую травой и украшенную каменнымъ идоломъ будды: это мѣсто казней, которая довольно часты въ Іеддо, хотя и не сопровождаются такою ужасною обстановкою, какъ въ Пекинѣ, другой столицѣ Востока. Затѣмъ передъ взоромъ раскрывается цѣлый рядъ деревень и отдѣльных домиковъ, окруженныхъ садами и сопровождающихъ Токаидо почти непрерывно до самой Канагавы,

(*) Пожарныя трубы въ Японіи деревянные и поэтому очень дешевы; но онѣ устроены совершенно какъ наши, т. е. имѣютъ двѣ помпы и коромысло, рукавъ и проч. Устройство этого рода инструментовъ заслуживало бы подражанія у насъ, въ бѣдныхъ городахъ и селеніяхъ. Замѣчу еще, что каждый домохозяинъ по закону обязанъ имѣть у входа въ домъ кадку и нѣсколько ведеръ съ водою, что строго исполняется. На улицахъ немало колодезевъ.

гдѣ наконецъ эта дорога отклоняется отъ моря и уходитъ на западъ. Ширина дороги, до 5 сажень, исправность, въ которой она держится, опрятный видъ домовъ и красота прилегающихъ къ нимъ лѣсистыхъ холмовъ, множество прохожихъ, идущихъ въ Іеддо и обратно, дѣятельная мелочная торговля въ безчисленныхъ лавочкахъ и чайныхъ домахъ, все производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Къ этому нужно присовокупить, что въ окрестностяхъ Синогавы открывается обширный видъ съ одной стороны на заливъ и городъ, а съ другой на горы Хакони, тянущіяся вдоль полуострова Идзу, съ юга на сѣверъ, и на конусообразную вершину Фузи-ямы, которая хотя и отстоитъ отъ Іеддо на 105 верстъ, но виднѣется отсюда во всемъ своемъ несравненномъ величій. Постепенно минуя Омори, Кавасаки, съ любопытнымъ близъ него храмомъ Дайдзи, и нѣсколько меньшихъ селеній, путешественникъ достигаетъ наконецъ, на 26 верстъ отъ Іеддо, Канагавы и отсюда черезъ бухту видитъ предъ собой *Іокогаму*.

Недалѣ 1859 года это была жалкая рыбацья деревушка, разбросанная по болотистой лужайкѣ у подножія холмовъ, которые полукруглымъ амфитеатромъ ограничиваютъ горизонтъ на югъ и западъ. Японское правительство, обязанное трактатами открыть для иностранцевъ канагавскую гавань, приказало, еще прежде прибытія ихъ, поставить въ Іокогамѣ нѣсколько барачковъ и магазиновъ, чтобы съ одной стороны дать пріютъ европейцамъ на первое время, а съ другой удалить ихъ отъ Канагавы, гдѣ по большой дорогѣ часто проходятъ кортежи даймйосовъ и вообще происходятъ большое движеніе путешественниковъ-японцевъ. Консулы европейскіе и американскій сначала было противились такому небуквальному исполненію договоровъ японскимъ правительствомъ; но скоро согласились на водвореніе иностранной колоніи въ Іокогамѣ по просьбѣ самихъ-же пришельцевъ, которые считали себя безопаснѣе вдали отъ люднаго городка Канагавы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ почва въ долинѣ была осушена, у подошвы холмовъ проведенъ широкій каналъ, среди образовавшагося такимъ образомъ острова вырыты еще другіе, меньшихъ размѣровъ, каналы, и часть низменности, непосредственно примыкающая къ морю, сплошь застроена зданіями торговцевъ японскихъ и европейскихъ. Теперь Іокогама есть городъ съ двадцатью тысячами жителей, по большей части конечно японцевъ, но между которыми есть и до двухъ тысячъ иностранцевъ, преимущественно китайцевъ (1200), а потомъ американцевъ и англичанъ. Иностранцы занимаютъ юго-восточную часть Іокогамы, гдѣ дома ихъ, разнообразной архитектуры, раскинуты вдоль несомнѣнно правильныхъ улицъ до таможи, составляющей центръ всего городка. Таможня состоитъ изъ группы зданій, частію деревянныхъ, частію каменныхъ. Около нея отъ набережной идутъ въ море молы и высятся довольно безобразное трех-башенное зданіе англійскаго

консульства. Непосредственно на западъ начинается японская часть города, болѣе правильная по планировкѣ, чѣмъ европейская, состоящая изъ многихъ параллельныхъ берегу улицъ и нѣсколькихъ перпендикулярныхъ къ нему. Крайняя сѣверо-западная оконечность острова, бывшая деревенька Бентенъ, нынѣ занята кварталомъ якуниновъ, нѣкоторыми официальными японскими зданіями и домами посольствъ прусскаго, голландскаго и французскаго.

Черезъ каналъ въ западной части японскаго города перекинутъ желѣзный мостъ, по которому проходитъ дорога въ Канагаву и въ знаменитый Якиро, кварталъ чайныхъ домовъ, устроенный для европейцевъ и снабженный всегда нѣсколькими сотнями молодыхъ японокъ. Этотъ послѣдній лежитъ на особомъ островкѣ у самаго желѣзнаго моста и составляетъ одну изъ замѣчательностей города, которая непременно посѣщается всѣми прїѣзжими. Якиро возникъ собственно для нихъ и притомъ по официальному ходатайству консуловъ, которые видѣли въ этомъ единственное средство “локализировать” буйство матросовъ и предотвратить многочисленныя столкновенія ихъ съ японцами. Когда въ 1861 г. “заведеніе” было окончено и снабжено не менѣе какъ девятьюстами обитательницами, европейцы вообще и консулы въ частности получили циркулярное о томъ увѣдомленіе въ видѣ чайной чашки и вѣера, на которомъ былъ нарисованъ видъ Якиро *à vol d'oiseau* и сдѣлана надпись по-англійски: “это мѣсто назначено для удовольствія иностранцевъ”. Въ Якиро, разумеется, есть подраздѣленія, приспособленныя къ потребностямъ и зажиточности посѣтителей, и можно сказать, что японскіе учредители счумѣли въ этомъ случаѣ повести дѣло къ полному удовольствію своихъ западныхъ посѣтителей.

Три другіе моста черезъ каналъ, въ южной части Іокогамы, ведутъ изъ европейскаго города въ деревню Хомуру и на холмы къ югу отъ ней, гдѣ построено много дачъ, находятся казармы европейскихъ солдатъ, домъ англійскаго посольства, госпиталь и т. д. Хорошая европейская дорога ведетъ отсюда къ берегамъ Миссисипской бухты, вблизи которой устроено мѣсто для скачекъ, любимаго удовольствія иностранцевъ.

Іокогама особенно любопытна для путешественника именно тѣмъ, что въ ней лицомъ-къ-лицу или бокъ-о-бокъ стоятъ представители двухъ цивилизацій, восточной и западной. Поэтому стоитъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о составѣ тамошняго общества. Самую многочисленную его часть въ европейской половинѣ города составляютъ китайцы—торговцы, ремесленники, мѣнялы и воры *par profession*. Потомъ слѣдуютъ англичане и американцы, за ними нѣмцы, французы, жида, по-большей части прикащики и повѣренные большихъ торговыхъ домовъ изъ Шанхая, Гонъ-Конга, Санъ-Франциско и Нью-Йорка, народъ холостой и недумающій болѣе ни о чемъ, какъ,

о деньгахъ. Но въпрочемъ и семейные дома нынѣ не составляютъ рѣдкости, такъ-какъ многія миссъ и мистриссъ удобно акклиматизировались въ Іокогамѣ и полюбили ее. Къ этому постоянному контингенту европейцевъ присоединяется перемежающееся въ составѣ общества сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, капитановъ коммерческихъ кораблей, временно пребывающихъ коммерческихъ агентовъ и наконецъ матросовъ всѣхъ націй. Образъ жизни этой европейской общины—какъ вездѣ въ отдаленныхъ колоніяхъ: утромъ усиленно трудятся, пишутъ торговые бумаги, ведутъ счеты, торгуютъ съ японцами, нагружаютъ и выгружаютъ товары, рассылаютъ прикащиковъ по банкирскимъ конторамъ, въ таможенно и на суда, толкуютъ о приходѣ и отходѣ послѣднихъ, и проч. Многіе европейцы, чтобы выиграть время и не слишкомъ устать при этомъ суетливомъ движеніи, ѣздятъ верхомъ, и всегда рысью, не смотря на то, что Іокогама не велика. Вечеромъ часть публики гуляетъ въ экипажахъ (семейства министровъ Англіи и Франціи съ смѣшными конвоями) и верхомъ по городу, другая, и большая, собирается въ гостиницахъ, клубахъ, у знакомыхъ почитать газеты, которыхъ въ Іокогамѣ четыре, потолковать о полтикахъ, т. е. о дѣлахъ Европы и Америки, поиграть на билліардѣ или въ вистъ и порядочно выпить. Прїѣзжіе и особенно матросы отправляются въ Якиро и тамъ проводить время до поздней ночи, а иногда и до зари, заставляя пѣть и плясать обитательницъ этого іосивара, что обходится всего какихъ-нибудь два-три пшибу, тогда какъ за визитъ европейскимъ артистамъ того же разряда платится отъ 15 до 30 піастровъ, не смотря на постоянно возрастающую конкуренцію американскихъ и англійскихъ миссъ. Осѣдлые холостяки всѣ имѣютъ своихъ *мусеми*, т. е. сожительницъ на болѣе или менѣе короткій срокъ, на годъ, на полгода, на мѣсяцъ, смотря по капризу минуты и состоянію финансовъ (*).

Опустѣлые вечеромъ дома остаются подъ надзоромъ прислуги, которая вся состоитъ изъ японцевъ и отчасти китайцевъ. Послѣдніе, хотя и плуты, составляютъ аристократическую часть іокогамской дворянщины; это по большей части счетчики, разсыльные по торговымъ дѣламъ, дворецкіе; обыкновенную-же прислугу, поваровъ, дворни-

(*) Не могу при настоящемъ случаѣ не вспомнить японскихъ картинокъ, изображающихъ европейскихъ жителей Іокогамы. На одной напр. изображены мужъ и жена, англичане: онъ съ рыжими бакенбардами, въ пиджакѣ, съ газетой въ одной рукѣ и съ *бокаломъ* въ другой; она—въ широчайшемъ кринолинѣ, жеманно изогнувшись передъ зеркаломъ и съ коробочкою серегъ въ рукахъ. Другая картинка изображаетъ двухъ холостяковъ, ожидающихъ прїятелей на пружку: въ комнатѣ уставленный *бутылками* столъ и *хозяйка* изъ японокъ. На третьей картинкѣ англійскіе солдаты, охранятели собственности и личности, атакуютъ встрѣченную японскую женщину, и т. п. Все это очень вѣрно.

ковъ, конюховъ, лакеевъ и пр. держутъ большею частію изъ японцевъ, такъ какъ они всегда находятся подъ руками въ большинѣ числѣ и служатъ за весьма низкую плату. Мѣстные названія различныхъ чиновъ этой лакейской іерархіи суть: *комрадора*, обыкновенно китаецъ — старшій въ домѣ слуга и повѣренный для дѣлъ денежныхъ; *коцкой* — камердинеръ, *мамба* — дворникъ, *ессида* — лодочникъ, если хозяинъ дома имѣетъ лодку, и наконецъ *бетто* или коновъ, а вмѣстѣ и грумъ. Бетто составляютъ одну изъ особенностей іокогамской обстановки европейцевъ; эти молодые люди вездѣ сопровождаютъ своихъ господъ при переѣздахъ верхомъ или въ экипажахъ, не смотря на то, какимъ аллюромъ слѣдуютъ они, шагомъ или въ галопъ. Слѣзъ господинъ съ сѣдла, — бетто остается караулить лошадь до новаго переѣзда. Дома онъ помогаетъ дворнику, повару и во многихъ случаяхъ употребляется за разсыльного.

Собственно японское іокогамское общество, т. е. не прислуга у европейцевъ, а совокупность самостоятельныхъ обитателей японской части города, представляетъ смѣсь мелкаго чиновничества, солдатъ, купцовъ, ремесленниковъ, поденщиковъ, рыбаковъ и проч. Но японской общественной классификаціи это, стало-быть, собраніе очень "небольшихъ" людей, пѣчто въ родѣ того, какое мы встречаемъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ недворянскихъ губерній. Высшій елой составляютъ полицейскіе и таможенные чиновники и солдаты, которыми населены цѣлые кварталы, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ соседнихъ Іосидѣ и Канагавѣ. Правитель Іокогамы, имѣющій титулъ губернатора, есть чиновникъ небольшого ранга и имѣетъ двухъ помощниковъ, образующихъ вмѣстѣ съ нимъ то, что у японцевъ называется *сайбаншо*, или мѣстное управление. Никакого важнаго шага, никакого самостоятельнаго распоряженія онъ сдѣлать не можетъ и на все получаетъ инструкціи свыше, письменныя или даже по телеграфу, котораго станція расположена при губернаторскомъ домѣ. Главное дѣло сайбаншо смотрѣть за порядкомъ на улицахъ, разбирать мелкія жалобы, захватывать преступниковъ, иногда судить ихъ, объявлять распоряженія правительства и т. п. Городская полиція, содержащая нѣсколько постовъ у выходовъ изъ города и патрули по улицамъ, нынѣ одѣта по европейски, очень дѣятельна и, что всего лучше, совершенно вѣжлива.

Окрестности Іокогамы довольно живописны, особенно тѣ, которыя лежатъ къ юго-западу отъ города. Прогулки въ Кавазаву, въ Іокоску, въ Камакуру, на островъ Иносиму составляютъ любимое развлеченіе европейцевъ. Островъ Иносима есть любопытный известковый холмъ, лежащій въ заливѣ Сагамъ и связанный съ берегомъ песчаной отмелью. Онъ покрытъ храмами и лавками для продажи раковинъ, а въ обрывистыхъ берегахъ своихъ имѣетъ нѣсколько пещеръ, что придаетъ ему живописный видъ. Городъ Камакура,

бывшая столица сіюгуна Іоритомо, лежитъ также въ красной долинѣ и извѣстенъ храмомъ Хачимана, однимъ изъ лучшихъ произведеній японскаго зодчества, и находящеюся вблизи колоссальной статуею Дайбудза. Въ Кавазавѣ и Іокоскѣ привлекаютъ живописныя окрестности, а въ послѣдней, кромѣ того, морской арсеналь.

Направляясь къ западу отъ Іеддоскаго залива въ Осаку, какъ ближайшій изъ портовъ, открытыхъ для европейцевъ, упомянемъ здѣсь о *Симодѣ*, городѣ, получившемъ нѣкоторую извѣстность со времени первыхъ договоровъ европейцевъ и америгандцевъ съ японцами. Симода лежитъ на юго-восточной сторонѣ полуострова Идзу, въ долинѣ небольшой рѣчки, которая впадаетъ въ великолѣпную, хотя необширную Симодскую бухту. Окружающія ее крутыя горы одѣты густою зеленью, среди которой мѣстами видѣются отдѣльные домики. Городокъ неразъ терпѣлъ отъ землетрясеній и, между прочимъ, былъ почти разрушенъ въ 1854 году; но онъ снова обстраивался и теперь по прежнему имѣетъ живописный видъ, хотя не можетъ уже рассчитывать на блестящую будущность со времени основанія Іокогамы.

Осака, 34° 42' ш. 153° 10' в. д. Ф., третій городъ имперіи по числу жителей, но первый по коммерческому значенію, лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу залива Идзуми-нада, образующаго почти со всѣхъ сторонъ замкнутый великолѣпный бассейнъ. Собственно городъ расположенъ на рѣкѣ Іодогавѣ и многочисленныхъ рукавахъ, на которые она развѣтвляется при впаденіи въ море; но рейдъ для большихъ судовъ лежитъ предъ устьемъ рѣки и отдѣленъ отъ города баромъ съ 2—8 футами воды, смотря по приливу. Осаку прежніе европейскіе путешественники обыкновенно сравнивали съ Парижемъ по множеству развлеченій, которыя она представляетъ своимъ обитателямъ, а Ольковъ прибавилъ съ своей стороны сравненіе съ Венеціею, по многочисленности каналовъ, которые пересѣкаютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ. Но оба эти уподобленія неточны. Топографическое положеніе Осаки скорѣе напоминаетъ Петербургъ, чѣмъ Венецію, ибо она вовсе не окружена моремъ и каналы ея суть развѣтвленія рѣки, имѣющіе теченіе. А что до эстетическаго и коммерческаго значеній, то Осака можетъ быть названа Парижемъ лишь въ томъ смыслѣ, что она есть самый оживленный, веселый городъ Японіи. Каналы придаютъ очень своеобразный видъ Осакѣ, потому что раздѣляютъ ее на множество острововъ и служатъ для сообщенія столько-же, какъ и самыя улицы. Берега ихъ, если не застроены вплоть до воды, обложены камнемъ въ видѣ ступенекъ, такъ что набережная представляетъ рядъ лѣстницъ, помощью которыхъ можно выходить изъ лодки въ любомъ мѣстѣ берега. Затѣмъ улицы, довольно узкія, совершенно прямы и пересѣкаются одна съ другою подъ прямыми углами. Тамъ, гдѣ онѣ

разрѣзываются кавалами, на послѣднихъ устроены мосты, числомъ болѣе ста. Три изъ нихъ особенно замѣчательны по своимъ размѣрамъ и по рѣзнымъ металлическимъ украшеніямъ на перилахъ: они перекинуты чрезъ самую Иодогаву или, точнѣе, чрезъ главный рукавъ ея, который входитъ въ городъ съ сѣвера и направляется поперегъ его къ юго-западу. Главная часть Осаки лежитъ на южномъ берегу Иодогавы; но и на сѣверѣ отъ нея заселенное пространство значительно. Одинъ изъ острововъ застроенъ исключительно замками даймюсовъ, а на другомъ, педалекомъ отсюда, въ послѣдніе годы возникъ европейскій кварталъ. Дома въ городѣ деревянные, одно-и двухъ-этажные, какъ въ Иеддо, но съ болѣе плоскими крышами. Наружность ихъ всегда опрятна и даже щеголевата, а архитектура та-же, что и вездѣ въ Японіи. Главныя замѣчательности Осаки суть: замокъ или цитадель, ботаническій садъ, гдѣ собраны въ растенія Японіи, собраніе птицъ и другихъ животныхъ, театры, чайные дома, литейные заводы и храмы. Театры осакскіе считаются первыми въ Японіи, и то-же можно сказать про чайные дома, такъ какъ мѣстная коммерческая молодежь и множество путешественниковъ оплачиваютъ щедрою рукою ихъ издержки. Зала главнаго театра вмѣщаетъ нѣсколько тысячъ зрителей и имѣетъ, сверхъ обширнаго партера безъ стульевъ, три ряда ложъ, украшенныхъ рѣзбою подъ лакомъ и позолотою. Чайные дома содержатъ лучшихъ красавицъ Японіи, которыхъ доставляютъ сюда окрестности Кіото, издавна знаменитыя своими жемчужинами и..... мальчиками..... Изъ храмовъ наиболѣе извѣстенъ Дайбудзъ, котораго постройка обошлась 750,000 рублей, не смотря на то, что онъ деревянный. Колосальный идолъ, помѣщенный внутри и отлитый изъ бронзы, столь великъ, что четыре человека могутъ сидѣть на ладони его. Неменѣе извѣстенъ храмъ Кванона, гдѣ собрано множество идоловъ также очень большихъ размѣровъ. Замокъ или цитадель находится на восточной сторонѣ города, внѣ черты домовъ, и представляетъ группу построекъ, окруженную со всѣхъ сторонъ стѣнами и водянымъ ровомъ. Онъ очень обширенъ, такъ что для обхода его нужно не менѣе часа, и считается одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей Японіи. Укрѣпленія расположены въ три ряда, и самыя внутреннія ограждали собственно жилище сіюгуновъ, украшенное высокими башнями, нѣмѣ сгорѣвшими. Знаменитый въ исторіи Японіи Тайко-сама воздвигъ эту твердыню, и съ тѣхъ поръ она служила резиденціей сіюгуновъ всякій разъ, когда они пребывали въ Осакѣ. Въ отдаленной-же древности Осака бывала мѣстопребываніемъ самихъ микадо.

Населеніе Осаки простирается менѣе, какъ до 500,000 душъ; но впрочемъ точная цифра его намъ неизвѣстна. Жители города увѣряли еще Кемпфера, что они могутъ выставить 80,000 армію; но конечно подъ этимъ нужно разумѣть поголовное ополченіе всѣхъ,

способныхъ носить оружіе, т. е. $\frac{1}{6}$ или $\frac{1}{7}$ часть всего населенія, а не одну только молодежь до 30 лѣтъ. Главнѣйшіе обитатели Осаки суть купцы и ремесленники; дворяне-же составляютъ здѣсь исключеніе, въ противоположность Иеддо. Духовенство довольно многочисленно; однако не въ такой степени, какъ въ двухъ другихъ важнѣйшихъ городахъ государства, Кіото и Иеддо. Вѣсьма видную по числу часть населенія Осаки составляютъ также актеры, фокусники, волтижеры и другіе искусники забавлять публику; но съ другой стороны не мало и нищихъ, напоминающихъ, что въ городѣ собраны не одніи радости и богатства. Рабочіе и рыбаки довершаютъ пестроту городской толпы.

Неудобства осакскаго порта послужили поводомъ къ усиленію значенія сосѣднихъ съ нимъ городовъ, *Сакаи* и *Хіого*, которыя впрочемъ всегда были лишь гаванями Осаки. Хіого особенно извѣстенъ своею плоскою каменною плотиною, которая стоила огромныхъ суммъ и погребла большаго числа рабочихъ, но за то сдѣлала гавань города безопасною и удобною. Городъ этотъ имѣетъ до 100,000 жителей и потому принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ въ Японіи. Рейдъ его, раздѣленный на двѣ бухты, сѣверную и южную, всегда вмѣщаетъ большое число судовъ и открытъ для европейскихъ кораблей паравѣ съ Осакою. Обширный европейскій кварталъ или городокъ устроенъ въ сѣверо-восточной части города, на мѣстѣ бывшей деревни *Кобе*, которой названіе онъ удержалъ. Не смотря на то, что основаніе Кобе относится всего къ 1868 году, онъ представляетъ лучшую изъ европейскихъ колоній въ Японіи, быстро богатѣющую и развивающуюся. Въ Хіого-собственно японцы устроили нѣмѣ пароходный заводъ и продолжаютъ поддерживать большія винокурни, на которыхъ готовится туземная водка, *саки*.

Кіото, 35° 1' ш., 153° 32' в. д. Ф., обыкновенно называемый *Міако*, т. е. столицею, лежитъ въ 41 верстѣ отъ Осаки на сѣверо-востокъ, въ небольшой долинѣ между горами и въ разстояніи не болѣе 15 верстъ отъ озера Онцъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно выпускаетъ рѣку Иодогаву. Планъ показываетъ, что это одинъ изъ самыхъ правильныхъ городовъ въ свѣтѣ, ибо улицы его всѣ прямыя и пересѣкаются подъ прямыми углами. Небольшая рѣка обтекаетъ городъ съ востока, а притокъ ея съ юго-запада, такъ что *Міако* выходитъ лежащимъ на полуостровѣ. Незначительный ручей протекаетъ еще внутри города, снабжая водою центральные кварталы его. Изъ зданій замѣчательны въ Кіото: дворецъ микадо или точнѣе цѣлый городокъ, занятый даири, т. е. дворомъ императора, котораго непосредственное жилище есть небольшой деревянный, трехъ-этажный домъ на берегу пруда; замокъ бывшихъ тайкуновъ самое обширное зданіе въ Кіото, и многочисленныя храмы, изъ которыхъ многіе впрочемъ лежатъ за городомъ, на окружающихъ высотахъ. Дворецъ микадо съ своими

пристройками занимаетъ сѣверо-восточную часть города и обнесена стѣною и рвомъ; его украшаютъ такіе-же многоярусныя башни, какъ и іеддоскій кремль. Среди огады находятся сады, лужайки, пруды и множество жилыхъ зданій, издали похожихъ на наши сараи. Дворецъ бывшихъ тайкуновъ также обнесенъ рвомъ и валомъ. Частные дома въ Кіото, вообще говоря, узки и длинны; построены они, какъ вездѣ, изъ дерева, съ дополненіемъ глины и извести; но отличаются тѣмъ, что почти всѣ имѣютъ два этажа. Это обстоятельство служитъ причиною, что Кіото, хотя и содержитъ болѣе полу-милліона жителей, невеликъ по пространству, именно 6 верстъ въ длину и версты $3\frac{1}{2}$ въ ширину. Міако есть центръ мануфактурной промышленности Японіи, главное депо товаровъ ея, а вмѣстѣ и умственное средоточіе; ибо въ немъ множество ученыхъ учреждений, книжныхъ магазиновъ, типографій и проч. Торговля такъ развита, что едва-ли есть домъ, въ которомъ бы чего-нибудь не продавали или не покупали. Хорошія мѣднoplавильни, монетный дворъ, типографіи, фабрики золотыхъ и серебряныхъ вещей, шелковыхъ матерій, затканыхъ золотомъ, музыкальныхъ инструментовъ, лаковыхъ издѣлій и проч. находятся здѣсь въ изобиліи. Всѣ эти произведенія приготавливаются съ совершенствомъ, неизвѣстнымъ въ другихъ городахъ Японіи, и продаются сравнительно дешево; поэтому они распространяются по всей странѣ подобно такъ называемымъ *articles de Paris* въ Европѣ.

Кіото знаменитъ своими храмами и монастырями. Въ одномъ изъ послѣднихъ, примыкающихъ къ дворцу императора, есть тридцать семь храмовъ, и одинъ изъ нихъ содержитъ таблицу именъ микадо, написанныхъ золотыми буквами. Храмъ Джибона также окруженъ неменѣе какъ тридцатью меньшими, какъ бы часовнями или придѣлами. Храмъ Кіюмица знаменитъ высокою башнею и огромнымъ зеркаломъ, которое составляетъ единственную принадлежность его внутренности. Храмъ Дайбудза, подобно предыдущему, прислоненный къ горѣ, есть самый обширный изъ всѣхъ въ Міако и представляетъ высокую двойную крышу, опертую на 94 колоссальныхъ столба. Полъ его изъ мрамора, а внутренность заключаетъ огромнаго вызолоченнаго идола съ мушкою на лбу, какъ у камакурскаго истукана. Канвонъ, одно изъ популярнѣйшихъ божествъ въ Японіи, имѣетъ также свой храмъ въ Кіото, отличающійся обширностью и особенно длиною. Внутренность этого капища наполнена столь большимъ числомъ статуй, что самое зданіе называется храмомъ 33,333 идоловъ.

Для Міако у насъ есть любопытныя данныя о населенности и числѣ разнаго рода зданій, которыя стоитъ здѣсь привести, чтобы нагляднѣе характеризовать первую столицу Японіи. Хотя эти данныя и относятся къ XVII столѣтію, но конечно въ общихъ чертахъ неда-

леки отъ истины и теперь, ибо Міако, подобно Петербургу, имѣлъ до нашего времени, такъ сказать, штатное населеніе. По переписи, приводимой Кемпферомъ, было :

Буддйскихъ храмовъ (тира), большихъ и малыхъ, т. е. часовень	3,893
Синтосскихъ храмовъ (міа)	2,127
Дворцовъ князей и вельможъ	137
Частныхъ домовъ	13,879
Улицъ	1,858
Мостовъ	87
Свѣтскихъ храмослужителей синту	9,003
Ямабасовъ, т. е. монаховъ синтосскихъ	6,073
Буддйскихъ жрецовъ	37,083
Свѣтскихъ жителей города различныхъ сектъ (*)	177,547

Такъ-какъ населеніе дворцовъ микадо и тайкуна не входило въ эту перепись, то можно безъ большой ошибки опредѣлить населеніе Кіото, до выселенія изъ него микадо, въ 550,000 душъ. Теперь, въ послѣдніе два года, эта цифра должна была значительно измѣниться, ибо весь дворъ перѣхалъ въ Іеддо; но по-видимому Кіото скоро возвратитъ то, что утратилъ. По крайней мѣрѣ на сѣздѣ 1870 г. въ правительственныхъ сферахъ и между князьями шла рѣчь о возвращеніи микадо въ древнюю столицу, какъ для удовлетворенія громко высказываемымъ желаніямъ народа, такъ и для выхода изъ подъ напора европейской дипломатіи, которая въ Іеддо безпрестанно вмѣшивается во внутреннія дѣла Японіи.

Симоносаки, большой городъ при проливѣ того-же имени, отдѣляющемъ Нипонъ отъ Кіусіу, въ провинціи Нагато. Счастливое географическое положеніе, привлекательность окрестныхъ видовъ и значительная населенность давно сдѣлали этотъ городъ извѣстнымъ европейскимъ мореходцамъ, и нужно удивляться, что дипломаты при заключеніи трактатовъ упустили внести его въ число тѣхъ, которые должны быть открыты иностраннымъ судамъ. До 1863 года доступъ въ Симоносаки съ моря былъ защищенъ многочисленными береговыми батареями; но съ того времени японцы лишились права ставить укрѣпленія на японскомъ берегу пролива, хотя городъ остался по прежнему закрытымъ для иностранной торговли. Обширный рейдъ его иногда содержитъ по нѣскольку сотъ джонокъ, какъ идущихъ мимо, изъ Внутренняго моря въ Япоиское и обратно, такъ и грузящихся непосредственно у городскихъ пристаней. Симоносаки, не

(*) Изъ нихъ самая многочисленная, Сіо-Дозу, имѣла 159,113 послѣдователей, секта Фокке-Супъ—97,728, Фогасъ-Фонгакъ—99,016, и т. д. до Дай-Нембудзу, т. е. поклонниковъ злаго божества Амиды, которыхъ было всего 289 человекъ.

смотря на свою растянутость, построенъ правильно и содержитъ вѣроятно до 100,000 жителей. Чайные дома его славятся на всю Японию. На юго-западъ отъ него, за проливомъ, на о. Кіусіу, расположенъ значительный городъ Кокура.

Нагасаки, 32° 44' ш., 149° 56' в. д. Ф., давно знакомый европейцамъ городъ на западномъ берегу Кіусіу, при обширной, глубоко вѣзавшейся въ материкъ бухтѣ, которой онъ занимаетъ восточный берегъ, есть одинъ изъ самыхъ оживленныхъ городовъ Японіи. Онъ описанъ множествомъ путешественниковъ и потому извѣстенъ до мельчайшихъ подробностей. До десяти тысячъ домовъ, вмѣщающихъ 75—80,000 жителей, расположены въ небольшой долинѣ и на отклонѣхъ окружающихъ ее высотъ, съ которыхъ сбѣгаетъ нѣсколько ручейковъ въ бухту. Улицы города правильны, большею частью вымощены по срединѣ плитами и имѣютъ, гдѣ нужно, широкія каменные лѣстницы для перехода изъ однихъ кварталовъ въ другіе, лежащіе выше. Окружающіе городъ холмы усеяны храмами, живописно разбросанными среди садовъ и кладбищъ, а вершины болѣе отдаленныхъ горъ увѣнчаны вѣковыми лѣсами или группами отдѣльных деревьевъ. Съ одной изъ такихъ вершинъ, Компыры-ямы, открываея рѣдкій видъ на сосѣднія бухты: Нагасакскую, Омурскую и пр. Внизу, у берега Нагасаки, видѣется островокъ Децима, столь знаменитый по долговременному пребыванію на немъ нидерландской факторіи и нынѣ застроенный голландцами — же, но уже на европейскій манеръ. На западъ и югъ простирается обширный рейдъ, замыкаемый почти при самомъ выходѣ въ море высокимъ лѣсистымъ островкомъ, Папенбергомъ. Рейдъ глубокъ и совершенно безопасенъ для всякаго рода судовъ. Длина его болѣе пяти верстъ, а ширина около двухъ и менѣе. Берега бухты усеяны деревеньками, храмами, хижинами рыбаковъ и довольно большимъ числомъ батарей, дѣлающихъ подступъ къ городу съ моря весьма затруднительнымъ. Въ сѣверный конецъ ея выдается небольшая рѣчка, которой долина занята земледѣльческими селеніями и потому превосходно воздѣлана. Съ востока также бѣжитъ ручей, который отъ главной массы города отдѣляетъ кварталъ, занятый европейцами, предпочтительно англичанами и американцами, и обстроенный довольно красивыми домами колониальной архитектуры; кварталъ этотъ носитъ названіе Ооры. Какъ и въ другихъ японскихъ городахъ, въ Нагасаки есть мѣстность, занятая чайными домами и называемая здѣсь Кизіемацъ; она лежитъ къ сѣверу отъ Ооры, обстроена лучшими въ городѣ зданіями и содержитъ нѣсколько сотъ женщинъ. Въ сѣверной части Нагасаки, довольно высоко на горѣ, находится замѣчательный по отдѣлкѣ храмъ Сувы, къ которому ведетъ гранитная лѣстница въ 160 ступенекъ, а нѣсколько выше расположены резиденція губернатора и тюрьма.

Нагасаки — городъ оживленный и нѣсколько отличающійся отъ другихъ городовъ Японіи въ томъ смыслѣ, что долговременныя сношенія съ иностранцами наложили особую печать на его населеніе. Оно болѣе развѣзано съ европейцами, менѣе нерасположено къ нимъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ и болѣе свѣдуще въ европейскихъ обычаяхъ. Въ городѣ многіе говорятъ по голландски и по англійски, и находится немало людей свѣдущихъ въ математикѣ, мореплаваніи, медицинѣ и проч.; ибо японское правительство содержитъ здѣсь госпиталь, служащій вмѣстѣ и клинкою для образованія молодыхъ японскихъ врачей. Въ Нагасаки нерѣдки и китайцы, которые живутъ особымъ кварталомъ между Децимою и Оорою. Коммерческое значеніе нагасакайскаго порта нынѣ вообще второстепенное, и обороты его втрое и болѣе уступаютъ оборотамъ Иокогамы; особенно-же они уменьшились съ основаніемъ Кобе.

Изъ нагасацкихъ окрестностей стоитъ назвать здѣсь двѣ деревни, лежащія на западъ отъ города, по другую сторону бухты. Одна изъ этихъ деревень называется Ипасса и замѣчательна тѣмъ, что нѣкоторые изъ ея жителей говорятъ по-русски. Въ сосѣдствѣ этого селенія есть русскій домикъ, и тутъ обыкновенно бываетъ стоянка русскихъ судовъ, когда они посѣщаютъ нагасацкій портъ. Въ другой, Аконурѣ, японское правительство имѣетъ пароходный заводъ, съ 1869 года работающій уже исключительно подъ руководствомъ японцевъ, хотя основаніе ему положено голландскими инженерами.

Островъ Кіусіу, на которомъ лежитъ Нагасаки, содержитъ еще много великолѣпныхъ портовъ. Изъ нихъ назовемъ здѣсь особенно *Кагозиму*, главный городъ области Сацумы, расположенный на западномъ берегу залива, который глубоко вдается въ южную часть острова. Кагозима имѣетъ до 150,000 жителей и лежитъ прямо противъ вулканическаго острова Сакуры. Отдѣляющій ее отъ острова проливъ и бассейнъ на сѣверѣ служатъ гаванями и столь глубоки, что суда большихъ размѣровъ стапавятся мѣстами прямо у берега. Область Сацума издавна славится своими богатствами металлическими и растительными, а потому можно жалѣть, что кагозимскій портъ остается закрытымъ для иностранцевъ, благодаря политикѣ центрального японскаго правительства, которое хочетъ допускать чужеземцевъ только въ императорскіе порты, а не въ города, принадлежащіе удѣльнымъ князьямъ.

Ниегата, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья Синано-гавы, на лѣвомъ берегу этой рѣки и противу выдвѣнія въ нее Ниегаты, открыта для европейцевъ лишь лѣтомъ 1868 года, а потому имѣетъ весьма малочисленную европейскую колонию. Гавань города очень дурна, ибо за мелководіемъ на барѣ (6 ф.) суда должны бывать стоять въ открытомъ морѣ, а въ случаѣ сѣверо-западнаго вѣтра

уходить къ острову Садо. Окрестности славятся шелководствомъ и нефтяными ключами.

Хакодате, послѣдній изъ городовъ, о которомъ упомяну я здѣсь съ нѣкоторою подробностью, лежитъ на южной сторонѣ Мацмай, почти въ срединѣ Сангарскаго пролива. Небольшой, но высокій полуостровъ выдается тутъ къ югу и западу отъ главной массы земель *Иезо*, и на сѣверной сторонѣ этого-то полуострова, при превосходной, почти отовсюду закрытой бухтѣ лежитъ городъ, тянущійся неширокою полосой съ востока на западъ, по отклинамъ холмовъ. Рейдъ обставленъ отовсюду горами, изъ которыхъ самая высокая лежитъ на сѣверѣ и носитъ названье *Сѣда*, потому что вершина ея двурого и имѣетъ по срединѣ впадину. На югѣ, т. е. на полуостровѣ, поднимается также довольно смѣло очерченный пикъ, высотой въ 1136 фут. Наболѣе вдавшаяся въ материкъ часть бухты обращена въ портъ постройкою искусственной насыпи. Городъ *Хакодате* построенъ амфитеатромъ и состоитъ изъ двухъ-трехъ продольныхъ улицъ, пересѣченныхъ гораздо меньшими поперечными. Видъ его довольно бѣденъ въ сравненіи съ большими городами южной Японіи, хотя онъ имѣетъ нѣсколько красивыхъ храмовъ. Дома жителей низки, и на крышахъ часто виднѣются камни, которыми мелкія доски и черепица сдерживаются отъ сильныхъ вѣтровъ, часто здѣсь дующихъ; улицы не столь чисты какъ въ *Нагасаки* или *Иеддо*. Здѣсь, какъ и вездѣ въ Японіи, почти въ каждомъ домѣ есть лавка для продажи предметовъ, производимыхъ домохозяиномъ, или скучаемыхъ имъ. Есть и чайныя дома. Вѣшняя торговля *Хакодате* незначительна, хотя нѣсколько развилась въ послѣдніе годы. Причина—отдаленность города отъ главныхъ путей торговли, малая производительность *Иезо* и сильныя бури, господствующія нерѣдко въ Сангарскомъ проливѣ. Вообще городъ скучноватъ и оживленъ гораздо менѣе, чѣмъ другіе, открытые для иностранцевъ порты, кромѣ *Ниегаты*.

Населеніе *Хакодате* довольно разнообразно и своеобразно. Оно состоитъ по большей части изъ искателей приключеній, изъ лицъ, удалившихся изъ Японіи по случаю непріятныхъ исторій, изъ мелкихъ чиновниковъ, изъ торговцевъ и ремесленниковъ второй руки, и т. п. Есть нѣсколько консульствъ, которыхъ члены, если не заняты торговлею, скучаютъ въ этой глуши. По временамъ навѣщаютъ городъ анны для продажи мѣховъ и для покупки нужныхъ имъ мелочей, а при стоянкѣ на рейдѣ иностранныхъ судовъ бродитъ по улицамъ не мало матросовъ. Нигдѣ, можетъ быть, послѣдніе не предаются большому разврату и пьянству, какъ въ *Хакодате*.

Этими немногими подробностями я заключаю очеркъ важнѣйшихъ городовъ Японіи, имѣющій цѣлю познакомить съ фیزیономіею этого рода населенныхъ мѣстъ Японскаго архипелага. Прибавлю

здѣсь еще, что между другими городами наиболѣе замѣчательны: *Акита*, *Шонаи*, *Тойяма*, *Канезава* и *Тоотори* на сѣверо-западной сторонѣ Японна, *Хироема*, *Фукуяма*, *Сакаи*, *Танабе*, *Нагойя* и *Хамамаци* на южной, *Намбу* и *Сендай*—на восточной. Сикокъ имѣетъ довольно важныя города *Мацуяму* и *Токусиму*, *Kiusei-Kokuru* и *Сангу*. Что до деревень, то о нихъ можно сказать немного. Обыкновенно, это рядъ небогатыхъ, маленькихъ домовъ, крытыхъ соломой и тянувшихся по обѣимъ сторонамъ дороги; гдѣ-же мѣстность гориста, тамъ дома разбросаны въ безпорядкѣ. Между ними всегда можно найти два-три, гдѣ продаются чай и кое-какіе съѣстные припасы, гдѣ можно имѣть почлегъ или отдохнуть нѣсколько времени. Поля примыкаютъ непосредственно къ садамъ, и видъ деревень издали напоминаетъ наши южно-русскія селенія. По причинѣ большой людности Японіи нерѣдко бываетъ, что одна деревня непосредственно сливается съ другою, и тогда дорога кажется улицею одного большаго, но бѣднаго города.

Что касается до замковъ феодальныхъ князей, то они обыкновенно стоятъ отдѣльно отъ городовъ и селеній, гдѣ-нибудь на холмѣ или вообще въ мѣстности живописной и сильной природою. Замки обнесены стѣнами, внутри которыхъ, кромѣ собственно жилища князя, есть много построекъ для жительства свиты или гарнизона, магазины, сады и проч. По угламъ ограды возвышаются башни, сложенные, какъ и самыя стѣны, изъ камня на глинѣ и извести. Наружность замковъ, какъ видимъ, напоминаетъ европейскія средне-вѣковыя постройки этого рода; но внутренность скорѣе походитъ на усадьбы старинныхъ русскихъ бояръ, ибо въ жилища и надворныя строенія—деревянные.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Состояніе промышленности.

Японія долгое время жила совершенно отдѣльною экономическою жизнью. Она почти ничего не получала отъ иностранцевъ и очень мало давала имъ. Это, слѣдовательно, страна, которая представляетъ рѣдкій, если не единственный примѣръ того, какъ цѣлый народъ существовалъ своими, только своими средствами, и народъ не дикій, а хорошо образованный и привыкшій къ удобствамъ цивилизаціи. Начиная отъ насущнаго хлѣба и кончая утонченнѣйшими произведеніями ремесла и искусства, японцы все должны были, въ теченіе двухъ вѣковъ, добывать своимъ трудомъ. И какъ есть достовѣрные свидѣтельства, что при этомъ пищенство было почти неизвѣстно въ странѣ, то можно сказать, что она достигала экономическаго равновѣсія, какого тщетно было бы искать въ самыхъ цвѣтущихъ государствахъ Европы, гдѣ то не достаетъ рукъ для разработки естественныхъ богатствъ края, то ощущается недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, которыя приходится доставлять изъ чужихъ краевъ. Принимая притомъ во вниманіе, что, за исключеніемъ Манчана, не оставалось уже въ Японіи земель невоздѣланныхъ, что обработка почвы достигала совершеннѣйшаго развитія въ пріемахъ и что, слѣдовательно, земледѣльская производительность страны доведена была до того предѣла, за которымъ умноженіе населенія почти невозможно, мы должны еще сказать, что японская островная группа представляетъ намъ любопытный примѣръ того отношенія между числомъ квадратныхъ миль земной поверхности и количествомъ населенія, которое для странъ съ тѣмъ-же климатомъ можно признать предѣльнымъ и которое стоило бы съ точностію опредѣлить. Японію въ этомъ смыслѣ нужно предпочесть многимъ европейскимъ государствамъ, напр. Франціи, Бельгіи, Англіи, потому что она избытка своего населенія почти не высылала въ колоніи, а всю массу

раждавшихся кормила и содержала своими средствами, не прибавляя къ нимъ ничего извнѣ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ, да конечно и долго не будетъ, достаточныхъ матеріаловъ, чтобы изобразить экономическое состояніе Японіи именно съ этихъ точекъ зрѣнія. Нетолько мы не можемъ выразить числами производительность страны, какъ то сдѣлано во Франціи, Швейцаріи, Бельгіи, а приблизительно и во многихъ другихъ странахъ; но мы даже не знаемъ точнаго числа жителей японской монархіи. Остается довольствоваться простымъ описаніемъ промысловъ, которые извѣстны японцамъ, и одѣлкой степени совершенства, до которой доведена та или другая промышленность. Такъ мы и сдѣлаемъ.

Какъ во-всѣмъ странѣ съ нормальнымъ экономическимъ развитіемъ, въ Японіи земледѣліе было и есть главнымъ занятіемъ жителей. Не смотря на многочисленность городовъ и ихъ населенія, можно сказать, что неменьше двухъ-третей японцевъ занято обработкою почвы. И почва эта засявается ежегодно вся, сколько ея ни есть, безъ малѣйшаго упущенія (*). Если бы кто и оставилъ свой участокъ необработаннымъ, то его обработаютъ другіе, потому что правительство непременно отберетъ землю, лежащую втунѣ, и отдастъ лицу въ ней нуждающемуся. Изъ такого положенія дѣла ясно видно, что плодоперемѣнная система полеводства есть необходимая и давно извѣстная вещь у японцевъ, и что притомъ почва ихъ обрабатывается самымъ тщательнымъ образомъ.

Трудолобіе японскихъ земледѣльцевъ въ самомъ дѣлѣ можно назвать изумительнымъ. Почти не имѣя рабочаго скота и вовсе не имѣя машинъ, они свои поля обрабатываютъ руками, помощью мотыги, заступа и тяжелыхъ граблей. Почва при этомъ разрыхляется такъ, какъ у насъ на огородныхъ грядкахъ. И какъ недостатокъ луговъ и пастбищъ не позволяетъ имѣть скотскій помѣтъ для удобренія, то для этого послѣдняго служатъ человѣческія изверженія, подобно тому, какъ въ Китаѣ. Японцы тщательно собираютъ ихъ, разводятъ водою и поливаютъ этою жидкостью поля тотчасъ, какъ на нихъ обозначутся всходы. И поливаютъ не зря, а каждый взошедшій ростокъ, какъ только онъ достигъ извѣстнаго возраста. Къ человѣческимъ изверженіямъ прибавляютъ помои и скотскій помѣтъ гдѣ можно его собрать по дорогамъ или въ стойлахъ скота. Конечно, этотъ способъ воздѣлыванія полей очень тягостенъ для земледѣльцевъ: за то какой-же и видъ представляютъ ихъ пивы, когда по-

(*) Видъ страны, гдѣ такъ много дѣсовъ, можетъ на первое время, привести къ противному заключенію. Но взглянувшись, легко замѣтить, что дѣса растутъ исключительно по крутымъ скатамъ и на вершинахъ многочисленныхъ горъ, неудобныхъ для обработки. Это не то, что въ Китаѣ, гдѣ кладбища отнимаютъ много мѣста у земледѣлія, гдѣ есть даже пустыри въ равнинахъ.

сѣянное созрѣло! Ничего подобнаго нельзя найдти въ Европѣ, кромѣ развѣ Ломбардіи. Жатва густа, колосъ или другой плодъ увѣсѣлъ, ни одной сорной травки, ни одной части нивы, представляющей лысину. Японцы тщательно выпалываютъ не только свои огороды, но и поля. Женщины и дѣти бываютъ этимъ заняты цѣлое лѣто до самой уборки. Для устраненія засухъ почти всюду введено искусственное орошеніе помощью ирригаціонныхъ канавъ, нерѣдко проведенныхъ изъ дальнихъ мѣстностей. Эти канавы вырыты не только въ долинахъ, а и по скатамъ горъ (*), при чемъ послѣдніе обращены въ рядъ террасъ, на которыхъ дѣлаются посѣвы. Особенно рисовыя поля, главное земледѣльческое богатство японцевъ, разработаны и орошены самымъ тщательнымъ образомъ. Поля эти имѣютъ видъ огородовъ, съ правильными бороздами; рисъ разсаженъ пучками вдоль бороздъ, такъ чтобы его легко было выпалывать. Почва подъ посѣвъ готовится указаннымъ уже образомъ отъ февраля до начала мая, и если при этомъ весеннія воды мѣшаютъ ручной обработкѣ, то употребляютъ лошадей и воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Это единственный случай, когда японцамъ нуженъ рабочий скотъ. Для всѣхъ другихъ потребностей земледѣлія они имѣютъ слѣшкомъ достаточно дешевыхъ и опытныхъ рукъ безземельнаго класса людей. Рисъ засѣвается густо и, когда взойдетъ, то бываетъ пересаживаемъ и поливается для приведенія поля въ тотъ видъ, о которомъ сейчасъ упомянуто. Разсадивъ на десятину едва занимаетъ нѣсколько квадратныхъ сажень. Жатва производится въ октябрѣ и ноябрѣ: срѣзываютъ пучки и, связавъ ихъ въ небольшіе вѣзани, перевозятъ на вьюкахъ или въ телѣжкахъ во дворъ или въ магазинъ, гдѣ обмолачиваютъ. Молотьба риса очень легка, потому что достаточно посѣвшіе колосы потрепать обѣ стѣну, обѣ жердь или, еще лучше, о большіе гребни, зубьями вверхъ, чтобы зерно высыпалось; работа эта производится женщинами. За то обдирание зеренъ требуетъ времени и труда. Для этого обыкновенно употребляютъ ступы, въ которыхъ толкутъ зерно тяжелыми пестами, иногда ручными, а иногда даже помѣщаемыми на концѣ коромысла, которое приводится въ движеніе человекомъ, стоящимъ на противоположномъ концѣ. По временамъ, если рисъ совершенно зрѣлъ и сухъ, ту-же операцію производятъ топтаніемъ въ ящикахъ или въ корытахъ, при чемъ зерно безпрестанно мѣшаютъ палкою. По

(*) Японская система искусственнаго орошенія, при всемъ ея превосходствѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ однако уступаетъ китайской. Такъ нѣтъ машинъ для поднятія воды на высоту изъ русла рѣкъ, машинъ, которыя повсюду употребляются на китайскихъ измѣнностяхъ. Впрочемъ, онѣ и не нужны, ибо Японія обильно орошается дождями; и остается лишь распредѣлять по полямъ воду, падающую сверху.

отвѣтныя шелухи рисъ сыпается въ соломенные мѣшки или кули, куда по четыре вѣсомъ. Японскій рисъ принадлежитъ къ лучшимъ на всемъ земномъ шарѣ. Онъ бѣлъ, имѣетъ крупное зерно, тяжело-вѣсенъ и очень питателенъ. Годовое его производство можно полагать въ 40 или 45 милліоновъ четвертей, такъ-какъ по официальной вѣдомости доходовъ съ земель поступаетъ всего къ князьямъ и императору около 23 милліоновъ, а извѣстно, что въ княжескихъ провинціяхъ берется $\frac{1}{4}$ урожая, въ императорскихъ половина. На посѣвъ употребляется едва-ли и полмилліона четвертей; на выдѣлку водки и для продажи аинамъ также немного: остальное идетъ на народное продовольствіе вмѣстѣ съ пшеницею, ячменемъ, горохомъ, рѣдкою, рыбою и проч. Производимаго странною рисою не достаетъ для пищи многочисленному населенію Японіи, а потому ежегодно привозится значительное его количество изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ южнаго Китая и Кохинхина. Цѣны завлѣкаютъ конечно отъ урожая; но вообще онѣ возвысились, по крайней мѣрѣ въ Іеддо, со времени водворенія иностранцевъ вдвое и болѣе. Въ 1859 году мѣшокъ зерна въ $3\frac{1}{2}$ пуда стоилъ шастръ (1 р. 35 к.); въ 1870 г. два шастра и даже два и три четверти (3 р. 65 к.).

Пшеницу сѣютъ въ Японіи осенью; жатва ея бываетъ въ маѣ или въ іюнѣ, смотря по погодѣ. Годовое производствѣ должно быть очень значительно, потому что полн, неудобныя для воздѣлыванія риса, засѣваются главнымъ образомъ ею. Молотьба производится почти тѣми-же способами, что у насъ, а размола на ручныхъ жерновахъ, такъ-какъ мельницы очень рѣдки въ Японіи. Мука, приготовляемая изъ пшеничныхъ зеренъ, чрезвычайно нѣжна и употребляется преимущественно на прожки, ибо обыкновенный хлѣбъ замѣняется у японцевъ рисовой кашей.

Ячмень даетъ двѣ жатвы. Первоначально его сѣютъ осенью и первую жатву собираютъ въ маѣ. Затѣмъ немедленно по уборкѣ сѣютъ на тѣхъ-же поляхъ во второй разъ, но вмѣстѣ съ бобами, такъ что подъ ячмень попадаетъ свѣжая почва, а подъ бобы уже нѣсколько истощенная и неспособная дать обильнаго урожая злака. Для пшеницы въ окрестностяхъ Іеддо можно принять за хорошій урожай около самъ 30-ти, для ячменя въ обѣ жатвы самъ 35, а рисъ даетъ самъ 70 и самъ 100. Только невозможность засѣвать его на мѣстахъ высокихъ и слабо орошаемыхъ объясняетъ нахожденіе другихъ хлѣбныхъ злаковъ въ Японіи.

Нельзя и приблизительно оцѣнить другихъ продуктовъ японскаго земледѣлія ни по объему ихъ, ни даже по разнообразію обрабатываемыхъ породъ. Мы неспасли главныя культурныя растенія въ главѣ естественныхъ произведеній края; прибавимъ, что ихъ обработка также тщательна, какъ и рисовыхъ полей. Для удобренія почвы постоянно служатъ человѣческія и скотскія изверженія, а на нѣко-

торыя плапацин привозятъ даже, съ Мадмаи и другихъ острововъ, протухлую рыбу и рыбы остатки, какъ въ Европѣ гуано. Собираемые продукты хранятся по большей части въ верхнихъ этажахъ домовъ или-же въ муравленныхъ амбарахъ, устроенныхъ особо отъ жилыхъ зданій. Если хлѣбъ не обмолоченъ съ осени, то онъ хранится въ небольшихъ скирдахъ около самыхъ домовъ поселенъ.

Рисъ, главное земледѣльческое произведеніе Японіи, доставляетъ ея народу, кромѣ зерна, еще солому, изъ которой готовятся многія издѣлія, частью самими поселянами, частью городскими рабочими. Таковыя напр. циновки, постилаемые на полъ (*), мелкія корзинки, мѣшки для хлѣба и сандалии для людей и скота. Главный напитокъ японцевъ, саки, готовится также изъ рису. Это есть нѣчто похожее на пиво, невольнѣ выбродившее и запахомъ напоминающее знаменитую китайскую майгаду, которая впрочемъ безъ сравненія крѣпче. Напитокъ цвѣтомъ похожъ на бѣлое пиво и отъ времени отстаетъ и становится прозрачнымъ; но свѣжій мутноватъ. Его употребляютъ и холоднымъ, и подогрѣтымъ.

Рѣдька, которая у насъ не пользуется особою популярностью, въ Японіи составляетъ очень обыкновенный продуктъ, и не огородничества, а полеводства. Ею бывають засѣяны цѣлыя нивы. Свѣдобенъ корень ея бываетъ очень длиненъ, иногда въ аршинъ, въ полтора, и вкусомъ не горекъ, а подходитъ къ рѣпѣ. Японцы любятъ соленую и сушеную ломтиками рѣдьку, которую употребляютъ вмѣсто соли при ѣдѣ супа или похлебокъ. Свѣжая она идетъ въ составъ похлебокъ, какъ наша капуста. Изъ сѣмянъ выжимается масло.

Бобы, сверхъ употребленія въ пищу въ цѣломъ видѣ, вареными и т. п., служатъ для приготовленія извѣстной подливки—соп, для чего ихъ поджаривають, растирають, обращаютъ въ болтушку, квасятъ долгое время и проч. Горохъ отваривается какъ рисъ, а иногда его поджаривають въ маслѣ.

Японцы ѣдятъ много табаку, который во всеобщемъ употребленіи. Подобно тому, какъ въ Китаѣ, онъ введенъ въ употребленіе европейцами въ XVI вѣкѣ и теперь сдѣлался насущной потребностью всего народа. Курятъ большіе и маленькіе, мужщины и женщины. Лучшій табакъ родится на югѣ страны, въ Сацумѣ и вообще на островѣ Кіусіу; очень хорошій въ среднихъ частяхъ провинціи Муцу, худшій-же въ окрестностяхъ Сангарскаго пролива и на Мадмаѣ. Хорошіе сорта табаку свѣтло-желтоватаго цвѣта, худшіе

(*) Лучшія циновки готовятся изъ бамбука; иногда низъ циновки рисовый, а верхъ или лицевая сторона бамбуковая: такіа циновки, толщиною въ полвершка, составляютъ лучшую постылку на полъ.

темнобураго. Японцы крошатъ табачные листья такъ мелко, что европейскіе и даже турецкіе фабрикапы должны уступить имъ въ этомъ искусствѣ, и такая крошка необходима, потому что для куренія служитъ ганза, т. е. металлическая трубка, емкостью меньше наперстка, которую набивать крупнымъ табакомъ было бы неудобно. Сигаръ не готовятъ, но въ послѣднее время тѣ изъ японцевъ, которые сблизились съ европейцами, курятъ сигары и папирсы привозныя. Нюхаютъ табакъ немногіе, одни старики, у которыхъ ослабло зрѣніе отъ письменныхъ занятій. Японскаго табаку вывозятъ мало въ Европу; но онъ заслуживаетъ извѣстности, и нѣкоторые предпріимчивые американскіе купцы въ Нагасаки уже начали тамъ его фабрикацію въ большемъ объемѣ. Головинъ замѣтилъ, что по рассказамъ японцевъ, для улучшенія качества табаку, его при брошкѣ смачивають рисовой водкой, а потомъ въ картузы кладутъ подожженные листья рѣдечной ботвы, которые мѣшаютъ ему высыхать. Трудно сказать, повсемѣстно-ли такое приготовленіе.

Чай составляетъ одно изъ главныхъ произведеній японской культуры и ежедневную потребность ея обитателей. Чайное дерево разводится вездѣ по межамъ полей и по скатамъ горъ, обращеннымъ къ югу, до широты 36 или 37 градусовъ. Оно достигаетъ своего полного роста, т. е. двухъ-трехъ аршинъ, въ шесть лѣтъ и даетъ тѣмъ болѣе листьевъ, чѣмъ позднѣе ихъ начнутъ собирать. Обыкновенно сборъ дѣлается три раза въ годъ: въ мартѣ, когда срываютъ молодые листки, дающіе напитокъ высшаго качества, потомъ въ маѣ и іюнѣ, когда сборы бывають хуже, хотя и обильнѣе. Срываніе листьевъ требуетъ навыка, и самый искусный рабочій не можетъ собрать въ день болѣе 12 фунтовъ. Особыхъ чайныхъ плантацій, подобныхъ китайскимъ, въ Японіи нѣтъ, а деревца растутъ разбросанно по межамъ и особливо у окраинъ засѣянныхъ террасъ, по откосамъ горъ: это дѣлаетъ уходъ за ними менѣе тщательнымъ, а сборъ листьевъ болѣе хлопотливымъ, чѣмъ въ Китаѣ. Но способъ дальнѣйшей обработки совершенно тотъ-же самый, что и въ Небесной имперіи. Листья подпекають на огнѣ, хотя не въ котлахъ, а въ плоскихъ жаровняхъ, при чемъ ихъ свертываютъ, перетирая руками; потомъ они сушатся на циновкахъ, и иногда эта операція повторяется нѣсколько разъ, смотря по погодѣ и сочности собраннаго листа. Японскій чай сдѣлался важною статью вывозной иностранной торговли, и въ Санъ-Франциско, а также въ Нью-Йоркѣ есть цѣлыя магазины, которые торгуютъ исключительно этимъ продуктомъ, предпочитаемымъ китайскому за его дешевизну и за рѣзкій, припно-вяжущій вкусъ, который нравится воспитаннымъ на инбирѣ и перцѣ американцамъ. Цифра вывоза достигаетъ 180 — 190,000 пудовъ въ годъ, и цѣна измѣняется отъ 18 до 35 копѣекъ сер. за фунтъ.

Японцы употребляют такое большое количество разнаго рода бумаги, что нетрудно понять обширное развитіе выдѣлки ея во всѣхъ частяхъ ихъ страны. Въ самомъ дѣлѣ, бумага идетъ не только для письма, для печатанія книгъ, для обертки вещей, но еще на ширмы, обои, носовые платки, даже на нѣкоторые предметы одежды и на окна вмѣсто стекла. Выдѣлывается она не изъ тропья, какъ у насъ, а изъ коры нѣкоторыхъ деревьевъ. Главное изъ нихъ есть *Brussonetia papyrifera*, которая растетъ повсюду въ Японіи: два другія суть породы *Hibiscus* и *Buddlea*. Тунбергъ далъ подробное описаніе бумажнаго производства, которое въ существѣ много сходствуешь съ нашимъ. Разница состоитъ въ приготовленіи первоначальнаго матеріала, коры, и въ проклейкѣ массы не крахмаломъ, а рисовою водою. Кору съ молодыхъ сучьевъ бруссонетіи сдирають въ декабрѣ и притомъ не на деревѣ, а срубивъ предварительно пѣтви и вываривъ ихъ въ горячей водѣ. Потомъ ее распределяють по сортамъ, при чемъ наиболѣе тонкая идетъ на приготовленіе лучшей бумаги. Сортированная кора кладется въ чаши и снова варится для обдѣлки, при чемъ ее безпрестанно помѣшивають. Близка и плотность бумаги зависятъ отъ времени этой выварки и составляютъ два условія, взаимно противоположныя, такъ что если кора станетъ слишкомъ бѣла, то она дастъ бумагу неплотную, и обратно. Когда кора разварилась достаточно, ее выбрасываютъ на большіе столы и здѣсь скалками и лопатами приводятъ въ состояніе однороднаго тѣста. Потомъ, разведя рисовою водою, поступаютъ почти какъ у насъ, т. е. выливаютъ на поверхность движущейся сѣтки, только не изъ мѣдной проволоки, а изъ бамбука, выжимають, гладятъ, сушатъ и пр. Бумага японская вообще хуже нашей, менѣе ея плотна, легко шаршавится, негодится для чернилъ и для подскобокъ. О такихъ сортахъ, какъ Ватмана или почтовая бумага Морена, Ватгунна, въ Японіи нечего и думать, такъ-какъ эти сорта и въ Европѣ производятся немногими фабриками. Японцы вынуждены, благодаря своей бумагѣ, печатать книги по китайскому способу, въ каждомъ листѣ на одной сторонѣ, оставляя противоположную чistou (*). За то при равной толщинѣ съ европейскою ихъ бумага долѣе противится разрыву и меньше ломается, почему можно изъ нея готовить прочные вѣера, зонтики и т. п. Для рисованія употребляется въ Японіи бумага наиболѣе глинистая, на которой

(*) Былъ ли производить впрочемъ и обыкновенную типографскую бумагу, на которой печатають книги европейскимъ способомъ. Японскія типографіи съ наборомъ англо-французскихъ буквъ есть въ Іеддо, Осака и Нагасаки, и ими стпечатаны напр. учебники европейскихъ языковъ, словари, японскіе уставы, даже руководства физики, химіи и медицины. Типографскіе станки японцевъ однако оставляють еще многого желать.

краски ложатся весьма хорошо. Главная-же масса бумаги подвергается набиванію красками и затѣмъ идетъ на обклейку стѣнъ и ширмъ или перегородокъ, которыя каждая хозяйка дома старается держать въ возможной опрятности и которыя однако скоро темнѣють отъ чада, распространяемаго очагами. Высшіе сорты японскихъ бумажныхъ обоевъ блестятъ позолотой и красками, представляли почти всегда непростое однообразный узоръ, а картину или хоть изображеніе какого-нибудь предмета. Въ бумагу завертываютъ японцы всѣ ткани, пересылаемыя вещи и пр., какъ и мы, но всегда съ нѣкоторымъ кокетствомъ, пришивляя напр. бантики изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ-же лентъ. Особенно плотная и проволочная бумага употребляется у нихъ на зонтики, на плащи отъ дождя и на верхнюю одежду стариковъ, для которыхъ она и служитъ отличіемъ, такъ-какъ молодому человѣку считается неприличнымъ надѣть плащъ изъ бумаги. Картоны готовится изъ древесной-же коры, а равно изъ рисовой и шеничной соломы.

Для освѣщенія въ Японіи, сверхъ растительныхъ маселъ и рыбьяго жира, дающихъ немало копоти, употребляются свѣчи изъ растительнаго воска. Матеріалъ этотъ нѣсколько походитъ на стеаринъ, но не даетъ при отливкѣ блестящей поверхности, а матовую, точно будто свѣча была отштукатурена известью. Японскія свѣчи — коническія, т. е. къ низу тоньше, а къ верху толще, длиною въ четверть аршина, а толщиною при верхнемъ концѣ какъ наши четвериковыя. Свѣтильня дѣлается не изъ шпурка, а изъ цилиндрической бумажной трубочки, сквозъ которую воздухъ проходитъ по всей длинѣ. Свѣчи обыкновенно не вставляютъ, а насаживаютъ на подсвѣчникъ, который для этого имѣетъ гвоздеобразное остріе. Производство свѣчей довольно обширно; но ихъ употребляютъ въ домахъ только люди зажиточные, бѣдные-же ограничиваются вставленіемъ въ фонари, при свѣтѣ которыхъ совершаютъ кратковременные переходы по улицамъ ночью. Нынѣ японцы стали употреблять керасиновыя лампы, привозимыя изъ-за границы, и керасинъ, вырабатываемый уже ими самими изъ нефтяныхъ источниковъ близъ Негаты. Стеариновыя свѣчи также охотно покупаются людьми зажиточными, но туземнаго производства ихъ нѣтъ, по недостатку сала. По той-же причинѣ и мыло мало распространено въ Японіи, хотя японцы отличаются опрятностію, посѣщая для этого почти ежедневно баню.

Матеріалами для одежды и тканей вообще служатъ въ Японіи только хлопчатая бумага и шелкъ, такъ какъ шерсти страна советѣмъ не имѣетъ. Количество хлопчатой бумаги, доставляемое ежегодно Япономъ, Кіусіу и Сикоккомъ, трудно оцѣнить; но оно должно быть немало, потому что весь народъ одѣвается въ бумажныя ткани, и одежда эта дѣлается широкаго покрои. Предположивъ, что

среднимъ числомъ японецъ носить три халата, изъ которыхъ на каждый идетъ до 10 кв. аршинъ ткани, получимъ, что на одни халаты (точнѣе, съ верхними манжетами и юбками у тѣхъ, кто ихъ носитъ) идетъ около тысячи миллионъ квадратныхъ аршинъ ежегодно. А сюда нужно еще присовокупить подкладочныя ткани, вату для зимней одежды, для постелей и проч., такъ что общая производительность хлопчатой бумаги должна быть очень значительна. И она все-таки недостаточна для страны, потому что ежегодно привозится на шесть-семь миллионъ рублей европейскихъ матерій и сыраго хлопка. Наибольше извѣстныя туземныя ткани, которыя можно назвать холстинками и набивными миткалями темныхъ цвѣтовъ, суть сацумскія. Князь этой провинціи, человекъ образованный, пылъ основать даже машинную фабрику на 2,000 веретенъ, близъ Осаки, въ Сакаи. Фабрика эта есть первая въ своемъ родѣ въ Японіи, обрабатываетъ около 160 фунтовъ хлопка ежедневно и вѣроятно послужитъ примѣромъ для подражанія, такъ какъ теперь ручнымъ японскимъ тканямъ трудно уже бороться съ машинными англійскими. Шелкъ весьма изобилуетъ на Ниппонѣ. Европейцы, со словъ японскихъ торговцевъ въ Йокогамѣ, оценяють общую производительность страны въ 260,000 пудовъ, что равно количеству шелка, производимаго Италіей и Испаніей вмѣстѣ. Быть можетъ, оно и больше, какъ потому, что японскіе купцы имѣютъ расчетъ скрывать истину, такъ и потому, что земледѣльцы со времени открытія портовъ иностранцамъ значительно увеличили размѣры шелковичныхъ плантацій на счетъ полей и садовъ. Въ 1864 году, когда вывозъ яичекъ шелковичныхъ червей былъ впервые разрѣшенъ тайкуномъ, количество ихъ, доставленное на рынки въ Йокогаму и Нагасаки, было такъ велико, что въ два съ половиною раза превзошло самые смѣлые расчеты европейцевъ, которые однако ожидали ста тысячъ картоновъ. Но и этотъ подвозъ былъ ничто въ сравненіи съ массой, которая покупается ежегодно теперь и доходитъ до полутора миллионъ картоновъ. Нужно замѣтить, что не смотря на давность обработки шелка, японцы до послѣдняго времени успѣвали сохранить породу шелковичныхъ червей отъ болѣзней, и лишь весьма недавно появился на нихъ какой-то паразитъ. Отъ того яички этихъ червей составляютъ столь отыскиваемый европейскими купцами предметъ. Лѣтомъ 1868 года, едва наступило время открытія порта Ниегаты, какъ итальянскіе и швейцарскіе торговцы спѣшили направиться въ этотъ городъ, чтобы тамъ покупать не что-либо другое, а именно эти яички. И теперь каждое лѣто почтовые пароходы привозятъ десятки пудовъ яичекъ, какъ называются технически перекатели шелковичныхъ яичекъ, изъ Франціи, Швейцаріи и Италиі (*).

(*) Вслѣдствіе дороговизны картоновъ въ 1869 году, graineur'ы

Шелкъ японскій по качествамъ не уступаетъ лучшимъ сортамъ итальянскаго и испанскаго, и европейцы его вывозятъ ежегодно, вмѣстѣ съ яичками, на сумму отъ десяти до пятнадцати миллионъ рублей. Только цѣны въ послѣдніе годы стали очень высоки и составляютъ отъ 250 до 320 рублей за пудъ шелку и отъ 2 1/2 до 4 рублей за картонъ (*).

Шелковыя матеріи выдѣлываются всѣхъ возможныхъ видовъ, но предпочитаютъ прочимъ атласъ, крепы и тѣ сорта, которые затканы золотомъ. Эти послѣдніе составляютъ особенность и гордость Японіи. Крепы и легкія ткани, занимающія средину между тафтой и гротенаплетемъ, производятся въ изобиліи и притомъ такой изѣжности, что японская дама имѣетъ возможность надѣть на себя нѣсколько десятковъ платьевъ, не обременивъ стана и не стѣснивъ движеній. Замѣчательно, что тканье богатыхъ шелковыхъ матерій составляло при сіогунахъ работу, на которую осуждались въ наказаніе провинившіеся знатныя лица. Ихъ ссылали для этого на о. Фацизіу, и тамъ, въ этой скалистой пустынѣ, они занимались ремесломъ, приносившимъ императору, который продавалъ выдѣлываемый товаръ дорогою цѣною, хорошій доходъ, ибо фацизійскія издѣлія весьма уважались. Значительная часть шелковой одежды вышивается шелками и золотомъ. О богатствѣ этого рода нарядовъ трудно судить, не выдавши ихъ. Они часто отличаются и изяществомъ рисунковъ, хотя, вообще говоря, послѣдніе нѣсколько странны, изображая напр. птицъ, драконовъ и проч. Главныя фабрики шелковыхъ матерій находятся въ Кіото, а рынки въ Іеддо и Осакѣ.

Лакированная японская посуда, деревянная, а иногда металлическая, издавна признана превосходною всѣми иностранцами и въ самой странѣ служитъ предметомъ тщеславія, такъ что богатъ, дѣлая угощеніе, болѣе всего старается удивить собравшихся своими лаковыми вещами. Вопросъ гостей: сколько вамъ стоили эти богатства? есть верхъ удовольствія для хозяина. И въ самомъ дѣлѣ, въ Европѣ еще не достигли такого совершенства въ приготовленіи лакированныхъ вещей, какъ въ Японіи. Причиною тому качество матеріала, изъ котораго вываривается лакъ, и способъ покрыванія

рѣшились направиться частію въ наши туркестанскія владѣнія, гдѣ надѣются найти здоровый продуктъ дешево, такъ-какъ "русскіе купцы, по невѣжеству, не знаютъ ему цѣны". Это напечатано въ одной изъ йокогамскихъ газетъ вмѣстѣ съ угрозою японцамъ, что у нихъ перестанутъ покупать, если они будутъ дорожить яичками, что у нихъ въ немногихъ словахъ тутъ соединены и промышленная продѣлка, и политическая выходка, какія мало извѣстны у насъ, но очень обычны у "цивилизаторовъ" на Востокѣ.

(*) Въ Миланѣ картоны продавались въ 1869 г. по 7 1/2 рублей, что даетъ понятіе о барышахъ graineur'овъ.

имъ издѣлій. Для послѣдней дѣли краску, обыкновенно черную или красную, разведенную лакомъ, тщательно растираютъ на мѣдной палитрѣ и, когда она готова, покрываютъ ею готовые вещи посредствомъ кисти, а потомъ даютъ высохнуть. Когда первый слой засохъ, накладываютъ второй, и т. д., до тѣхъ поръ, пока вся вещь не покроется довольно толстою корою, по возможности однородною. Тогда, высушивъ ее окончательно, начинаютъ полировать на станкѣ или даже въ рукахъ бамбуковою тростинкою и полировальнымъ камнемъ. Получается поверхность совершенно гладкая и блестящая почти какъ эмаль. Если издѣліе хотятъ сдѣлать съ инкрустаціями, то работа усложняется вставкою послѣднихъ, по рисункамъ, заранее составленнымъ и которые работникъ имѣетъ передъ собою вмѣстѣ со вставляемыми мелочами. Жемчугъ есть обычный матеріалъ для инкрустацій, и когда онъ разъ пристаѣтъ къ вещи, то держится очень прочно, что и составляетъ главное преимущество японскихъ издѣлій этого рода предъ европейскими. Другое вещество для инкрустацій есть порошокъ сусальнаго золота: имъ осыпаютъ преимущественно внутреннюю сторону издѣлій. Какъ прочна японская лакировка, видно изъ того, что ее употребляютъ не только при деревянныхъ и металлическихъ издѣліяхъ, но даже и при соломенныхъ или тростниковыхъ, которыя, будучи скрѣплены лакомъ, получаютъ твердость и непроницаемость *parier maché*, сохраняя въ то-же время легкость свою. Множество чашекъ для питья,—а японцы всегда пьютъ что вибудъ горячее,—приготавливается этимъ способомъ изъ соломы и бамбука и служатъ по-долгу, если только не поломаются отъ грубаго обращенія. Плоскія японскія шляпы, чрезвычайно удобныя отъ дождя (но не отъ вѣтра), также приготавливаются изъ тростника и соломы и покрываются лакомъ, при чемъ обыкновенно лакируютъ только наружную сторону, а для внутренней ограничиваются шелковою подкладкою.

Японскія лаковые издѣлія не состоятъ изъ однихъ мелочей, каковы напр. чашки, блюда, дамскіе носесесеры, письменные приборы и проч. Нѣтъ, у богатыхъ людей лакомъ покрываютъ все: коммоды, шкафы, сундуки, ширмы, притолки у дверей, самыя двери, даже карнизы у крышъ. Отъ того японская комната смотритъ такъ парадно, такъ привѣтливо-чисто. Мебель, т. е. столовъ, дивановъ и стульевъ, какъ извѣстно, нѣтъ у японцевъ; но убранство ихъ жилищъ, благодаря врожденной опрятности, обоямъ, красивымъ циночкамъ, бронзовымъ очагамъ и лаку, производитъ самое пріятное впечатлѣніе даже на людей, присмотрѣвшихся къ роскоши европейскихъ салонныхъ мебели. Лучшія лакированные издѣлія приготавливаются жителями областей Сагами и Муэси, а также въ Осакѣ, Кіото и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ наше время онѣ не составляютъ важной статьи вывоза за границу, потому что перестали имѣть характеръ рѣдкостей, а

сами посещѣ мало пригодны для европейскаго быта; однако всякій путешественникъ, посѣщающій Японию, непременно увозитъ изъ нея нѣсколько бездѣлокъ въ своихъ чемоданахъ. Въ прежнее время голландцы вели этими бездѣлками выгодную торговлю.

Фарфоръ японскій долгое время славился своею доброкачественностью, т. е. бѣлизной, легкостью и прозрачностью при достаточной прочности. Но эти качества имъ утрачены, и въ наше время японцы приготавливаютъ почти исключительно лишь такія издѣлія, которыя годны для домашняго обихода, но не для гостинной или парадной столовой. По крайней мѣрѣ это можно сказать про массу продажнаго фарфора. Происходить-ли это отъ того, что нѣтъ болѣе прежней превосходной по бѣлизнѣ и бѣжности глины, или отъ того, что утрачено искусство приготовленія глазури и массы, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ даже лучшія японскія фарфоровыя издѣлія имѣютъ еще одинъ недостатокъ—мутость и нѣкоторое однообразіе красокъ, которыхъ обыкновенно четыре: черная, буро-красная, синія и отчасти зеленая. Позолота то-же не изъ лучшихъ, и вообще самыя перпостепенныя издѣлія японскихъ фарфоровыхъ заводовъ, какія только можно пайти въ Нагасаки, центръ торговли ими, далеко уступаютъ китайскимъ, продаваемымъ въ Гонгъ-Конгъ и Кантонъ, хотя и въ Небесной имперіи нѣтъ фарфоровое производство въ упадкѣ. Вывоза японскаго фарфора за границу нѣтъ почти совсѣмъ нѣтъ, хотя въ первое время по открытіи портовъ и были покупатели, особенно изъ числа богатыхъ любителей. На всемъ Востокѣ называютъ напр. одного важнаго дипломатическаго чиновника, который покупкою японскаго фарфора, лаковыхъ издѣлій и мелочей изъ стеновой кости, при дарованіи ихъ вывозъ и пересылка въ Европу, успѣлъ составить состояніе въ 120,000 рублей..... Главная масса японскаго фарфора производится въ областяхъ Хиэсэи и Кікусэи, на Кіусіу.

Японцы искусныя литейщики и чеканщики. Бронзовыя ихъ издѣлія нерѣдко заставляютъ себя удивляться по однородности металла и тщательности отдѣлки. Не только такія мелкія вещи, какъ напр. поделънички, лампы, чайники, вазы и проч. выходятъ очень красивы и прочны; но и пушки большихъ калибровъ отличаются тѣми-же качествами. Причиною этихъ совершенствъ, кромѣ искусства мастеровъ, служитъ превосходное качество мѣди. Извѣстно, что голландцы, въ децимскія времена, больше всего вывозили изъ Японіи мѣдь въ необдѣланномъ видѣ. Свою славу она сохранила и донынѣ, хотя теперь ее почти не вывозятъ. Лучшіе мѣднотопивальные заводы находятся въ Осакѣ, а приготовленіе вазъ и другихъ чеканныхъ издѣлій производится въ Кіото и многихъ второстепенныхъ промышленныхъ центрахъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ превосходны, что не уступаютъ нашимъ ювелирнымъ работамъ по изяществу рисунковъ и чистотѣ исполненія; но онѣ очень дороги.

Холодное оружіе японцевъ и матеріалъ, изъ котораго оно готовится, сталь, не имѣютъ себѣ подобныхъ. Великолѣпные клинки кинжаловъ и шашекъ такъ хороши, что перерубаютъ многія европейскія желѣзныя издѣлія безъ малѣйшаго поврежденія лезвья. Ихъ можно оттачивать какъ бритвы, не боясь потомъ вызубрить. Выдѣлка желѣза на древесномъ углѣ, въ малыхъ количествахъ и изъ хорошей руды, а также умѣнье закалывать издѣлія служатъ причиною этихъ достоинствъ. Но большихъ стальныхъ предметовъ, напр. валовъ, колесъ, пушекъ японцы еще не умѣютъ готовить изъ стали по недавности ихъ ознакомленія съ европейскими производствами, а также и потому, что матеріалъ для стали, желѣзо, готовится въ небольшихъ массахъ. Механическіе заводы только-что возникли—въ Іокоскѣ, Хіого, Нагасаки, Кагозимѣ,—а потому должно подождать, пока обозначатся достоинства ихъ стальныхъ и желѣзныхъ произведеній. До сихъ поръ, съ 1859 года, японцы свое ручное огнестрѣльное оружіе все покупали въ Европѣ, и только починку его производили въ Іеддо и Кагозимѣ; но надобно ожидать, что оружейныя заводы не замедлятъ возникнуть, такъ-какъ въ искусныхъ рабочихъ для нихъ недостатка не будетъ. Японскіе слесари и кузнецы принадлежатъ къ лучшимъ на Востокѣ и очень смѣшлены.

Давно уже японцы сами дѣлаютъ часы, математическіе и хирургическіе инструмента, хотя предпочитаютъ европейскія издѣлія этого рода по причинѣ ихъ дешевизны или большаго совершенства. Орудія слесарныя, столярныя и другія ремесленныя у нихъ не уступаютъ англійскимъ. Рѣзчики и токари ихъ немногимъ лишь ниже китайскихъ, а въ дѣлѣ инкрустацій на слоновой кости и деревѣ даже выше. Поэтому нѣтъ такого иностранца, который бы не искусялся въ Іокогамѣ или Нагасаки кушить какое-нибудь издѣліе этого рода. Золотыхъ дѣлъ мастера въ Іеддо, Кіото и Осакѣ дѣлаютъ чудеса въ своемъ родѣ. Какая-нибудь булавка, для прикалыванья дамскихъ волосъ, представляетъ на концѣ, вмѣсто головки, золотую клѣтку линіи въ три дюйма и въ ней соотвѣтственнаго размѣра птичку, все въ мельчайшихъ подробностяхъ и съ необыкновенною чистотою отдѣлки. Но число ювелировъ очень невелико, потому что въ японцы, ни даже японки не носятъ колецъ, серегъ и прочаго, что дониндѣ сближаетъ европейцевъ съ гольдами и мангунами. Столяры японскіе неменѣе искусны въ приготовленіи разной мебели: туалетовъ, коммодовъ, письменныхъ пестесеровъ и проч., которые все отличаются легкостью и изяществомъ. Вообще Японія имѣетъ все роды ремесленниковъ и притомъ весьма многочисленныхъ и смѣшленныхъ: только портные японскіе, привыкшіе шить одни халаты и кацавейки, должны еще многому поучиться. Сапожниковъ такъ и совсѣмъ почти нѣтъ.

Численныя здѣсь отрасли промышленности суть главныя въ Японіи по обширности и цѣнности производствъ или по превосход-

ству издѣлій. Но кромѣ ихъ въ странѣ утвердилось множество другихъ промысловъ, доставляющихъ заработки населенію. Плотники, кузнецы, каменщики и проч. находятся въ изобиліи, и этою-то ихъ многочисленностью объясняется напр. возможность быстро воздвигать новыя зданія послѣ пожаровъ, столь частыхъ въ странѣ (*). Плата за трудъ ремесленникамъ, естественно не можетъ быть высока при большой конкуренціи, и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что напр. плотникъ въ Іеддо зарабатываетъ въ день неболѣе 30—32 коп. на наши деньги, а простой рабочій 12 копѣекъ и пищу или 20—22 коп. безъ продовольствія. Только при такой дешевизнѣ рабочей силы возможна и та дешевизна многихъ продуктовъ, которая удивляетъ иностранцевъ, особенно американцевъ и жителей многихъ столицъ Европы. Европейцы въ Іокогамѣ обставлены многочисленною дворнею именно потому, что наемъ ея почти ничего не стоитъ. Десять, двѣнадцать дѣлковыхъ въ годъ, помѣщеніе и ѣда—вотъ все требованія какого-нибудь конюха или дворника отъ иностранца, состоятельности или даже богатства котораго ему хорошо извѣстны. Хорошій слуга въ гостиницѣ, который долженъ всегда быть опрятно одѣтымъ и имѣетъ занятія съ ранняго утра до поздней ночи, получаетъ какихъ-нибудь 6 рублей въ мѣсяцъ; а между тѣмъ по другую сторону океана, въ Панамѣ, простому землекопу платятъ ровно столько-же въ день, и даже въ Калифорніи китайскій кули зарабатываетъ отъ 2 до 2½ рублей ежедневно.... Одно можно сказать про японскихъ поденщиковъ и другаго рода рабочихъ людей: будучи отъ природы не столь сильны, какъ европейцы, они часто прибѣгаютъ къ отдыху, и это въ первое время выводило изъ терпѣнія иностранныхъ купцовъ, прикащиковъ и судовладельцевъ.

Сосѣдство моря создало въ Японіи многочисленный классъ матросовъ и рыбаковъ. Промыселъ послѣднихъ чрезвычайно обширенъ; во при многочисленности лицъ, имъ занимающихся, мало доходитъ, такъ что рыбаки едва-ли не самые бѣдные люди въ странѣ. Къ счастью еще для нихъ японская администрація не научилась настолько отдѣлать свои выгоды отъ выгодъ народа, чтобы такую статью, какъ рыболовство, отдать на откупъ для обогащенія расходуемой чиновниками казны и нѣсколькихъ ачичныхъ купцовъ. Матросы японскіе въ своемъ дѣлѣ весьма искусны. При работахъ, не только на своихъ джонкахъ, но и на пароходахъ, они оказываютъ смѣшленіе и расторопнѣе негровъ, китайцевъ и даже малайцевъ, этихъ записныхъ мореходовъ. Японскій флотъ европей-

(*) Въ февралѣ 1870 г. пожаръ петрелилъ въ Іеддо свыше 3000 домовъ. Черезъ пять дней на мѣстѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ возникли уже лавки, гдѣ шла торговля; черезъ 2 мѣсяца главныя улицы были снова обстроены.

ской постройки, не имѣетъ чужеземныхъ матросовъ, кочегаровъ и даже машинистовъ и лоцмановъ. Послѣдніе весьма довольны и европейскіе судохозяева, которымъ часто приходится употреблять ихъ въ дѣло. Купеческія джонки, въ свою очередь, не встрѣчаютъ затрудненій въ пополненіи своихъ экипажей, не смотря на то, что число ихъ весьма велико, ибо одиѣ гавани Іеддо, Осаки и Симоносакіи иногда вмѣщаютъ ихъ по нѣскольку сотъ заразъ. Постройка джонокъ (почти безъ употребленія желѣза), а также заготовленіе снастей даютъ пищу многимъ тысячамъ прибрежнаго населенія.

Японская торговля, по крайней мѣрѣ оптовая, вся совершается моремъ. Сухопутныя сообщенія служатъ только для подвоза: а мелкихъ партій товаровъ къ извѣстнымъ промышленнымъ центрамъ, перевозка же ихъ гуртомъ невозможна на сушѣ по недостатку перевозочныхъ средствъ. Малочисленные вьючные быки и лошади или двучолесныя телѣжки, возимыя людьми, немного могутъ перевести большихъ тяжестей въ странѣ, гдѣ однако же торговое движеніе очень обширно. Много мелкихъ вещей приписывается на мѣстные рынки самими производителями на ихъ плечахъ, и конечно нельзя встрѣтить въ Японіи крестьянина, который бы ѣхалъ на базаръ парой лошадей, имѣя на продажу двухъ куръ, какъ то видалъ я въ Россіи и Польшѣ. Географическое положеніе Японіи сдѣлало для нея возможнымъ обходиться при транспортировкѣ товаровъ главнѣйше морскою дорогою, и, разумѣется, пока страна не ведетъ войны съ какою-либо сильною морскою державою, она ничего не теряетъ отъ такой ограниченности средствъ сообщенія. Но за то при первомъ виѣшенемъ столкновенія японская торговля должна уступить мѣсто на своихъ рынкахъ иностраннымъ купцамъ. Только одна взаимная зависть чужеземцевъ, торгующихъ въ Іокагамѣ, Осакѣ и Нагасаки или интригующихъ въ Іеддо, можетъ служить гарантіей для Японіи отъ подобной случайности.

Японскіе джонки, совершая плаваніе, держутся постоянно въ виду береговъ и каждый вечеръ непременно бросаютъ якорь. Перевозка поэтому довольно медленна, и напр. изъ Симоносакіи въ Хіого, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, товары приходятъ черезъ недѣлю, тогда какъ пароходы пробѣгаютъ все Внутреннее море въ 19—20 часовъ. Эта медленность нынѣ отчасти устраниена чрезъ заведеніе японцами европейскаго и даже пароваго флота; но составъ его еще слишкомъ недостаточенъ для всѣхъ нуждъ страны.

Размѣры внутренней торговли въ Японіи совершенно намъ неизвѣстны, ибо японская администрація не публикуетъ никакихъ свѣдѣній о ней, да едва ли и собираетъ ихъ. Въ 1870 году одинъ частный человѣкъ, нѣкто Като Сукейши, напечаталъ памфлетъ относительно японской торговли, переведенный даже на англійскій языкъ: но эта брошюра содержитъ больше общихъ соображеній и

указаній, чѣмъ фактическихъ подробностей. Впрочемъ, относительно мѣстъ производства главнѣйшихъ японскихъ товаровъ сообщены уже нѣкоторыя данныя выше; что же до мѣстъ сбыта, то главными рынками въ странѣ издавна считаются: Осака, Іеддо, Симоносакіи, Нагасаки, Кагозима, Увадзима, Токусима, Сабайе, Табата и проч. Торговля обиховенія и правила японцевъ до послѣдняго времени были мало извѣстны; но теперь европейскимъ купцамъ отчасти удалось проникнуть въ тайны ихъ японскихъ собратій, и вотъ напри- мѣръ любопытныя подробности о характерѣ торговли въ Осакѣ.

Главное мѣсто въ осакскомъ коммерческомъ мірѣ принадлежитъ такъ-называемымъ *тойя*, т. е. ассоціаціямъ купцовъ, торгующихъ однимъ и тѣмъ же товаромъ. Это нѣчто въ родѣ европейскихъ средневѣковыхъ гильдій или китайскихъ хонг'овъ. Члены тойи связаны обоюдными условіями относительно цѣпъ и другихъ обязательствъ торга и не могутъ ихъ нарушить безъ вреда для себя, такъ-какъ прочіе купцы откажутся послѣ того имѣть какія-либо дѣла съ отщепенцомъ. Изъ членовъ тойи выбирается одинъ, *дзюдзи*, какъ бы старшина или голова, который ведетъ сношенія отъ имени ассоціаціи, при содѣйствіи выборнаго же помощника, *содзи*, а иногда и особаго секретаря, *чоодзукэ*. Каждая ассоціація имѣетъ сходки для обсужденія дѣлъ. Прежде эти сходки дѣлались особо каждою тойею; но съ 1869 года правительство устроило одно общее зданіе для всѣхъ, нѣчто въ родѣ биржи, и запретило отдѣльныя сходбища, имѣвшія все значеніе коммерческихъ заговоровъ противъ народныхъ массъ. Тойи совершенно монополизируютъ торговлю, убиваявъ самомъ зародышѣ всякую конкуренцію частныхъ промышленниковъ. Инородному купцу, привезшему товаръ на рынокъ, не остается ничего болѣе, какъ продать его одной изъ этихъ оптовыхъ компаній или, если въ данное время цѣны ему кажутся невыгодными, сложить товаръ въ магазины ассоціаціи, взявъ часть платы за него впередъ, а относительно продажи условиться о коммиссіонномъ процентѣ и минимумѣ цѣны, за которую товаръ можетъ быть при случаѣ уступленъ. Тойи продаютъ оптомъ либо съ вольной руки, либо публично, на особыхъ аукціонахъ, какъ то дѣлается напр. въ Голландіи. Большая часть купцовъ въ Японіи суть небольшіе, какъ коммиссіонеры, поставщики и повѣренные осакскихъ тойи, и горе тому изъ нихъ, кто измѣнитъ своей компаніи-покровительницѣ. Каждая тойя обыкновенно занимается торговлею только однимъ товаромъ, напри- мѣръ рисомъ, гвоздями и т. п. Въ Осакѣ такихъ ассоціацій есть нѣсколько десятковъ, и вотъ напр. каковъ ихъ составъ:

Тойи для торговли лакомъ имѣетъ всего	5 членовъ.
табакомъ	6
мѣстною рѣчною рыбою	5
китайскими шелковыми товарами	2

Это, следовательно, монополия въ самомъ строгомъ смыслѣ: но есть той и съ гораздо большимъ числомъ членовъ; напр.:

Въ торговлѣ смолоу участвуютъ	50 домовъ
„ зерновымъ хлѣбомъ	160 „
„ соей	161 „

Иногда нѣсколько ассоціацій торгуютъ однимъ и тѣмъ же предметомъ; но тогда онѣ распредѣляютъ всю Японию по участкамъ, и каждая имѣетъ свой, за предѣлы котораго не выходитъ. Напримѣръ для продажи сахара есть въ Осакѣ пять компаній, изъ которыхъ одна вывозитъ его въ западныя провинціи, другая въ сѣверныя, и т. д. Иныя той имѣютъ въ своихъ рукахъ специально покупку и продажу произведеній извѣстной мѣстности; такъ двѣ изъ нихъ занимаются торговлею сацумскими тканями.

Тойи, т. е. товарищества оптовыхъ торговцевъ, были весьма покровительствуемы сіюгунами, которые съ одной стороны выручали большія суммы за предоставленіе права монополіи, а съ другой были очень довольны, что послушное орудіе ихъ, купцы, составляютъ сильную конкуренцію малопокорнымъ князьямъ, которые также занимаются торговлею, продавая оптомъ рисъ и другія произведенія ихъ удѣловъ. Нынѣшнее правительство официально уничтожило тойи, т. е. объявило ихъ легально-несуществующими, дабы, по словамъ прокламаціи, освободить торговлю отъ стѣснительныхъ монополій; но на дѣлѣ онѣ продолжаютъ существовать и дѣйствуютъ съ такимъ успѣхомъ, что напр. иностранные торговые дома, основавшіеся-было въ Осакѣ, находятъ болѣе удобнымъ переселиться въ Хіога, гдѣ духъ монополіи меньше замѣтенъ.

Послѣ оптовыхъ компаній главными дѣятелями въ японской внутренней торговлѣ являются князья. Какъ хозяева массы сырыхъ и частью даже обработанныхъ продуктовъ, они имѣютъ склады ихъ во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ отчасти соперничаютъ съ ассоціаціями купцовъ, отчасти же, и преимущественно, передаютъ всю торговлю имъ, ограничиваясь полученіемъ денегъ впередъ, по условной цѣнѣ. Въ Осакѣ почти каждый дайміо имѣетъ свой домъ; управитель такого дома есть вмѣстѣ и повѣренный по торговымъ дѣламъ. Онъ продаетъ произведенія княжества, которыя находятся налицо или прибытіе которыхъ ожидается; онъ же покупаетъ все, что нужно для князя не только по домашнему хозяйству, но и по устройству удѣла и отбыванію государственныхъ повинностей. Весьма часто князья закупаютъ впередъ урожай своихъ земель и такимъ образомъ мало-по-малу совершенно опутываются купцами, подобно тому, какъ у насъ землевладѣльцы западныхъ губерній евреями.

Что касается до внешней торговли, то о ней публикуются числовые данныя; но не японскимъ правительствомъ, которое предпочитаетъ держать ихъ въ секретѣ, а англійскими консулами, которые

получаютъ ихъ то изъ мѣстныхъ европейскихъ торговыхъ палатъ, то отъ знакомыхъ японскихъ таможенныхъ чиновниковъ. Собственно говоря, эти данныя не вполне надежны; но какъ онѣ однѣ обличаютъ собою всю торговлю открытыхъ японскихъ портовъ и притомъ обрабатываются все по одной системѣ; то приведемъ ихъ здѣсь, чтобы дать понятіе о размѣрахъ, которыхъ достигли коммерческія сношенія иностранцевъ съ Японіею со времени открытія локогамы и другихъ гаваней.

	Привезено.	Вывезено.
Въ 1861 году было на . . .	3,900,000 руб. сер.	— 4,800,000
1862	7,000,000	— 13,000,000
1863	8,500,000	— 21,000,000
1864	9,700,000	— 12,670,000
1865	14,200,000	— 23,100,000

Въ 1866 и 1867 годахъ цифры возвысились въ общей суммѣ до 40 милліоновъ рублей, причемъ отличительною чертою этихъ лѣтъ было то, что привозъ не только уравновѣсился съ вывозомъ, но сталъ превѣшивать его. Въ 1868 году, при общемъ оборотѣ торговли свыше 47 мил. руб., восстановилось-было преобладаніе отпуски японскихъ продуктовъ, благодаря огромной закупкѣ шелка; по въ слѣдующемъ 1869 перевѣсъ привоза опять оказался рѣшительно, какъ видно изъ слѣдующей таблички.

Привезено	Руб. сер.	Вывезено	Руб. сер.
Хлопчатобумажн. издѣлій	7,000,000	Шелку	6,484,000
Шерстяныхъ	2,740,000	Яичекъ шелков-черв.	3,847,000
Рису	3,670,000	Чая	2,690,000
Оружія	2,230,000		
Металловъ	840,000	Всего съ прочими тов.	15,301,000
Пароходовъ и дру. суд.	1,219,000	Денегъ	15,904,000
		Избыт. прив. въ тов.	9,314,000
Всего съ прочими тов.	24,615,000	Избытокъ выв. въ день.	8,004,000
Денегъ	7,900,000		

Это показываетъ, что экономическое завоеваніе Японіи иностранцами стало наконецъ дѣломъ вполне совершившимся, и отнынѣ она пошла въ число странъ, улачивающихъ ежегодно европейцамъ многіе милліоны рублей чистыми деньгами. Конечно, въ числѣ дорого стоящихъ привозныхъ статей есть, такъ-сказать, временныя, именно корабли и оружіе, привозъ которыхъ уменьшится съ развитіемъ заводскаго дѣла, которому уже положены основанія; но главная масса вывозимаго серебра приходится въ уплату не за нихъ, а за предметы болѣе общей потребности, за хлопчатобумажныя и шерстяныя ткани, за рисъ и нѣкоторые другіе товары, нужные для народныхъ массъ. Особенно любопытно то, что японцы покупаютъ множество бумажныхъ издѣлій у англичанъ, хотя Англія не производитъ хлопчатой

бумаги, а въ Японіи она изобильна. Дешевизна машинной выделки служить тому причиною. Равнымъ образомъ сукна, камлоты и юстринны все больше дѣлаются потребностію японцевъ, вытѣняя собою шелкъ. Одно формироваіе регулярныхъ войскъ, одѣтыхъ по европейскому образцу, потребовало значительнаго количества ихъ. Производство шелка въ сыромъ видѣ, впрочемъ, не уменьшилось отъ этого; напротивъ, шелководныя плантаціи увеличились, какъ было сказано выше, и даже сами князья заботятся о размноженіи ихъ. Главные предметы вывоза нинѣ составляютъ шелкъ и чай, изъ которыхъ стоимость перваго, вмѣстѣ съ личками шелководныхъ червей, превосходитъ, за два послѣдніе года, среднимъ числомъ, 14 мил. руб., а стоимость втораго 3½ мил. руб. Нѣкоторыя статьи японской отпускной торговли, въ прежнее время занимавшія видное мѣсто, нинѣ почти исчезли, напр. мѣдь и фарфоръ. Послѣдній впрочемъ сдѣлался предметомъ недобросовѣстной спекуляціи: именно, въ Голландіи, въ Маастрихтѣ, его поддѣлываютъ и потому разсылаютъ по Европѣ для продажи за японскій. За то въ спискахъ вывозныхъ японскихъ товаровъ появились теперь предметы, которые были неизвѣстны въ децимскія времена, напр. грибы, морская капуста, да и самые шелкъ и чай.

Внѣшняя торговля японцевъ по настоящее время совершенно пассивная. Они покупаютъ заграничные товары только у небольшого числа иностранныхъ торговцевъ, водворившихся въ ихъ странѣ, и имъ-же продаютъ собственные издѣлія. До какой степени это невыгодно для Японіи, нечего и говорить, особенно намъ русскимъ, находящимся въ положеніи очень сходномъ. Въ послѣднее время, поэтому, японцы стараются выйти изъ пассивнаго состоянія и открыть коммерческія связи и склады товаровъ въ большихъ европейскихъ городахъ. Такъ въ Осакѣ задумано основаніе торговой компаніи съ цѣлью снабжать шелкомъ и шелковыми картонами марсельскій рынокъ, независимо отъ французовъ и швейцарцевъ, водворившихся въ Йокогамѣ и Кобе, и отъ пріѣзжихъ *graineur*овъ. Въ Шанхаѣ открыта лавка для продажи японскихъ бездѣлокъ. Но впрочемъ большой надежды на успѣхъ этихъ начинаній возлагать нельзя. Японцамъ не достаетъ пока многихъ условій успѣха во внѣшней торговлѣ, именно: многочисленныхъ большихъ капиталовъ, искусства мореплаванія, кредита на иностранныхъ рынкахъ, знанія этихъ рынковъ и потребностей чужеземцевъ. На первый разъ было бы достаточно того, чтобы они перевозку товаровъ у себя дома, изъ гавани въ гавань, отняли у иностранцевъ, а то она мало-помалу вся переходитъ въ руки американскихъ и нѣмецкихъ судохозяевъ. Начинаніе сдѣлано ихъ аристократіею и купцами въ Осакѣ и Хіого. Именно, князья закупили въ теченіе 10 лѣтъ множество пароходовъ; но за нелѣпнѣеиъ искусныхъ командировъ и инспе-

ровъ, суда эти мало помогаютъ торговлѣ, и даже для перевозки собственныхъ войскъ феодалы, владѣльцы ихъ, продолжаютъ нанимать европейскіе пароходы. Неменѣе 35-ти кораблей, изъ 120-ти купленныхъ у европейцевъ, погублено японцами въ короткій періодъ съ 1861 по 1869 годъ. Капиталь на покупку этихъ судовъ затрачено большой, но содержаніе ихъ неудовлетворительно, а служба невелика. Пароходы, построенные въ Хіого и Йокоскѣ, имѣютъ лучшую участь. Въ приложеніи помѣщенъ списокъ всего японскаго флота европейской конструкціи.

Между чужеземными націями, которыя забрали въ свои руки внѣшнюю торговлю Японіи, первое мѣсто принадлежитъ конечно Англіи; но ея преобладаніе здѣсь не столь значительно, какъ въ Китаѣ. Въ Йокогамѣ, Кобе, Нагасаки американскіе, нѣмецкіе, голландскіе и даже французскіе и швейцарскіе купцы столь-же обыкновенны, какъ англійскіе, и такіе дома, какъ Уольша, Альта, Текстора, Кинфлера, Адриана, Лиліенталя, ванъ-деръ-Така и т. п. ни въ чемъ не уступаютъ англійскимъ Гловеру, Джардину, Кирри и проч. Вообще можно замѣтить, что участіе, принимаемое капиталистами разныхъ странъ въ японской внѣшней торговлѣ, опредѣляется характеромъ производительности этихъ странъ. Такъ англичане суть главные продавцы тканей, оружія и металловъ, голландцы — кораблей, китайцы — рису и сахару; американцы суть главные судохозяева и перевозчики товаровъ, какъ равно нѣмцы, которыхъ парусные корабли съ успѣхомъ держутся противъ совмѣстничества пароходовъ. Французы и швейцарцы суть главные покупатели шелку, и такіе дома, какъ Равеля, Сибера и проч. пользуются въ этомъ случаѣ заслуженной извѣстностью. Нѣкоторое понятіе объ участіи различныхъ національностей въ торговыхъ оборотахъ японскихъ портовъ дадутъ таблицы, приложенныя въ концѣ книги. Необходимо только замѣтить, что, по свойству и количеству привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ множество парусныхъ судовъ уходитъ изъ японскихъ портовъ пустыми, вслѣдствіе чего фрахтъ очень высокъ, напр. 3 и 4 фунта стерлинговъ съ тонны груза изъ Лондона въ Йокогаму, тогда какъ до Шанхая платится всего 2 и даже 1½ фунта.

Очертивъ такимъ образомъ въ краткихъ словахъ наиболѣе выдающіяся стороны промышленнаго состоянія Японіи, заключимъ эту главу замѣчаніями о современномъ распредѣленіи богатствъ въ государствѣ и объ основныхъ условіяхъ промышленности. Выше уже было упомянуто, что заработки простонародья тамъ весьма незначительны. Къ этому можно прибавить, что и вообще богатыхъ во европейскіи людей въ Японіи очень немного. Земледѣльцѣ, имѣющій 300—400 р. въ годъ дохода, считается уже человѣкомъ весьма зажиточнымъ; большинство-же націй гораздо бѣднѣе. Только князья и купцы обладаютъ обширными состояніями: но у первыхъ онѣ по

большей части разстроены или обременены долгами. Простонародью предстоит еще испытать въ скоромъ времени всѣ ужасы промышленной революціи, когда въ странѣ водворится машинный производствъ. Извѣстно, что доселѣ Японія, какъ и Китай, тщательно избѣгала употребленія машинъ. Въ 1820-хъ годахъ, когда голландское правительство подарило японцамъ механическую маслобойню, они сѣвши ее возвратили, замѣтивъ, что вещь хороша, но грозитъ многихъ оставить безъ заработковъ, т. е. безъ хлѣба. Но такой взглядъ быстро измѣняется, и мы видимъ нынѣ въ Японіи не только казенные заводы, работающіе машинами, но и частныя фабрики, необходящіяся безъ нихъ. Ремесленные производства, правда, еще преобладаютъ надъ фабричными; но можно съ увѣренностью сказать, что въ непродолжительномъ времени машины возьмутъ верхъ и войдутъ въ общее употребленіе хотя бы для того, чтобы не отсылать на обработку въ чужія страны свои сырые произведенія. Тогда рабочій кризисъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ незнакомѣе въ краѣ. Къ земледѣлію отъ мануфактуръ обратиться будетъ нельзя, ибо земля и безъ того вся обработана; колоній завести негдѣ, кромѣ Мацмая. Въ добавокъ, густая населенность страны будетъ причиною огромнаго совмѣстничества работниковъ, а принадлежность земли въ собственность дворянству, а не самимъ земледѣльцамъ работникамъ, доведетъ послѣднихъ до бѣдственнаго батрачества, подобнаго ирландскому и эстляндскому. Уже теперь, въ случаѣ неурожая, какъ было въ послѣднемъ году, множество бѣдниковъ ходятъ по улицамъ съ корзинками, чтобы собирать по зернушкамъ рисъ и горохъ. При общемъ промышленномъ кризисѣ этого рода пауперизмъ можетъ дойти до еще болѣе ужасныхъ размѣровъ, какъ въ Пекинѣ, гдѣ люди верѣдко ищутъ себѣ пищу въ помойныхъ ямахъ, въ грязныхъ лужахъ, куда выбрасывается всякая дрянь и гдѣ они роются вмѣстѣ съ полуживыми собаками. «На великомъ пришествіи природы, какъ сказалъ Мальтусъ, бѣдному человѣку нѣтъ мѣста», и сила этого закона скоро почувствуется въ Японіи.

Наличные крупныя капиталы въ странѣ пока всѣ вовлечены въ торговлю и число ихъ незначительно. Хотя издавна извѣстенъ разсказъ о купцѣ, у котораго склады товаровъ были одновременно въ пяти-шести городахъ и который торговалъ на такую широкую ногу, что товаръ отпущенный имъ въ Еддо, принимался назадъ въ Нагасаки съ возвращеніемъ денегъ, но самая извѣстность этого случая, какъ исключительнаго, показываетъ, что большіе капиталисты въ Японіи рѣдки. Отъ того процентъ при займахъ денегъ высокъ, особенно со времени водворенія иностранцевъ, что, нужно замѣтить, служить одной изъ причинъ народнаго къ нимъ нерасположенія. Прежде японскій купецъ волею-неволею отдавалъ свободныя деньги

на кредитъ внутри страны за небольшіе проценты: теперь онъ пускаетъ ихъ въ выгодный оборотъ по иностранной торговлѣ, и люди, пугающіеся въ деньгахъ, не знаютъ, гдѣ ихъ найти. Само правительство занимаетъ неменѣе, какъ по 10 и 12% въ годъ; частный-же процентъ гораздо выше. Въ придачу къ этому цѣны на все возвысились влѣдствіе выпуска ассигнацій, которыхъ курсъ на 15-17% ниже пар. Вообще коммерческій переворотъ, происходящій въ Японіи со времени открытія иностранцамъ портовъ, пока отозвался несовсѣмъ благоприятно на странѣ. Если имъ довольны купцы и хозяева шелковичныхъ плантацій, то онъ возбуждаетъ ропотъ ремесленниковъ, мелкаго дворянства, чиновниковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которыхъ доходы не могли возрасти столь-же быстро, какъ возрасли расходы при возвышеніи цѣвъ на все. Этого и нужно было ожидать при переворотѣ столь рѣзкомъ, какъ тотъ, который начался не далѣе 1858 года и официально завершился въ 1869-мъ. Для слишкомъ бойкихъ фритредеровъ это урокъ.

Июль, 1870.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Государственное устройство и управление.

Если, вообще говоря, удовлетворительное описаніе политическаго строя какого-нибудь государства можетъ быть сдѣлано только туземцемъ, хорошо свѣдущимъ со всѣми его особенностями: то нигдѣ это замѣчаніе такъ не оправдывается, какъ при составленіи обзора современнаго государственнаго устройства Японіи. Здѣсь для иностранца почти все тайна, тайна до такой степени, что даже сэръ Р. Олькотъ, бывшій нѣсколько лѣтъ посланникомъ Англіи въ Іеддо и знающій японскій языкъ, вынужденъ былъ признать, что японскіе законы ему неизвѣстны. Этотъ любознательный дипломатъ готовъ былъ даже сказать, что у Японіи вовсе нѣтъ письменныхъ законовъ, такъ-какъ ему ни разу не удалось видѣть ихъ у самихъ министровъ, которые притомъ, въ словесныхъ бесѣдахъ, говорили всегда объ этомъ предметѣ уклончиво. И хотя мы знали еще изъ Кемпфера названіе книгъ, излагающихъ японское государственное устройство; но до послѣдняго времени, сколько извѣстно, никто не имѣлъ въ рукахъ этихъ книгъ, и лишь недавно Диксонъ, въ любопытномъ своемъ сочиненіи, обнародовалъ довольно полный переводъ такъ называемыхъ законовъ Гонгенсамы и подробности того государственнаго устройства, которое существовало въ Японіи до 1868 г. Очевидно, что при такихъ условіяхъ для иностранца, а тѣмъ болѣе для путешественника, остающагося въ странѣ недолго и невладѣющаго языкомъ, задача изучить политическій строй имперіи солнечнаго восхода весьма нелегка; а потому, говоря объ этомъ предметѣ, приходится быть весьма сдержаннымъ и краткимъ именно тамъ, гдѣ хотѣлось бы быть по возможности обстоятельнымъ. Слѣдующее изложеніе есть плодъ довольно долгаго труда и бесѣдъ со многими иностранцами, живущими постоянно въ Іеддо, Іокагамѣ и Нагасаки, и отчасти даже съ японцами, знающими иностранные языки. По показанія послѣднихъ, надо признать, бывали постоянно столь уклончивы и разнорѣчивы, что въ шхъ можно предполагать намѣренную утайку или искаженіе фактовъ.

1. Микадо и Князья.

Японія съ 1868 года *de jure* есть монархія единая и нераздѣльная, но *de facto* она продолжаетъ быть государствомъ монархически-феодальнымъ. Глава имперіи *микадо*, есть личность священная, освященная ореоломъ божественнаго происхожденія и соединяющая въ себѣ власть свѣтскую вмѣстѣ съ духовною по дѣламъ главной въ странѣ религіи. «Вся Японія принадлежитъ микадо, и нѣтъ въ ней человѣка, который бы не былъ слугою его»,—какъ выразились въ знаменитомъ върноподданническомъ адресѣ 5 марта 1869 года вожди послѣдней революціи, Сацума, Нагато, Тоза и Хизенъ. Но наряду съ этимъ принципомъ единодержавія и даже какъ бы самодержавія стоитъ другое начало, на практикѣ болѣе значительное,—начало феодализма, раздробленности земской власти между множествомъ удѣльныхъ князей, которые въ предѣлахъ ихъ владѣній такъ же мало ограничены, какъ самъ микадо. Такъ-какъ три четверти Японіи принадлежитъ князьямъ, то можно бы даже сказать, что страна эта есть федерация мелкихъ государствъ подъ предѣлательствомъ одного потомственнаго главы. Но *de jure* это было бы несправедливо потому, что князья со времени послѣдняго переворота отказались отъ своихъ владѣльческихъ правъ и управляютъ своими удѣлами во имя микадо. А *de facto* именно эти владѣтельные права феодаловъ столь разнообразны и переходятъ отъ почти полнаго самодержавія главныхъ двадцати дайміосовъ къ тѣсной вассальной зависимости второстепенныхъ и третъестепенныхъ ихъ собратій такъ постепененъ, что было бы трудно сказать, гдѣ кончается федерация и гдѣ начинается монархія.—Въ современной Европѣ нѣкоторое, отдаленное подобіе японскому государственному устройству представляетъ сѣверо-германская конституція, гдѣ также мелкіе князья суть военные вассалы прусскаго короля, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельные государи. Но въ Германіи нѣтъ этого ряда переходныхъ формъ владѣнія, гдѣ князь уже почти не государь, а помѣщикъ, котораго глава государства можетъ удалить изъ его удѣла по личному усмотрѣнію или по закону; нѣтъ, съ другой стороны, и возможности для членовъ союза вести междуусобныя войны, тогда какъ японскіе князья пользуются этой возможностью. Ближе всего о дѣйствительно-существующей японской конституціи даетъ понятіе феодальное устройство Франціи въ XII—XIII столѣтіяхъ:—та же самостоятельность и отчасти произволъ мелкихъ владѣтелей и та же наследственная центральная власть съ непосредственными владѣніями хотя значительнаго размѣра, но недостаточными для того, чтобы постоянно держать верхъ надъ феодальными сеньорами. Къ

довершенію сходства Японія съ нѣкотораго времени имѣетъ свои генеральныя штаты, которыхъ роль почти также мало опредѣлена, какъ и французскихъ *Etats-Généraux* до 1789 года.

Эти штаты, или собраніе патаблей, пожалуй парламентъ, напоминаютъ намъ о третьей особенноти верховной государственной власти въ Японіи: власть эта есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, конституціонная. "Всѣ заботы правительства будутъ опредѣляться по совѣщанію съ народомъ всѣхъ провинцій.... Политика его будетъ подчинена контролю общества, чтобы никто не могъ жаловаться и всѣ могли жить въ радостномъ спокойствіи... Соотвѣтственно этому предоставляется всему народу высказывать свои нужды и желанія". Такъ гласитъ манифестъ нынѣшняго микадо, изданный имъ по случаю совершеннолѣтія и вступленія лично въ управленіе дѣлами, манифестъ во многомъ исполненный. — Но въ дѣйствительности, какъ увидимъ ниже, конституціонные порядки вовсе еще не утвердились въ Японіи, и страну эту по прежнему вѣрнѣе всего назвать феодальной монархіей.

Званіе микадо или императора есть наследственное въ томъ родѣ, который царствуетъ надъ японцами уже двѣ съ половиной тысячи лѣтъ. Только, по общему въ Японіи принципу, не старшій сынъ или старшій въ родѣ наследуетъ скончавшемуся государю, а тотъ изъ членовъ его семьи, который назначенъ царствовавшимъ монархомъ. Принципъ этотъ, по-видимому, заслуживаетъ большаго уваженія, такъ-какъ обезпечиваетъ престолъ за достойнѣйшимъ изъ сонаследниковъ, и во всякомъ случаѣ, по теоріи, онъ выше законовъ салическихъ, турецкихъ и имъ подобныхъ: но кто знаетъ, что на основаніи его же избираются китайскіе императоры, тотъ уже охладѣетъ значительно въ своемъ къ нему уваженіи. Конечно, Японія не Китай, гдѣ самовластіе съ своимъ чиновничествомъ все поглотило: это есть монархія конституціонно-феодальная, гдѣ произволъ деспота, какъ бы ни былъ онъ даровитъ и какою толпою бездупныхъ угодниковъ ни былъ бы окруженъ, всегда найдетъ отпоръ и будетъ приведенъ въ установленныя преданія границы; но всякое такое приведеніе есть очевидно кровавая борьба, разоряющая страну, или же совокупность интригъ, деморализующихъ ее, слѣдовательно, въ общемъ итогѣ, несчастіе. Впрочемъ Японія представляетъ намъ рѣдкій примѣръ одной династіи, непрерывно царствующей съ самаго начала исторической жизни страны; и это есть довольно ясное доказательство съ одной стороны того, что начало избирательной потомственности чуть ли не прочтѣе всѣхъ прочихъ системъ престолонаследія, а съ другой того, что иго азіатской автократіи при этой системѣ настолько сносно, что не вызываетъ общихъ возстаній націи для сверженія недостойнаго рода.

Микадо ведутъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ перваго

государя Японіи, отъ Зинъ-му, завоевателя Япоии и перваго его законодателя. Преданіе приписываетъ Зинъ-му божественное происхожденіе и тѣмъ ставить его потомство безъ сравненія выше всѣхъ прочихъ знаменитыхъ родовъ Японіи, что, въ извѣстномъ смыслѣ, не дурно, потому что, при существованіи наследственной автократіи, всегда лучше, чтобы она оставалась безспорною въ одномъ родѣ, чѣмъ переходила отъ однихъ честолюбивцевъ къ другимъ, раздирая страну междоусобными войнами. Но около микадо, изъ ряда его совѣтниковъ, его заслуженныхъ министровъ, полководцевъ, наместниковъ, уже издавна образовалась могущественная феодальная аристократія, которая и захватила въ свои руки большую часть страны. Пять особенно сильныхъ родовъ составляютъ эту владѣтельную знать и стоятъ во главѣ всѣхъ аристократическихъ домовъ Японіи: Минамото, Фудзивара, Тайра, Сугавара и Ооіе. Съ теченіемъ времени роды эти раздробились и утратили чувство фамиліаго единства; но тѣмъ не менѣе они свято чтутъ свои родословныя, подобно самымъ неприступнымъ въ своей потомственной сѣти домамъ Англіи, Германіи и Италіи. Родъ Минамото особенно многочисленъ, и къ нему принадлежатъ важнѣйшія княжескія фамиліи Японіи: Садаму, Хосокава, Курода, Икеда, Хачиска, Арима, Сатаке, Намбу, Сакаи, Огосовара, Хосина, Мацудайро и вся фамилія Токугава, изъ которой избирались бывшіе сюгуны и къ которой принадлежатъ также владѣтельные дома Іецзень и Дева. За Минамото слѣдуютъ Фудзивара, къ числу которыхъ относятся княжескія фамиліи Дате, Набесима, Тодо, Ни, Уцу, Яманаути, Уесуги, Цугару и др. Тайра имѣютъ представителей въ наследственныхъ владѣльцахъ Цусимы, изъ фамиліи Соо, и въ князьяхъ Ода, Иваки, Тосава, Сомы и др. менѣе могущественныхъ и знатныхъ. Къ роду Сугавара принадлежитъ богатѣйшій изъ удѣльныхъ владѣтелей Японіи, Каига, а также другіе князья изъ фамиліи Майеда и Хамамацу. Наконецъ Ооіе считаютъ среди себя князей Нагато, Моори и пр. Въ публикуемыхъ отъ времени до времени японскихъ альманахахъ есть довольно матеріаловъ для генеалогическихъ соображеній относительно японской аристократіи, и изъ нихъ видно, что есть въ Японіи, кромѣ названныхъ пяти, и другіе знаменитые роды: Тандзи, Абе, Оци и проч., къ коимъ нужно еще присоединить придворную знать, *куге*, изъ тѣхъ-же родовъ Фудзивара, Минамото и проч.: и наконецъ стоящую выше всѣхъ императорскую фамилію, члены которой, *миа*, довольно многочисленны и перѣдко занимаютъ важныя должности. На бумагѣ вся эта знать, то есть феодальная, *даймио*, и придворная, *куге*, нынѣ слита подъ однимъ общимъ именемъ, *казоку*, по фактически пужно еще различать безземельныхъ придворныхъ сановниковъ и князей императорскаго дома отъ поземельныхъ владѣльцевъ-даймиосовъ. Сэръ Р. Ольковъ,

въ сочиненіи своемъ "The Capital of the Tycoon", первый обнаруживалъ списокъ послѣднихъ, перешедшій потомъ во всѣ европейскіе альманахи; но почтенный дипломатъ сдѣлалъ при этомъ промахъ: вмѣсто полной вѣдомости владѣтельныхъ домовъ онъ публиковалъ имена лишь тѣхъ князей, которые имѣютъ укрѣпленные замки. А чрезъ это вмѣсто 276-ти именъ, если считать однихъ князей съ 10,000 кокфъ годового дохода, или даже почти 600-тъ, если взять всѣхъ *ками*, Европа узнала изъ нихъ только 144. Ошибка эта тѣмъ болѣе любопытна, что уже въ 1861 году Годгсонъ указалъ на дѣйствительную числительность японской аристократіи; но она не вполне исправлена даже Диксономъ, котораго списокъ включаетъ только 266 именъ. Приложенный къ концу этой книги списокъ (*) вмѣщаетъ уже всѣхъ феодальныхъ владѣльцевъ съ 10-ю и болѣе тысячами кокфъ дохода; онъ относится къ 1868 году, т. е. къ эпохѣ непосредственно слѣдовавшей за паденіемъ тайкуната.

Правительственная власть между владѣтельными княжескими родами и отдѣльными ихъ развѣтвленіями распределена очень не равномерно. Съ самаго возникновенія наслѣдственного феодализма, т. е. съ III—II вѣка до Р. Х., удѣльные князья стремились стать вполне независимыми государями своихъ княжествъ; но это имъ далеко не удалось. Особенно власть сіюгуновъ, наместниковъ микадо, сильно тиготѣла надъ сепаратистскими стремленіями феодаловъ. Въ недалекую отъ насъ эпоху, именно въ XVI и XVII вѣкѣ, аристократіи пришлось выдержать тяжелую борьбу съ сіюгунами, и результатомъ ея вышло то, что лишь 18 домовъ сохранили за собою свои удѣлы наслѣдственно; всѣ же прочіе князья сдѣлались ставленниками центрального правительства, которое могло не только дробить удѣлы, но и лишать князей права владѣнія, перемѣщать ихъ изъ съ одного удѣла на другой, уменьшать доходы и проч. Сіюгуны, приставленные къ веденію дѣлъ, какъ наместники микадо, весьма сурово пользовались своими правами въ этомъ случаѣ, и только связи князей и общее всѣмъ имъ чувство сословнаго единства спасали многіе роды отъ обращенія въ ничтожество. Создавъ новую аристократію изъ своихъ приближенныхъ и соратниковъ, сіюгунъ Іеясу, въ началѣ XVII вѣка, нанесъ большой ударъ могуществу древнихъ родовъ, и преемникамъ его оставалось только слѣдовать правилу: *divide et impera*, чтобы повелѣвать болѣе или менѣе безпрекословно болѣею частью Японіи. Они и стремились къ этому не

(*) Главнымъ источникомъ для его составленія служило японско-англійское изданіе "All daimios of Japan", съ изображеніемъ княжескихъ гербовъ и флаговъ. Изданіе это, въ видѣ свертковъ, сдѣлано самими японцами въ Іеддо, въ 1868—1869 годахъ. Пріняты во вниманіе и сообщенія нѣкоторыхъ знающихъ европейцевъ.

безъ нѣкотораго успѣха, пока наконецъ послѣдняя революція не опрокинула тайкуната и не поставила удѣльныхъ князей опять въ положеніе болѣе самостоятельное, не смотря на то, что формально они отказались отъ феодальныхъ правъ.

Восемнадцать главныхъ князей, *большіхъ дайміосовъ* или *кокею*, къ которымъ въ два послѣдніе вѣка причислены еще двое, *de facto* суть петинные державные правители ихъ княжествъ, совершенно въ томъ смыслѣ, какъ теперь въ Германіи герцоги брауншвейскій, саксенъ-мейнингенскій и пр. Ихъ удѣлы издавна составляютъ собственность ихъ родовъ, и хотя бывали случаи, что самъ князь былъ признанъ преступникомъ противъ центральной власти, но удѣлъ его обыкновенно переходилъ къ законному наслѣднику не раздробляясь. Примѣръ уваженія къ этой привилегіи кокею мы видѣли въ 1864 г., когда князь Нагато, за попытку захватить въ свои руки императора и за сожженіе его дворца, хотя и былъ объявленъ внѣ законовъ, съ лишеніемъ всѣхъ титуловъ и отличій, но оставался владѣтелемъ своего княжества, пока революція не возвратила ему и прочихъ потерь. Князь Сацума долженъ былъ отказаться отъ владѣльческихъ правъ, но остался петиннымъ правителемъ княжества, потому что наслѣдникомъ ему сталъ его малолѣтній племянникъ. Напротивъ, въ 1868 году Айдзу и нѣкоторые другіе, весьма могущественные князья, но не кокею, не только попали лично въ опалу, но и потерпѣли уменьшеніе своихъ удѣловъ. Большихъ дайміосовъ еще іезуиты называли *гех*, тогда какъ прочіимъ они давали титулы *regulos*, *princes*. Поэтому перечисленіе ихъ здѣсь будетъ нелишнимъ:

Каига	Идзуми или Тодо
Сацума	Іецизенъ
Сецдай, Муцу или Ошіу	Ава
Хиго	Тоза
Цивуземъ	Арима, Гемба или Куруме
Аки или Гесіу	Сатаке, Дева или Акиа
Нагато или Цесіу	Намбу
Хизенъ	Идзумо
Инаба	Уесуги или Іонезава
Бизенъ	Цусима.

Фактическія отношенія ихъ къ центральному правительству опредѣлены частью преданіемъ, частью такъ называемыми законами Гоэнгесамы, т. е. серією конституціонныхъ сдѣлокъ сіюгуна Гоэнгена (Іеясу) съ главами феодаловъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія (*), частью наконецъ, ходомъ событій послѣдняго времени. Они вполне

(*) Съ теченіемъ времени подъ именемъ законовъ Гоэнгесамы стали разумѣться всѣ правительственныя установленія временъ Іеяса, внесенныя имъ въ завѣщаніе своимъ потомкамъ. Здѣсь они изложены

независимы въ дѣлахъ внутренняго управленія своими княжествами, не имѣютъ при себѣ коронныхъ чиновниковъ, какъ это существуетъ въ прочихъ удѣлахъ, всегда считали себя вассалами только микадо, а не сіюгуновъ, и если тѣмъ отличаются отъ исполнителей самостоятельныхъ государей, то это немѣняемо права международныхъ сношеній (*). Подобно другимъ удѣльнымъ князьямъ они платятъ въ общую казну имперіи одну десятую дохода съ своихъ областей и обязаны, въ случаѣ внѣшней войны Японіи, выставять опредѣленные контингенты войскъ; но въ управленіи этими войсками ихъ никто не контролируетъ. Да и на внѣшнюю войну имъ приходилось выставять свои отряды въ послѣдній разъ лишь въ XVI вѣкѣ, когда дѣло шло о завоеваніи Кореи.

Всѣхъ прочихъ владѣтельныхъ князей, *ками*, числомъ свыше 250 и даже 580-ти, если считать второстепенныхъ, имѣющихъ менѣе 10,000 *кокфѣ* годового дохода съ княжествъ, можно вельдѣ за *Кемпферомъ* и *Зибольдомъ*, назвать *саймюсами*, т. е. меньшими. Между ними встрѣчаются однако представители тѣхъ-же самыхъ древнихъ родовъ Минамото, Фудзивара и проч., что и между большими *даймюсами*. Исторически они распадался до послѣдней революціи на четыре главные класса: *дзюна-кокею*, *гокамонъ*, *тосама* и *гофудайи*. Первый разрядъ состоялъ всего изъ четырехъ князей, которые были почти столь-же самостоятельны, какъ и *кокею*, хотя не столь богаты; второй, т. е. *гокамонъ*, состоялъ изъ родственниковъ микадо и *сіюгуновъ* прежняго времени, людей "близкихъ, своихъ" главамъ центрального правительства. Число ихъ достигало въ 1868 году до 21-го. Къ третьему разряду, *тосама*, принадлежали, въ числѣ 85-ти, потомки древнихъ княжескихъ родовъ, сохранившихъ свои удѣлы при переворотѣ XVII столѣтія, хотя въ меньшихъ противу прежняго размѣрахъ, такъ что ихъ достатки уступаютъ богатствамъ прочихъ князей. Наконецъ *гофудайи* назывались "люди новые", потомки знати, созданной *сіюгуномъ* Іеясу для противодѣйствія прежней аристократіи; и хотя они принадлежали, по большей части, то-же къ родамъ Минамото, Фудзивара, Таудзи и проч., по обязаны были своими удѣлами не наследственнымъ правамъ, а милости бывшихъ наместниковъ микадо, для которыхъ и были васса-

догматически, какъ воля самаго Іеяса, и въ такомъ видѣ обнародованы теперь *Диксонамъ*; но не нужно забывать, что первоначальное происхождение большинства ихъ, если не всѣхъ, было результатомъ соглашенія *сіюгуна* съ князьями.

(*) Князь Сацума однако пытался въ 1867 г. отправить отъ себя посольство въ Европу; въ 1868 г. *даймю* Арима и др. отправляли пословъ къ папѣ. Нынѣ Сацума допускаетъ въ свой портъ, Кагозиму, не открытый по договорамъ, иностранныя торговыя суда и даже самъ участвуетъ въ ихъ операціяхъ.

лами съ весьма небольшими относительно сюзерена правами. Этотъ разрядъ былъ самый многочисленный и заключалъ 134 дома. Встрѣчалось еще между вассалами большихъ *даймюсовъ* вѣскольбо князей, которыхъ доходы, превышая 10,000 *кокфѣ*, давали имъ право на участіе въ общемъ управленіи страной; но такихъ князей было не болѣе шести или семи. Наконецъ въ всѣхъ названныхъ разрядахъ стояли бывшіе *гозанке*, т. е. члены фамилии Токугава, изъ которой избирались *сіюгуны*. Ихъ теперь четыре дома, всѣ съ значительными удѣлами. Затѣмъ всѣ прочіе *ками*, т. е. титулованные землевладельцы, какъ бы *лорды* Японіи, числомъ болѣе 300, суть теперь и всегда были болѣе, какъ зажиточные помѣщики, которые для поддержанія внѣшней обстановки должны были служить какъ простые дворяне, въ собраніяхъ-же *даймюсовъ* не участвовали. Изъ нихъ обыкновенно выбирались *сіюгунами* разные придворные чиновники: начальники гвардіи, адъютанты, члены совѣта, губернаторы городовъ и пр.

Въ древнія времена, именно въ VII вѣкѣ по Р. Х., Японія была раздѣлена на 68 областей, которыхъ границы вѣроятно совпадали тогда съ границами удѣловъ. Названія ихъ остались доселѣ, но всякое правительственное значеніе утратилось, и имъ нужно придавать такой-же смыслъ, какъ словамъ Бретань, Лотарингія, Дофинэ и т. д. Дѣйствительныя границы теперешнихъ многочисленныхъ удѣловъ весьма запутаны, и даже на японскихъ картахъ изображаются недовольно отчетливо. Во всякомъ случаѣ мы должны замѣтить, что есть сильныя князья, какъ Сацума, Нагато, Канга, которые владѣютъ по двѣ и по три провинціи; но въ большей части случается каждая область содержитъ множество удѣловъ. Въ прежнее время, не далѣе XVII столѣтія, т. е. при *Кемпферѣ*, изъ числа всѣхъ 68-ми областей пять выдѣлены были въ непосредственное владѣніе императора. Области эти, соедѣнія городу Кіото, были: Ямато, Ямасиро, Сецу, Идзуми и Кавадзи, и составляли такъ называемый отдѣлъ или "дорогу" Гокинай. Но въ теченіе двухъ вѣковъ, со времени *Кемпфера*, послѣдовали многочисленныя перемѣны въ распредѣленіи удѣльныхъ территорій, и нынѣ въ названныхъ областяхъ встрѣчаются владѣнія князей, а въ замѣтъ того императоръ пріобрѣлъ земли во многихъ другихъ провинціяхъ. Въ общемъ итогѣ, если судить по таблицамъ доходовъ, княжескія земли уменьшились на 12%. Въ слѣдующемъ спискѣ исчислены провинціи, въ которыхъ имѣетъ свои земли императоръ:

1. Принадлежать ему *сполна*: Идзу, Кан, Хида, Хооки, острова Оки и Садо.

2. Принадлежать *отчасти*: Ава, Бинго, Битцу, Бузентъ, Бунго, Дева, Ивами, Идзуми, Исие, Іедзисентъ, Іеинго, Канга, Кавадзи, Кадзуса, Мино, Мусаси, Муцу, Мимасака, Микава, Ооми, Сагами, Сурунга, Симодзукэ, Синано, Сецу, Сануки, Симоза, Танба, Та-

дзима, Тоотомы, Танго, Хитацц, Харима, Хиго, Хизентъ, Хіуга, Цикунзентъ, Ямато и Ямасіро, островъ Іезо или Мацмай (*).

Въ остальныхъ затѣмъ 23-хъ областяхъ: Асіу (Авѣ), Авадзи, Бизентъ, Ваказъ, Игъ, Инабъ, Идзумо, Іетцю, Ійо, Коодзукэ, Кіи, Нагато, Ното, Овари, Оосуми, Сацумъ, Симъ, Суво, Тозъ, Хіугъ, Цикунго, оо. Готто и Цусимъ, императорскихъ земель вовсе нѣтъ, и онѣ сполна принадлежатъ удѣльнымъ князьямъ, которые притомъ суть владѣльцы большей части земель и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ихъ удѣлы перемежаны съ императорскими участками. Всѣ эти провинціи, соотвѣтственно своему географическому положенію, соединяются въ особыя группы, по дорогамъ, которыя черезъ нихъ пролегаютъ и которыхъ обыкновенно считается семь: Токаидо, Тозандо, Хокурікудо, Саншдо, Савъодо, Нанкаидо и Сайкаидо. Восьмую "дорогу", подъ названіемъ Хоккаидо, нынѣ составляетъ островъ Мацмай, гдѣ въ началѣ 1870 года получили участки князья Сацума, Тоза, Канга, и проч., но гдѣ масса земель осталась еще за императоромъ и населена пока полудикими аннами и лишь отчасти японцами. Вышеупомянутый Гокинай составляетъ девятую "дорогу" Японіи.

Указавъ такимъ образомъ на общія черты японскаго государственнаго устройства и на территоріальное распредѣленіе правительственной власти, перейдемъ теперь къ обзору правъ и преимуществъ удѣльныхъ князей, повелителей главной массы японскаго народа, которые располагаютъ жизнью и смертію каждаго изъ подчиненныхъ имъ японцевъ. При этомъ напомнимъ, что рѣчь идетъ о фактическомъ состояніи Японіи, а не о юридическомъ, въ силу котораго *ося* страна принадлежитъ микадо, и князья оставлены только правителями своихъ областей. Двадцать большихъ дайміосовъ, какъ уже сказано, суть самостоятельные государи, лишенные только права международныхъ сношеній и обязанные платить опредѣленные суммы въ казну имперіи и выставить военные контингенты для охраненія внутренней и вѣншей безопасности Японіи. Удѣлы ихъ недѣлимы и неотторгаемы отъ ихъ родовъ; центральное правительство не контролируетъ ихъ управленія ни въ какомъ отношеніи. Они опредѣляютъ и увольняютъ своихъ офицеровъ и чиновниковъ, распоряжаются службою войскъ, дѣлаютъ благороднымъ, *саймураи*, тѣхъ изъ подвластныхъ имъ лицъ, которые того заслуживаютъ, и вообще, по самому смыслу бывшаго ихъ титула, кокею, суть полные хозяева своихъ владѣній. Всѣ прочіе князья уже не

(*) По новому дѣленію островъ Мацмай состоитъ изъ десяти областей: Ибури, Исикари, Китами, Кусиро, Неморо, Осима, Сирибеси, Тесіо, Токаци и Хитака. Обл. Цисима заключаетъ острова Кунаширъ и Итурупи.

имѣютъ и никогда не имѣли столь большихъ преимуществъ. Ихъ удѣлы могли быть измѣняемы въ своемъ составѣ либо простымъ уменьшеніемъ, либо замѣною. Хотя они и держались всегда системы майоратовъ, въ пользу *избранныхъ* наслѣдниковъ, съ цѣлью поддерживать блескъ и достоинство своихъ родовъ; но это не помѣшало нѣкоторымъ владѣніямъ ихъ раздробиться. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ менѣе 10,000 кокѣ дохода, не были уже членами общаго собранія князей, имѣвшаго рѣшительный голосъ въ конституціонныхъ вопросахъ, а лишь помѣщиками своихъ удѣловъ, безъ политическихъ правъ. При всѣхъ князьяхъ не-кокею центральное правительство издавна держало своихъ чиновниковъ, какъ контролеровъ ихъ доходовъ и отчасти управленія (*). Далеко не всѣ они имѣютъ укрѣпленные замки, какъ то есть у большихъ дайміосовъ. По принятому въ прежнее время, т. е. до послѣдняго переворота, порядку вещей въ Японіи, нѣкоторые изъ этихъ князей имѣли важныя наслѣдственныя должности въ коронной службѣ: такъ напр. князья Ии-Камонъ были регентами имперіи въ случаѣ малолѣтства сіогуна; но теперь наслѣдственность должностей уничтожена, и замѣненіе мѣстъ въ центральныхъ учрежденіяхъ страны совершенно зависитъ отъ воли правительства. При тайкунахъ мелкіе князья по крайней мѣрѣ имѣли, такъ сказать, привилегію быть членами верховнаго совѣта имперіи; но нынѣ мы видимъ, что эти мѣста занимаютъ либо членами придворной аристократіи, либо князьями-владѣльцами крупныхъ удѣловъ, либо наконецъ простыми дворянами, по личнымъ заслугамъ или по могущественнымъ протекціямъ дайміосовъ-кокею.

Вѣншія преимущества князей всѣхъ разрядовъ столь значительны, что народъ питаетъ къ нимъ глубокое уваженіе, и простолюдинъ падаетъ ницъ, встрѣтивъ князя, хотя бы не своего удѣла. Титулъ *ками* дѣлаетъ князя священнымъ въ глазахъ черни; дополнительные титулы *маи-дайра*, *тайю*, *дайбу*, *сайсё*, *дзё*, возвышаютъ имѣющихъ ихъ уже предъ членами самой знати. Обыкновенно названія японскихъ князей пишутся и употребляются въ официальномъ языкѣ такъ, что собственное имя князя остается неизвѣстнымъ, а употребляются только фамилія и титулы. Когда мы читаемъ: Хосокава-Ваказано-ками, то слово Хосокава означаетъ фамилію, изъ которой произшелъ князь, а Ваказано-ками можетъ быть замѣнено по-

(*) Вотъ при какомъ любезномъ, стереотипномъ письмѣ тайкуны посылали подобныхъ опекуновъ къ князьямъ: "Нашъ дорогой и возлюбленный, твои дѣла велики и притомъ ты имѣешь въ управленіи много подданныхъ: это поуждастъ меня снабдить тебя человѣкомъ постолннымъ и вѣрнымъ, воспитаннымъ въ домѣ моемъ, каковаго ты припровождаю при семь. Употребляй его и чрезъ то являй мнѣ свое благоволеніе".

русски словами князь-Ваказскій, совершенно такъ, какъ у насъ князь-Потемкинъ-Таврическій, только съ иномъ разстановкою словъ. Если князь имѣеть еще титулъ мацудайра (какъ бы свѣтлѣйшій), то онъ ставится впереди фамиліи, а если тайю, дайбу, сайсьо (*), то постѣ, напр. мацудайра Муцу-но-ками Сендай-сайсьо, мацудайра Сюрипо-тайю Сацума-сайсьо. Но въ общежитіи князей называютъ либо по прозвищамъ—Ава, Сацума, Іецзентъ, Канга, Хиго, либо по замкамъ, въ которыхъ они живутъ—Увадзима, Симабара, Кокура, либо наконецъ по фамиліямъ—Хосокава, Арима и проч. Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, всегда нужно разумѣть только главнаго представителя рода, а не однофамильцевъ его; такъ что напр. Хосокава просто, безъ объясненій, означаетъ Хосокаву-Іетццо-но-ками, главнаго владѣльца въ провинціи Хиго, а не Хосокаву-Ваказано-ками, другаго князя той-же области. Каждая княжеская фамилія имѣеть свой гербъ и флагъ, и уже Кемпферъ далъ намъ рисунки первыхъ, хотя къ сожалѣнію безъ всякаго поясненія. Когда читателю встрѣтятся рисункъ въ видѣ круга съ двумя прямоугольно перекрещенными діаметрами, то это будетъ гербъ князя Сацумы; когда одинъ сплошной кругъ съ восьмью расположенными вокругъ него меньшими, то это гербъ Хосокавы (Хиго). Флаги также различаются между собою, и иногда еще бываетъ такъ, что у одного и того-же князя ихъ нѣсколько, по числу его замковъ или по другимъ основаніямъ. Главные флаги большихъ даймйосовъ, такъ-сказать ихъ штандарты, при поднятіи или появленіи ихъ въ одномъ изъ японскихъ портовъ, салютуются какъ флаги независимыхъ государствъ 21-мъ пушечнымъ выстрѣломъ. Японскія суда кромѣ того имѣютъ всѣ одинъ общій флагъ, національный: бѣлый квадратъ съ краснымъ кругомъ по срединѣ. Онъ поднимается на корнѣ, тогда какъ флагъ князя или даже самаго микадо—на мачтѣ.

2. Высшія правительственныя учрежденія.

Когда въ мартѣ 1868 года было унижено званіе сіюгуновъ или тайкуновъ, которые, во имя микадо, правили Японіею; то потомки Зинъ-му, жившіе дотолѣ въ уединеніи, въ Кіото, были снова призваны стать непосредственными распорядителями судебъ ея. Дайми находились въ признанномъ правительственномъ центрѣ страны, пылкій микадо перевелъ свое мѣстопробываніе изъ древней столицы въ Іеддо, который, съ именемъ Токеи, получилъ значеніе дѣйствительнаго столичнаго города Японіи. Кіото остался теперь для имперіи восходящаго солнца тѣмъ же, чѣмъ Москва для Россіи, священнымъ

(*) Титулъ *тайю* есть собственно названіе должности, въ родѣ товарища министра, *сайсьо*—читъ въ родѣ генералъ-майора, и проч.

городомъ храмовъ и дворцовъ, гдѣ справляются свадьбы и родины царствующей семьи, гдѣ находится центръ религіозной и отчасти умственной дѣятельности, но откуда уже не исходятъ никакія повелѣнія свѣтской власти. Микадо водворился въ Сиро, іеддоскомъ кремлѣ или замкѣ бывшихъ тайкуновъ, и здѣсь окруженъ совѣтми не тѣми условіями, какъ было прежде.

Выше приведены, въ одномъ мѣстѣ, слова адреса Сацумы-Нагато, что “вся Японія принадлежитъ микадо и что нѣтъ въ ней человека, который бы не былъ слугою его”. Слова эти, какъ уже замѣчено, слѣдуетъ понимать отчасти метафорически. Дѣйствительно, микадо есть безпорный глава государства: но японцы не всѣ непосредственные подданные его. Его чиновники управляютъ лишь императорскими землями, *кенъ*, и городами, *фу*; собираютъ подати, производятъ судъ и расправу только въ нихъ. До княжескихъ же земель, *ханъ*, имъ почти нѣтъ дѣла, а во владѣніяхъ большихъ даймйосовъ они и вовсе не встрѣчаются. Однако же нельзя сказать, чтобы Японія, съ послѣднимъ переворотомъ, не сдѣлала фактическаго шага къ правительственному объединенію. Конечно, это объединеніе не имѣетъ того смысла, котораго добивались сіюгуны, т. е. насильственного сосредоточенія всей государственной власти въ однихъ рукахъ, въ ущербъ мѣстнымъ властямъ; но тѣмъ менѣе переворотъ, задуманный и исполненной-феодаліи аристократіею, сблизилъ разнородные члены государственнаго организма болѣе тѣсными, а главное болѣе разумными узами, чѣмъ было до того времени. Выраженіемъ этого единства страны, а вмѣстѣ и самоуправленія, явился парламентъ или, точнѣе, собраніе потаблей, т. е. тѣхъ же даймйосовъ и ихъ представителей. Этому парламенту не удалось быть собственно учредительнымъ собраніемъ, какъ того хотѣлъ послѣдній, отрекшійся отъ власти, сіюгунъ Іюшинубу (Стоцбаши); партія сильныхъ даймйосовъ провозгласила политическую реформу прежде, чѣмъ вожди всей страны успѣли собраться для совѣщаній, и тѣмъ произвела временное междуусобіе (1868—69 г.). Но весной 1869 мы уже видимъ въ Іеддо правильно-организованное государственное или общеземское собраніе Японіи. Сбѣзжались почти всѣ (за исключеніемъ 17-ти) князья, имѣющие право голоса, и совѣщались между собою. Только ихъ собранія не были довольно плодотворны, можетъ быть потому, что личныя вліянія отдѣльныхъ даймйосовъ слишкомъ много еще значили и разстроивали согласіе, а можетъ быть и просто отъ непривычки къ обсужденію государственныхъ дѣлъ въ многолюдномъ собраніи. На сеймѣ феодаловъ, правда, сдѣлано было нѣсколько патріотическихъ заявленій, приписано нѣсколько пожертвованій на общегосударственную пользу, отмѣнены *de jure* исключительныя и отжившія вѣкъ феодальныя права высшаго сословія, самое это сословіе слито въ одинъ классъ съ аристократіею придворною; но

учредительнаго значенія, въ смыслѣ передѣлки основъ государственнаго строя сеймъ не имѣлъ. Князья даже разѣхались мало-по-малу изъ Іеддо по своимъ областямъ, а на мѣсто ихъ стали уполномоченные дворяне, которые и образовали такъ называемую "Палату общихъ совѣщаній" (Shu-Gui-Hinn), продолжавшую законодательныя работы (*), иногда въ присутствіи самаго микадо, который прислушивался къ ходу преній, хваля про себя, съ своимъ верховнымъ совѣтомъ, безусловное veto. Въ февралѣ 1870 г. наконецъ и эта палата была распущена, и затѣмъ страна оставалась въ невѣдѣніи, возобновлялись ли засѣданія сейма, когда и при какихъ условіяхъ, т. е. станетъ ли Японія правильною конституціонною монархіею въ европейскомъ смыслѣ или еще сохранить надолго свое теперешнее переходное устройство. Парламентаризмъ появился въ ней, но видимо, не безъ вліянія нѣкоторыхъ чужеземныхъ авторитетовъ (**), отчасти же изъ-за увлеченія европейскими формами быта, — проциравшагося у нѣкоторыхъ до желанія федеральной республики, — и наконецъ изъ-за расчета нѣкоторыхъ виновниковъ послѣдняго переворота, хотѣвшихъ отъ цѣлаго сонма князей получить санкцію того, что ими совершено; но прочно утвердиться онъ конечно еще не могъ. Самыя общія микадо, торжественно имъ провозглашенныя, по составили еще дѣйствительнаго залога къ его упроченію. — Однако въ іюнѣ 1870 г. послѣдовалъ второй съѣздъ князей.

Первыя собранія дайміосовъ и ихъ уполномоченныхъ впрочемъ прошли отнюдь не безслѣдно. Между мѣрами, ими разсмотрѣнными и потомъ принятыми верховнымъ совѣтомъ и одобренными микадо, есть нѣсколько довольно важныхъ. Такъ напримѣръ во всей Японіи введены одни и тѣ же деньги. Прежде всякій князь чеканилъ свою монету или выпускалъ свои ассигнаціи; теперь монета хотя еще чеканится и въ княжествахъ, но сдѣлалась одообразною, а право выпуска ассигнацій оставлено за однимъ центральнымъ правительствомъ. Мало того; представители земли выразили увѣренность, что правительство въ немногіе годы извлечетъ ассигнаціи вовсе изъ обращенія, и указы микадо, послѣдовавшіе въ іюлѣ прошлаго 1869 г., узаконили выпускъ ассигнацій (32 1/2 милліона ріо) именно на этихъ условіяхъ, оправдывая ими одѣми и принудительный курсъ самыхъ бумажекъ (кинсацевъ). Затѣмъ весьма важною мѣрою нужно считать увольненіе множества якуниновъ, или солдатъ и мелкихъ чиновни-

(*) Собственно говоря, только разсмотрѣніе законодательныхъ проектовъ, безъ формулированія рѣшеній. Одна англійская газета въ логахъ поэтому справедливо замѣтила: "It is nominally a Parliament, but actually it is a Japanese debating society, without prerogatives or power".

(**) Англійскаго посланника Паркса, который много значить въ Іеддо.

новъ, изъ служилого сословія. Извѣстно, что въ Японіи все военныя и гражданскія должности составляли достояніе только особаго класса служилыхъ людей (чего то въ родѣ польской шляхты или пренныхъ нашихъ дѣтей боярскихъ), отягченныхъ правомъ носить двѣ сабли и считавшихся благородными, въ противоположность массѣ народа. Это сословіе праздное и честолюбивое, хотя довольно развитое, съ теченіемъ времени чрезвычайно размножилось и составляло не только военную силу страны, ея милицію, но и цѣлую армію чиновниковъ, которыхъ содержаніе дорого обходилось странѣ. Необходимость заведенія регулярныхъ войскъ и дороговизна ихъ устройства на европейскій манеръ вынудили правительство прибѣгнуть къ уменьшенію численности туземнаго сословія, и вотъ осенью прошлаго 1869 г. послѣдовало распоряженіе объ увольненіи около 400,000 якуниновъ отъ ихъ обязанностей съ оставленіемъ имъ небольшого содержанія рисомъ на два года и одной сабли вмѣсто двухъ. Въ сословіи столь честолюбивомъ и сразу лишенномъ средствъ существованія можно бы было ожидать бунта; но до весны 1870 года все обходилось благополучно, хотя многимъ бывшимъ офицерамъ пришлось отдать своихъ дѣтей въ услуженіе къ европейцамъ или къ богатымъ своимъ соотечественникамъ, опредѣлять въ матросы, по купеческимъ лавкамъ и проч. Только сами князья, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, не послушались императорскаго указа и продолжали держать якуниновъ въ прежнемъ комплектѣ, устрояя правительство появленіемъ сразу множества лопиновъ, т. е. людей безъ дѣла, а на самомъ дѣлѣ не желая уменьшить своихъ вооруженныхъ силъ и съ ними вліянія на ходъ дѣлъ въ государствѣ (*). Изъ прочихъ мѣръ, принятыхъ японскимъ правительствомъ во время парламентскаго періода его дѣятельности, назовемъ заключеніе концессіи на желѣзную дорогу отъ Іеддо въ Осаку, устройство телеграфа отъ Іеддо до Іокогамы, увольненіе множества иностранцевъ спеціалистовъ, содержаніе которыхъ обходилось дорого, и т. п. Но самое важное государственною и общественною реформою послѣднихъ двухъ лѣтъ нужно считать уничтоженіе наслѣдственныхъ должностей и званій. Кто знаетъ, какъ трудно бываетъ людямъ, привыкшимъ къ почету, праздности и незаслуженному вліянію, разставаться со всеми этими преимуществами, кто вспомнитъ, что въ Европѣ еще доселѣ льются потоки крови, чтобы поддержать недостойныя и устарѣлыя привилегіи нѣкоторыхъ родовъ; тотъ не безъ сочувствія и уваженія отнесется къ такой благородной рѣшимости японской знати. Эта рѣшимость служить и лучшимъ опроверженіемъ для упрековъ, которые слышались иногда со стороны европейской бюрократіи,

(*) Впрочемъ, спасенія нѣкоторыхъ князей могли быть и прекрещи: въ мартѣ 1870 г. якуниномъ князя Нагато дѣйствительно битовался.

обывающей сословіе японскихъ аристократовъ “гнилымъ”, конечно потому, что принципъ всецентрализирующаго чиновничества совершенно расходится съ началомъ земской федераціи, и что родовая знать отводитъ чиновникамъ лишь второстепенныя мѣста отвѣтственныхъ исполнителей и агентовъ, но не двигателей событій.

При распусценіи парламента для всѣхъ текущихъ дѣлъ центральное правительство въ Японіи образуетъ: а) микадо, б) верховный совѣтъ или *гиджю* съ его членами дайнагонами, и в) министры. Изъ членовъ совѣта, которыхъ число не превышаетъ 12 или 13-ти и которые могутъ быть только изъ казоку, т. е. изъ придворной и феодальной знати, наиболѣе извѣстны: Санжю-дайнагонъ, нѣчто въ родѣ канцлера имперіи предсѣдатель *гиджю*; Ивакура, товарищъ предсѣдателя и вмѣстѣ душа современнаго правительства, другъ Нагато и Сацумы; Токудайдзи-дайнагонъ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ; князь Хизенъ инки, т. е. неправящій уже княжествомъ; Охора-дайнагонъ, предсѣдатель Палаты совѣщаній, и Канда-кан, товарищъ предсѣдателя. Министрами микадо, т. е. главами отдѣльныхъ частей управленія въ собственно-императорскихъ земляхъ и только отчасти во всей Японіи, состоятъ: 1) по народному просвѣщенію князь Іеицзень, упасѣдовавшій эту должность отъ кн. Тозы, въ началѣ 1870 г. награжденнаго за заслуги 100,000 рю; 2) по внутреннимъ дѣламъ одинъ изъ дѣятѣльнѣйшихъ сотрудниковъ Сацумы-Нагато, князь Увадзима, которому подчиненъ по управленію путями сообщенія Ясуанга-Матакаки; 3) по финансамъ Окума-шии, бывшій офицеръ князя Хизена, авторъ проекта о кнсацахъ, въ товариществѣ съ Ито; 4) по вѣншимъ дѣламъ Сава-дайнагонъ, придворный аристократъ, имѣющій товарищемъ весьма вліятельнаго саповника Терасиму; 5) по юстиціи Сакки-дайнагонъ; 6) по церковному управленію синтосской религіи Накаяма-дайнагонъ. Что касается до управленія 7) военными и морскими силами, то Нагато и Сацума имѣли въ виду прибрать его лично къ своимъ рукамъ; но за признаннымъ неудобствомъ такой мѣры (*), должны были передать мѣста министровъ второстепеннымъ чиновникамъ; номинально-же оба вѣдомства соединены временно подъ управленіемъ нѣкоего Нинвадзима-міа, придворнаго саповника и генерала, мало искуснаго въ военномъ дѣлѣ. Для флота предполагалось сдѣлать адмираломъ нѣкоего Каца-Аву-но-ками, одного изъ капитановъ возмущившейся въ 1868 году эскадры *сіогуна*; но это назначеніе доселѣ не состоялось, ибо Каца-Ава остается вѣрнымъ своему бывшему повелителю, Стоцбаши, и живетъ съ нимъ въ уединеніи,

(*) Сацума однако-же, какъ говорятъ, не теряетъ надежды стать *сіогуномъ*, въ смыслѣ главнокомандующаго арміею, или-же генералъ-адмираломъ.

въ области *Сурунгѣ*. Одно время говорили даже, что правительство выпуститъ изъ заключенія самаго главнаго бунтовщика, Эномото: по этому пока не сдѣлано, какъ ли настоятельна надобность въ хорошемъ управителѣ морскихъ силъ. Изъ членовъ министерствъ, которые всѣ суть учрежденія коллегіальныя, извѣстенъ еще Окуба-Ичино, какъ искусный и вліятельный докладчикъ дѣлъ въ верховномъ совѣтѣ; а кромѣ того весьма важное значеніе между высшими саповниками занимаетъ начальникъ секретной полиціи или верховный цензоръ государства, имя котораго мы не знаемъ.

Сравнивъ этотъ списокъ съ тѣмъ, который былъ обнародованъ въ 1868 году, при началѣ послѣдняго переворота, мы видимъ, что главными государственными дѣятелями остаются тѣ-же лица, что были два года назадъ; только въ распредѣленіи должностей сдѣланы нѣкоторыя перемѣны. Такъ князя Увадзима и Іеицзень отъ управленія иностранными дѣлами перешли къ дѣламъ внутреннимъ и народнаго просвѣщенія; Накаяма-дайнагонъ замѣнилъ въ управленіи церковными дѣлами Сиракаву-сами, и проч. Но направленіе правительства осталось то-же, и за теперешними министрами и совѣтниками молодого микадо стоятъ по прежнему князья Сацума, Нагато и Тоза, ихъ личные и политическіе друзья, вынесшіе революцію на своихъ плечахъ. Впрочемъ безъ интригъ не обходится въ Іеддо, какъ вездѣ въ придворныхъ сферахъ, и самое собраніе представителей страны, которое должно бы регулировать дѣятельность правительства и уничтожить тайные происки, не имѣло на столько силы. И какъ революція 1868 года не для всѣхъ князей была благопріятна, да и для самой страны не во всѣхъ отношеніяхъ есть шагъ къ лучшему; то существуетъ партія, составляющая какъ бы оппозицію нынѣшнему правительству, впрочемъ оппозицію вѣрноподаданую. Между членами ея можно назвать князей Хиго, Сендая, Мито и нѣкоторыхъ другихъ, которые не вполне довольны нынѣшнею конституціею и желали бы: 1) чтобы микадо по прежнему только царствовалъ, а не управлялъ; 2) чтобы дѣйствительнымъ правителемъ государства было лицо небожественнаго происхожденія, съ положительною отвѣтственностью предъ страной и ея представителями, и 3) чтобы представительство было серьезное и правильно организовано... Но пока партія эта не сдѣлала большихъ успѣховъ въ достиженіи цѣлей своихъ. Ей удалось лишь получить прощеніе для Айдзу, который стоялъ во главѣ вооруженнаго возстанія за тайкунатъ (*), и смягчить наказаніе Эномото, бывшаго главнокомандующаго повстанцевъ; но кромѣ этихъ отрицательныхъ мѣръ, къ принятію которыхъ, быть можетъ, еще много содѣйствовало вліяніе

(*) Прощеніе Айдзу впрочемъ принимается и личнымъ симпатіямъ къ нему микадо.

лицъ нейтральныхъ, напр. князя Цикузена, она не успѣла ничего добиться. Въ последнее время, надобно думать однако-же, надежды ея оживились; ибо она открыто стала заявлять о необходимости выдвинуть снова на поприще событій бывшего сѳюгуна Стоцбаши, который, не смотря на свой высокій патріотизмъ и на то, что самъ добивался восстановленія *одной* центральной власти микадо, — что исполнено Сацумою и Нагато, — не смотря на это, не можетъ быть другомъ этихъ вождей революціи. Въ 1869 году шла рѣчь прямо о назначеніи Стоцбаши главою исполнительной власти, съ правами и званіемъ перваго министра; но бывший сѳюгунъ отказался. Потомъ придумали новую мѣру, которая бы, не оскорбляя самолюбія ех-тайкуна, давала ему могущественное вліяніе на ходъ дѣлъ: предложили создать особую должность главнаго управителя или интенданта императорскихъ земель, на должность эту назначить малолѣтняго родича Стоцбаши, сына князя Таясу, Каменоске, какъ официального главу фамиліи Токугава, а самаго ех-сѳюгуна поставить его попечителемъ. Но и этотъ проєктъ, имѣвшій по видимому все шансы успѣха при дворѣ, разбился объ отказъ Стоцбаши. Очевидно, что прежній “верховный повелитель” Японіи не хочетъ заимать второстепенныхъ ролей и состоять въ зависимости отъ бывшихъ своихъ противниковъ. Но кромѣ того, по несомнѣнно высокому патріотизму своему, онъ не желаетъ несвоевременнымъ появленіемъ на сценѣ политической дѣятельности возбуждать вновь страсти и столкновенія между современными дѣятелями въ Іеддо и въ княжествахъ. Выше приведенъ былъ примѣръ, какъ ему подражаютъ въ этомъ даже второстепенные его партизаны: слѣдуетъ, поэтому, отдать справедливость и ихъ доблестному гражданскому чувству, и ихъ политическому уму.

3. Частности управленія.

При чтеніи предыдущихъ страницъ, конечно, многое остается неяснымъ въ современномъ государственномъ устройствѣ Японіи. Но нельзя не замѣтить, что самое состояніе японскаго государства въ теперешнюю переходную эпоху сильно препятствуетъ опредѣлительности и ясности изложенія. Наибольше свѣдущіе въ японскихъ дѣлахъ иностранцы, знакомые съ языкомъ страны и поставленные весьма выгодно для производства изслѣдованій, не въ состояніи отвѣчать на многіе вопросы относительно теперешняго политическаго устройства Японіи (*); и даже сами туземцы, если они не принадлежатъ къ числу высшихъ административныхъ лицъ, не довольно знаютъ ходъ

(*) Разумѣю особенно переводчиковъ дипломатическихъ миссій, напр. Митфорда, Дюбуке, Маленду, свѣдѣніями которыхъ я отчасти

дѣлъ и даютъ на одинъ и тотъ-же вопросъ противорѣчащіе отвѣты. Поэтому, чтобы ступить на болѣе твердую почву, займемся теперь второстепенными подробностями правительственнаго устройства японскаго государства, изученіемъ его силъ и средствъ, организаціей мѣстнаго управленія и т. п. Японія, по своему географическому положенію безъ сомнѣнія призвана играть важную роль въ ходѣ событій на востокъ Азіи. Не будь она, вслѣдствіе долгаго своего отчужденія отъ всего міра, слаба политически, она стала бы тѣмъ-же для Азіи, чѣмъ Англія для Европы. Даже теперь она итааетъ самыя пламенные надежды стать государствомъ вліятельнымъ, сильною сухопутною и особливо морскою державою, и вотъ почему Англіи, подъ покровомъ дружбы, такъ усердно старается ослабить ее, то раззоряя контрибуціями за убійство какихъ-нибудь торговцевъ, неуважающихъ мѣстныхъ законовъ, то заставляя покупать дрянные пароходы и оружіе за баснословныя цѣны, то навязывая своимъ чиновниковъ въ составъ администраціи, подобно тому, какъ въ Китаѣ, то вынуждая давать концессіи, выгодныя для однихъ англичанъ (*). Японцы, конечно, не столько предусмотрительны и патріотичны, что теперь-же стараются парализировать сильныя иностранныя вліянія, поддерживаемыя нунками; но это не дѣлаетъ еще ихъ вполне способными сопротивляться могущественнымъ иностранцамъ. Армія и флотъ ихъ только въ зародышѣ, и хотя съ 1861 г. менѣе 15,000,000 р. издержано на покупку европейскихъ судовъ и едва-ли не болѣе на аммуницію и оружіе, хотя теперь, сверхъ коммерческаго флота въ

пользовался при составленіи книги. Г-нъ Маленда, къ которому я посылалъ настоящую главу на просмотръ, вотъ что писалъ ко мнѣ 7 іюля 1870 г. изъ Хакодате: “Не надѣясь на личное мое знаніе Японіи, я прочелъ вашу тетрадь одному ученому японцу, хорошо знающему съ японской исторіей. Онъ нашелъ, что ваше описаніе вѣрно и точно. Но относительно реформъ и другихъ *событій послѣдняго времени* какъ японцу, такъ и мнѣ очень мало извѣстно, ибо мы живемъ здѣсь вдали отъ правительственнаго центра”, и проч. Нѣчто подобное говорилъ мнѣ и г-нъ Дюбуке, живущій однако въ самомъ Іеддо. Г-нъ Митфордъ печатно засвидѣтельствовалъ трудность собирать свѣдѣнія о Японіи, въ которой однако живетъ нѣсколько дѣтъ и языкомъ которой хорошо владѣть. См. “Japan Herald” 1870.

(*) Припомнимъ факты: 1) за убійство купца Ричардсона взято 780,000 руб. сер. и раззоренъ городъ Кагозима съ 100,000 населенія; 2) за нѣсколько выстрѣловъ въ корабль Медузу, Пемброкъ и Киньшанъ взыскана контрибуція въ 4½ мил. руб. сер. и бомбардированъ гор. Симоносакки; 3) во время хакодатекаго возмущенія англичане снабжали японцевъ пароходами за плату 500 долларовъ въ день съ судна въ 1000 тоннъ; 4) старые, почти гнилые суда продавались по 360 руб. сер. за тонну вмѣстѣмѣсти; 5) при іюкагамскомъ губернаторѣ поставлено около 20 англійскихъ агентствъ на японскомъ жалованьи, и проч.

75 кораблей и пароходовъ, есть 14 собственно военныхъ судовъ, и между ними два броненосца; но все это далеко не служить гарантіею, что берега страны не будутъ раззорены теперешними-же друзьями при первой попыткѣ дѣйствительно освободиться отъ вліянія ихъ. О сухопутной арміи можно сказать то-же. Въ складахъ японскихъ, центрального правительства и князей, есть болѣе полу-милліона европейскихъ винтовокъ, частію даже скорострѣльныхъ; численность войскъ можетъ быть доведена до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человекъ самой доблестной храбрости, какъ показали дѣла въ Кагозимѣ и Хакодате; но воевать съ этими людьми, *soi-disant* обученными по-европейски, противъ настоящихъ европейскихъ войскъ пока невозможно. Японская армія теперь напоминаетъ армію Петра Великаго передъ 1700 годомъ: ей нужна еще Нарва, нужны многіе годы походовъ, лишеній, неудачъ, строгаго пріученія себя къ дисциплинарнымъ порядкамъ и поддержанію хорошаго тактического устройства, нужны прочная организація и опытные начальники, чтобы добиться своей Полтавы. Правительство японское, конечно, поняло, что ему нужно образовать сначала хорошіе кадры; оно построило въ нѣкоторыхъ городахъ казармы, водворило въ нихъ нѣсколько тысячъ якушиновъ, прежнихъ миллионеровъ, ввело между ними строевые европейскіе уставы; но до обладанія европейскими войсками оно еще не достигло, за исключеніемъ развѣ блистательнаго небольшого отряда, 1200 человекъ, составляющаго гвардію микадо и напоминающаго французскихъ зуавовъ или нашихъ кавказскихъ стрѣлковъ. Бѣдность финансовыхъ средствъ и недавность учрежденія самой арміи служатъ причинами, что японскія войска теперь скорѣе возбуждаютъ улыбку иностранца, чѣмъ серьезное вниманіе. И если-бы не рыцарскій духъ, ихъ оживляющій и выразившійся напр. тѣмъ, что въ Хакодате сторонники тайкуна не хотѣли сдаться многочисленнымъ своимъ противникамъ прежде, чѣмъ не разстрѣляли всѣхъ патроновъ, имперіалсты-же, съ своей стороны, узнавъ о недостаткѣ у храбрецовъ продовольствія, посылали имъ таковое отъ себя,—еслибы не этотъ духъ, то никакого уваженія къ себѣ японскія войска не могли бы возбуждать въ военныхъ людяхъ Запада. Въ одномъ впрочемъ можно быть увѣреннымъ: въ случаѣ борьбы съ вѣншимъ врагомъ, сыны имперіи восходящаго солнца будутъ стоять за нее храбрѣе, чѣмъ китайцы или персіане за свое отечество. Эту черту ихъ вѣрно оцѣнилъ еще Зибольдъ, хотя онъ жилъ въ Японіи въ совершенно мирное время.

Войска подчинены либо непосредственно центральному правительству, если заведены имъ въ императорскихъ земляхъ, либо князьямъ. Число первыхъ, если считать только находящихся на дѣйствительной строевой службѣ, весьма невелико и простирается всего до 13,000 человекъ. У князей есть подъ ружьемъ вѣроятно болѣе 100,000, и

весьма странно, что эти войска до сихъ поръ избѣгали всякаго контроля со стороны общегосударственной власти. Только въ маѣ 1870 года онѣ предстали на *общій* смотръ микадо, смотръ впрочемъ чисто внѣшній, парадный, но не инспекторскій. Въ случаѣ внѣшней войны, однако, онѣ должны составлять одну армію съ войсками самаго императора, и численность этой арміи нетрудно опредѣлить изъ слѣдующихъ данныхъ. Указомъ 21 марта 1870 года установлено, чтобы на каждые 10,000 кокфъ поземельнаго дохода съ областей выставилось 60 человекъ пѣхоты^(*), что при 27,000,000 дохода со всей имперіи дастъ 162,000 человекъ или пѣсколько менѣе, такъ-какъ одинъ всадникъ соответствуетъ пѣсколькимъ пѣхотицамъ. Но эта норма пока есть чисто фиктивная, и князья, для личныхъ цѣлей нисколько ей не стѣсняются. Князь Сацума, напр., официально имѣетъ дохода 760,000 кокфъ; слѣдовательно, ему подобало бы содержать болѣе 4,560 воиновъ; но онъ ихъ содержитъ свыше 20,000, чтобы имѣть большевліяніе на дѣла внутри государства. Для снятія съ себя зависимости по вооруженію арміи отъ иностранцевъ японское правительство съ 1865 г. успѣло завести разныя военно-техническія учрежденія; но пока ихъ дѣятельность незначительна, хотя въ одномъ Іеддо уже отлито болѣе 100 орудій и исправлены многія тысячи ружей, пришедшихъ въ негодность отъ небрежнаго съ ними обращенія. Хорошая литейная находится въ Осакѣ. Для флота есть два общія казенныя учрежденія: пароходный заводъ въ Аконурѣ и арсеналъ-адмиралтейство въ Йокоскѣ съ механическимъ отдѣленіемъ въ Йогоамѣ. Частная верфь съ механическимъ заводомъ находится еще въ Хіого. Для образованія офицеровъ заведены военныя школы: въ Іеддо, при тамошнемъ высшемъ училищѣ и въ связи съ арсеналомъ, главная; тамъ-же второстепенная частная; близъ Йогоамы, въ Отамурѣ, опять частная, основанная пѣкинъ Кавацуки, бывшимъ сановникомъ тайкуновскаго правительства, и идущая столь успѣшно, что правительство беретъ ее на себя, съ перепосомъ въ Осаку^(**). Кромѣ того многіе японскіе офицеры получили образованіе въ военныхъ училищахъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, куда и донинѣ посылаются молодые люди для усовершенствованія. Морскіе офицеры образовались болѣею частью въ Голландіи и практически на голландскихъ судахъ; теперь съ тою же цѣлью пѣсколько молодежи поступило въ англійскій флотъ. Нѣкоторые изъ японскихъ морскихъ офицеровъ, какъ напр. Энмото, стоятъ на хорошемъ счету у европейскихъ моряковъ; вообще-же

(*) При Іеясѣ, какъ видно изъ его записанія, пропорція была иная, именно съ 10,000 кокфъ 50 всадниковъ: но это, надо думать, относилось къ военному времени. Позднѣе отношеніе было илѣе иное, съ преобладаніемъ пѣхоты.

(**) Что и сдѣлано лѣтомъ 1870 г.

дѣло морскаго образованія японцевъ подвигается такъ быстро, что теперь на немногихъ лишь купленныхъ ими судахъ встрѣчаются европейцы, въ званіи капитановъ или механиковъ: весь-же прочій личный составъ исключительно туземный. Лѣтомъ 1870 г. японцы думали начать и самую высшую морскую службу—составленіе описей, для чего ими былъ приготовленъ въ Іеддо корабль и приглашенъ въ руководители англійскій гидрографъ.

Частію въ видахъ успѣшной обороны страны, частію для развитія ея внутреннихъ богатствъ, японское правительство въ послѣднее время рѣшилось приступить къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Съ этою цѣлью дава концессія одному англійскому спекулятору, Лей, бывшему директору китайскихъ таможенъ, удаленному изъ Пекина по интригамъ своего болѣе искуснаго преемника. Англичанинъ согласился хлопотать объ открытіи японскому правительству на лондонскомъ рынкѣ кредита въ 1,000,000 фунт. стерл. съ тѣмъ, чтобы ему дано было право на проведеніе желѣзнаго пути отъ Іеддо въ Осаку. Сумма 6,300,000 руб. сер. очевидно недостаточна для дороги въ 450 верстъ длиною и проходящей чрезъ гористыя мѣстности; но бѣдный іеддоскій кабинетъ долженъ былъ подчиниться вліянію “друга”, сэра Г. Паркса, чтобы хорошо помѣстить у себя дружескіе капиталы, а еще болѣе, чтобы окончательно уплатить симоносакскую контрибуцію..... Впрочемъ, въ апрѣлѣ 1870 года прибыли въ Токогаму и инженеры-строители. Другія дороги Японіи, вѣдь существующія, суть шоссе по семи главнымъ линіямъ, перерѣзывающія всю страну вдоль, отъ Сангарскаго пролива до Нагасаки и Кагозимы, и мелкіе проселки, которые правильнѣе назвать тропинками, чѣмъ дорогами. Они часто вымощены или шоссированы, имѣютъ мосты или мостики изъ дерева или каменныхъ плитъ; но для ѣзды въ европейскихъ экипажахъ болѣею частью негодны, какъ по своей узкости, такъ и по крутизнѣ спусковъ. Кромѣ того, на многихъ проселкахъ имѣются лѣстницы, а перевозки черезъ нныя рѣки, особенно быстрыя, вмѣсто паромовъ и лодокъ, дѣлаются на людяхъ, вбродъ, при чемъ перевозчики несутъ тяжелую уголовную отвѣтственность за безопасность переносимыхъ людей. Большія шоссе можно считать вообще хорошими путями въ европейскомъ смыслѣ; только они уже нашихъ дорогъ и, въ свою очередь, страдаютъ иногда отъ крутизны подъемовъ и спусковъ. Всѣ семь главныхъ дорогъ, Токаидо, Тоозандо и проч. состоятъ подъ особымъ попеченіемъ центральнаго правительства, чрезъ чьи бы земли онѣ ни проходили; забота-же о проселкахъ снова лежитъ на мѣстныхъ властяхъ. Поддержка большихъ дорогъ превосходна, и ихъ можно считать украшеніемъ страны какъ по тщательной отдѣлкѣ полотна и мостовъ, такъ и по видѣ, ибо онѣ вездѣ почти обставлены прекрасными аллеями. Во всей Японіи на перекресткахъ путей, даже малѣйшихъ просел-

ковъ, поставлены каменные столбы съ надписями, обозначающими направленіе дорогъ и разстоянія отъ Іеддо.

По дорогамъ устроены почты, впрочемъ только легкія, для пересылки писемъ и для ѣзды чиновниковъ. Съ этою цѣлью заведены въ городахъ почтовые конторы, а на дорогахъ станціи, гдѣ впрочемъ содержится не лошади, а люди. Число ихъ, по одному изъ новѣйшихъ указовъ микадо, должно сообразоваться съ важною дорогами и станціи, а также съ цѣнами рѣса, даваемого въ жалованье. Японскій почтарь есть обыкновенно молодой человѣкъ изъ бѣднаго класса, проживающій на станціи почти безотлучно. Какъ только до него доходитъ очередь отправлять службу, онъ долженъ быть готовъ каждую минуту. Приходитъ почта, т. е. прибѣгаетъ съ нею такой же почтальонъ съ сосѣдней станціи, гонецъ принимаетъ отъ него упакованные ящички, вмѣстѣ съ накладною, помѣщаетъ ихъ на концы небольшого коромысла, которое перекладываетъ по мѣрѣ надобности, съ одного плеча на другое, и отправляется въ путь. Если погода хороша, т. е. негрязно и не очень жарко или холодно, онъ бѣжитъ съ такою скоростью, что почта дѣлаетъ отъ 120 до 180 верстъ въ сутки. Лѣтомъ почтарь почти нагъ и имѣетъ только сандалии и поясъ; зимой и въ дождь надѣваетъ онъ соломяный плащъ и шляпу. На большихъ дорогахъ нерѣдко содержится по нѣскольку десятковъ подобныхъ почтарей на каждой станціи; по службѣ ихъ не правильна, ибо отправленіе почтъ зависитъ отъ надобности: иногда въ цѣлыя сутки не встрѣчается ни одного гонца, иногда одинъ слѣдуетъ почти непосредственно за другимъ. Въ случаѣ прибытія какого-либо чиновника, ѣдущаго по службѣ, почтари несутъ его норимонъ, получая за то особую поверстную плату. Станціи находятся одна отъ другой въ 8, 10, иногда болѣе верстахъ. Между важнѣйшими приморскими городами японцы пользуются для доставленія чиновниковъ и солдатъ европейскими почтовыми пароходами и еще болѣе своими собственными, принадлежащими разнымъ князьямъ или центральному правительству. Теперь они хотятъ даже вступить въ конкуренцію съ Pacific Mail S. S. C^o и западноевропейскими пароходными компаніями, устроивъ правильное и частое сообщеніе Іеддо съ Осакою помощью особо-назначеннаго на то парохода “Dispatchion”, который можетъ дѣлать рейсы взадъ и впередъ въ 5 или 6 дней.

Островъ Мацмай не имѣетъ другихъ дорогъ, кромѣ одной, вдоль береговъ, и нѣсколькихъ тропинокъ внутри страны, преимущественно на югъ. Впрочемъ можно думать, что японцы теперь позаботятся устройствомъ и здѣсь путей сообщенія, которые становятся необходимыми при усиливающейся колонизаціи. Съ перенесеніемъ центра управленія островомъ изъ Хакодате на устье Нискари, нужно соединить послѣднюю мѣстность съ первою сухопутной дорогой, потому

что морская легко можетъ быть отрѣзана. Равнымъ образомъ и средоточія округовъ не могутъ же оставаться безъ сообщеній между собою. Впрочемъ на скорое проведеніе хорошихъ дорогъ въ столь гористой странѣ, какъ Мацмай, нельзя много рассчитывать.

Устроивъ по всей странѣ пути сообщенія и почты, японцы позаботились и о другой отрасли внѣшняго государственнаго благоустройства, о тюрьмахъ. Головиннѣ, сидѣвшій въ одной изъ такихъ тюремъ, описалъ намъ ея устройство; но конечно хакодатская тюрьма не можетъ служить нормою для другихъ. Вообще японскія тюрьмы состоятъ изъ двора съ окружающими его карцерами, которые всѣ имѣютъ задвижную рѣшетчатую дверь на дворъ, такъ что сторожу видно, что дѣлаютъ арестанты. Этого-то рода карцеры называлъ Головиннѣ клѣтками, но ихъ тѣснотѣ. Но впрочемъ есть и другія помѣщенія, еще менѣе удобныя; только ни онѣ, ни головнинскія "клѣтки" не служатъ обыкновенно мѣстами пребыванія знатнѣйшихъ преступниковъ. Последніе болѣею частью арестуются дома и предпочитаютъ, если не видятъ возможности оправдаться, добровольную смерть. Однако мы видимъ, что въ наше время убѣжденія японцевъ въ послѣднемъ отношеніи нѣсколько измѣнились, вѣроятно подвліяніемъ европейскихъ идей. Такъ Эномото Кумадзиро, заключенный подъ арестъ, не вздумалъ распоротъ себѣ животъ, хотя вина его самая крупная: вооруженный бунтъ противу правительства и еще провозглашеніе въ монархической странѣ республики. Преступники, заключенные въ тюрьмахъ, обыкновенно проводятъ время въ праздности; но въ послѣднее время японское правительство начинаетъ приходить къ мысли употреблять ихъ на общественныя работы.

Коснувшись японскихъ тюремъ, можно бы поговорить объ уголовномъ судопроизводствѣ и даже законодательствѣ Японіи; но предметъ этотъ, по своей обширности и специальности, можетъ быть рассмотрѣнъ только особо. Теперь же, продолжая обзоръ общаго государственнаго устройства, скажемъ нѣсколько словъ объ управленіи городами и провинціями. Всѣ они вывѣ раздѣляются на три разряда: *фу*, *кэн* и *ханъ*. Къ первымъ принадлежатъ большіе города, какъ двѣ столицы и Осака; ихъ правители подчинены прямо императору. Округи кѣнъ суть также участки или колоніи, принадлежащія непосредственно микадо, но управляемые обыкновенными чиновниками, подвѣдомственными центральной администраціи въ Іеддо. Эти округи составляютъ большинство императорскихъ земель и недавно получили нормальные штаты администраціи. Ханъ суть всѣ княжескія земли, гдѣ управленіе и назначеніе чиновниковъ принадлежитъ высшему феодальному дворянству. Въ императорскихъ земляхъ нормальнымъ размѣромъ округа принята территорія со 100,000 кокѣ годоваго дохода, и въ такомъ округѣ по штатамъ положено содер-

жать 18 чиновниковъ: губернатора — *цукесидзи*, вице-губернатора — *санъси*, четырехъ старшихъ совѣтниковъ — *тайзоку*, четырехъ младшихъ — *созоку*, трехъ судей — *шусеи*, и пять полицейскихъ офицеровъ — *хобоката*. Губернаторъ и вице-губернаторъ назначаются по способностямъ; между совѣтниками должно быть изъ отставныхъ офицеровъ три старшихъ и два младшихъ. Въ распоряженіи окружнаго начальства состоятъ два разсыльных — *китосибу*. При нормальномъ размѣрѣ округа жалованье всей администраціи должно стоить въ годъ 1200 рю или около 3000 рублей, что показываетъ скромность денежныхъ окладовъ;* но за-то чиновники пользуются помѣщеніемъ въ казенныхъ зданіяхъ. Мѣстные расходы округа: содержаніе казенныхъ построекъ, дорогъ, тюремъ, сооруженіе школы, прогонъ чиновниковъ и проч., не должны превышать въ императорскихъ земляхъ двухъ третей всего дохода, собираемаго съ округа; одна же треть должна быть отправляема въ главное казначейство. Изъ княжескихъ доходовъ назначена въ пользу главной казны только одна десятая часть; но и та, какъ слышно, уплачивается весьма не исправно. Если въ округѣ кѣнъ доходъ превышаетъ 100,000 кокѣ, то на каждые 10,000 к. (мапгоку) прибавляется къ 18-ти чиновникамъ еще одинъ, а если округъ не даетъ 100,000 к., то число чиновниковъ соответственно уменьшается. Въ открытыхъ портахъ полагается одинъ лишній вице-губернаторъ собственно для веденія дѣлъ съ иностранцами.

Губернаторъ большаго города или округа есть глава администраціи по всѣмъ отраслямъ управленія: судебная, финансовая, учебная и даже военная части не отдѣлены отъ полицейской. По судебной части власть его весьма обширна, и онъ можетъ утверждать и приводить въ исполненіе всякіе приговоры надъ преступниками, за исключеніемъ смертной казни, чѣмъ только власть его и отличается отъ власти удѣльныхъ князей. По учебной онъ ограничивается лишь общимъ надзоромъ и содержаніемъ правительственныхъ училищъ (въ Осакѣ, Нагасаки и пр.), а по военной только распоряженіями о службѣ войскъ.

Изложенные сейчасъ штаты чиновниковъ, какъ недавно обнародованные, не вполне введены еще въ дѣйствіе, и потому администрація японская на дѣлѣ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ назначаютъ они. Чтобы дать понятіе объ этой многочисленности, замѣтимъ, что въ городѣ Іокогамѣ, имѣющемъ съ небольшимъ 20,000 жителей, есть нѣсколько сотъ чиновниковъ, для которыхъ даже построены правительствомъ отдѣльные казармы-дома, занимающіе цѣлыя кварталы. Правда, въ этомъ числѣ есть 220 человекъ таможенныхъ дѣлопро-

(*) По въ большихъ городахъ содержаніе губернаторовъ очень значительно; напр. нагасакскій получаетъ около 12,000 р. сер.

изводителей, писарей, опѣшниковъ и пр., но уже эта самая цифра показываетъ, что японская бюрократія любитъ пускаться широкіе корни и разрастается въ дерево очень вѣтвистое, которое, какъ вездѣ, сосетъ почву страны. Въ Іеддо, гдѣ вовсе почти нѣтъ вѣтвей торговли, дома таможенныхъ якушиновъ также составляютъ цѣлый кварталъ. И еще нужно замѣтить, что сверхъ арміи правительственныхъ чиновниковъ каждый городъ имѣетъ свою внутреннюю, отчасти выборную администрацію — хозяйственную и полицейскую. Городской совѣтъ изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей составляетъ центръ ея, подчиненные ему *оттоны* суть участковые начальники, а *кажисры* — городовые, люди большею частію изъ самаго бѣднаго разряда мѣстныхъ якушиновъ, которымъ подвѣдомственны толпы рабочихъ, обязанныхъ являться на пожары для тушенія огня. Для выщаго надзора за жителями всѣ домохозяева раздѣлены на пятки, которыхъ члены обязаны смотрѣть другъ за другомъ, немедленно доносить полиціи, если замѣтятъ что у сосѣдей, и нести общую отвѣтственность, если у домовъ ихъ случится какой-нибудь безпорядокъ.

Въ деревняхъ цѣлой Японіи есть старосты и своего рода приказы или сельскія управы, всегда отличенныя тѣмъ, что на нихъ развивается общепонскій флагъ. Какъ велика ихъ власть, мнѣ неизвѣстно; но что они не остаются безъ дѣла, это можно заключить изъ того, что когда ни загляни въ сельскія канцеляріи, всегда найдешь тамъ писцовъ за работою. Видно, что любовь къ писанію глубоко укоренилась въ японской администраціи, отъ верху до низу. При сельскихъ управахъ есть арестантскія комнаты; около каждой подобной управы сдѣланъ навѣсъ, подъ которымъ помѣщаются всѣ послѣднія правительственныя распоряженія, приклеенныя или написанныя на досочкахъ, что и составляетъ единственный способъ ихъ обнародованія, способъ удобный вполнѣ, ибо въ Японіи нѣтъ безграмотныхъ.

Взиманіе податей приведено въ строгую систему и производится на основаніи окладныхъ табелей, которыя существуютъ вездѣ и составлены по дознанной опытомъ доходности поземельныхъ участковъ. Въ Японіи главный государственный доходъ составляетъ поземельный налогъ, который чрезвычайно высокъ, простираясь отъ 40 до 50 % сбора въ императорскихъ земляхъ и отъ 50 до 60 % въ княжескихъ. Такимъ образомъ десятина земли даетъ землевладѣльцу отъ 15 до 20 руб. сер. въ годъ. За то имѣется та выгода, что сельскіе жители не знаютъ уже другихъ налоговъ и, слѣдовательно, не могутъ быть, по невѣжеству своему, обираемы мелкими чиновниками, которые въ сложной финансовой махинаціи другихъ государствъ видятъ для себя источникъ обогащенія. Впрочемъ безъ злоупотребленій и тутъ не обходится. Такъ зимою 1870 г. были довольно серьезные волненія въ нѣкоторыхъ деревняхъ къ сѣверо-западу отъ Іеддо,

именно по поводу излишнихъ сборовъ, которыхъ требовали императорскіе чиновники съ жителей нѣкоторыхъ деревень. Въ княжескихъ удѣлахъ также случаются притѣсненія отъ произвола чиновниковъ, а иногда и отъ произвола самихъ князей. Такъ-какъ поселене суть не болѣе, какъ арендаторы, то произволу знати отрывается обширное поприще при назначеніи и взиманіи арендной платы. Произволъ этотъ хотя и стѣсняется отчасти императорскими чиновниками, имѣющими характеръ цензуровъ, но не въ такой степени, чтобы не возбуждать по временамъ рѣзкихъ неудовольствій. Такъ въ началѣ 1870 года были волненія между крестьянами князя Оварл, конечно усмиреныя казнями, но едва-ли искорененныя этимъ въ источникъ.... Вѣроятно, подобные эпизоды случаются часто и въ другихъ мѣстностяхъ; но до иностранцевъ въ Японіи свѣдѣнія о нихъ не доходятъ.

Размѣры государственнаго поземельнаго сбора извѣстны съ точностью. Онъ составляетъ, при нормальномъ урожаѣ, 6,020,000 кофѣ въ императорскихъ земляхъ, болѣе 18,000,000 кофѣ въ удѣлахъ тѣхъ князей, которые имѣютъ свыше 10,000 кофѣ, и около 1,700,000 въ имѣніяхъ мелкой аристократіи. Сравнивая эти итоги съ тѣми, которые сообщены Кемпферомъ (*) и относясь ко второй половинѣ XVII столѣтія, мы видимъ, что доходность земель съ того времени почти-что не измѣнилась, что и естественно, если принять въ расчетъ, что годныя для обработки участки, при гористой мѣстности Японіи и давнишней густотѣ ея населенія, уже изстари сполна обработаны. Тѣ клочки земли, иногда лишь въ 3—4 квадрат. сажени, которые крестьяне успѣваютъ разработать на крутыхъ откосахъ горъ (**), остаются свободными отъ налоговъ, и вотъ гдѣ причина, что, не смотря на увеличеніе населенности страны съ теченіемъ времени, народъ не умираетъ съ голоду. Впрочемъ продовольствіе массъ въ послѣднее время много зависитъ, кромѣ мѣстныхъ урожаевъ, отъ ввоза иностраннаго риса. Этотъ ввозъ растетъ съ каждымъ годомъ и въ 1869 году былъ свыше 4,500,000 пудовъ. Само правительство рѣшилось купить около 360,000 пуд. за границею для продовольствія бѣдныхъ людей, къ большому огорченію англійскихъ и китайскихъ купцовъ въ Токогамѣ.

(*) Въ законахъ Гоугенсамы, переведенныхъ Диксономъ, общая цифра императорскихъ доходовъ опредѣлена въ 8,000,000 кофѣ, а княжескихъ въ 20,000,000; но Гоугенсама жилъ въ началѣ XVII вѣка, а Кемпферъ въ концѣ. Притомъ неясно разумѣть *остъ* доходы, между прочимъ и съ большихъ императорскихъ городовъ, а Кемпферъ только поземельный налогъ.

(**) Не всѣ такіе скаты дозволено разрабатывать, чтобы чрезъ обнаженіе отъ лѣса не сдѣлать стока воды съ нихъ слишкомъ быстрымъ и разрушительнымъ для лежащей ниже почвы. Площадки всегда суть террасы съ каменною, дорого стоящею одеждою уступа.

О другихъ доходахъ японскаго императора и князей—съ лѣсовъ, рудниковъ, таможенъ, переправъ, публичныхъ домовъ, земель уступленныхъ иностранцамъ подъ дома и проч., нельзя сказать ничего опредѣлительнаго по неимѣнію численныхъ данныхъ. Частнымъ образомъ извѣстно, что доходы съ іокогамской таможни простираются до 3,200,000 руб. сер., что даетъ для всего таможенного дохода Японіи приблизительную цифру 3,700,000 рублей. Съ мѣстъ, отдаваемыхъ иностранцамъ въ пользованіе собирается во всѣхъ восьми портахъ едва-ли 200,000 рублей. Относительно прочихъ статей дохода нельзя привести и такихъ, полугадательныхъ цифръ. Но слѣдующія данныя любопытны потому, что даютъ понятіе о государственныхъ расходахъ Японіи. Данныя эти, впрочемъ, относятся только къ удѣлу самаго микадо и представляютъ еще не нормальный бюджетъ, потому что 1869 годъ былъ неурожаенъ. По отчету министра финансовъ расходы были:

1. Домашніе расходы императора	150,000 кофѣ	
2. Содержаніе царствующей императрицы. . .		
3. Содержаніе вдовствующей императрицы . .		
4. Издержки князей императорской крови . . .	170,000	—
5. Содержаніе трехъ императорскихъ замковъ: въ Кіото, Осакѣ и Іеддо	100,000	—
6. Постройка и починка синтоескихъ храмовъ . .	30,000	—
7. Издержки по министерствамъ иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, парламенту и столичной полиціи.	120,000	—
8. Вооруженіе и снаряженіе арміи и флота. . .	300,000	—
9. Литейные и желѣзодѣлательные заводы. . .	70,000	—
10. Жалованье офицерамъ и чиновникамъ . . .	220,000	—
11. Пенсіи	200,000	—
12. Содержаніе плѣнныхъ въ послѣднюю войну . .	120,000	—
13. Больницы для бѣдныхъ	60,000	—
14. Народное просвѣщеніе: содержаніе коллегій въ Іеддо, школъ въ Осакѣ и Нагасаки. (Всѣ другія училища въ странѣ суть учрежденія частныя или общественныя, но не государственныя).	50,000	—
15. Землѣдѣіе и пути сообщеній: дренажъ полей, устройство мостовъ, дорогъ, переправъ и проч.	150,000	—
16. Расходы финансового управленія: рудный промыселъ, казенныя постройки, прогоны чиновникамъ	130,000	—
17. Провинціальное управленіе	150,000	—

18. Уплата процентовъ по частнымъ займамъ правительства, 10% въ годъ съ 3,500,000 ріо	130,000	—
19. Погашеніе ассигнацій, распредавленное на 10 лѣтъ; при суммѣ 32,500,000 ріо . . .	666,666	—
20. Непредвидѣнные расходы, главнымъ образомъ военные, на колонизацію и на путешествія микадо между столицами (*) . . .	300,000	—
Итого	3,246,666	—

Принимая стоимость кофѣ риса въ 1869 году примѣрно въ 6 руб. сер., получимъ, что весь бюджетъ расходовъ въ этомъ году былъ около 20,000,000 рублей. Но доходовъ по отчету министра поступило всего 1,981,350 кофѣ, т. е. менѣе 12 мил. руб.; слѣдовательно дефицитъ простирается до 8 слишкомъ миллионныхъ рублей или $3\frac{1}{2}$ бюджета. И это еще не все. Министерству финансовъ стоило большихъ хлопотъ привести расходы къ $3\frac{1}{4}$ миллионамъ кофѣ; по нормальной росписи доходовъ въ императорское казначейство должно поступать и конечно расходоваться ежегодно 7,925,000 кофѣ, т. е. вчетверо болѣе, чѣмъ дѣйствительно поступило. Министръ не безъ основанія упрекаетъ въ этомъ печальномъ состояніи финансовъ страны бывшее безконтрольное правительство тайкуновъ, которое заботилось только о вооруженіяхъ и покупкѣ судовъ, конечно неподходящихъ для борьбы съ иностранцами, но бывшихъ ему нужными для осуществленія деснотическихъ замысловъ внутри государства.

Любопытно теперь взглянуть на мѣры, которыя употребило японское правительство, чтобы вывернуться изъ финансовыхъ затрудненій. Самою главною, конечно, былъ выпускъ на 5,000,000 ріо, или на 12,500,000 номинальныхъ рублей, кинсаповъ, т. е. ассигнацій, которыхъ происхожденіе относится еще къ 1868 г. Чтобы однако-же наплывомъ большаго числа безпроцентныхъ бумагъ на рынокъ не обезцѣнить ихъ и не сдѣлать въ послѣдствіи самый выкупъ невозможнымъ, правительство назначило предѣльную сумму ихъ выпуска въ 32,500,000 ріо и затѣмъ объявило о рѣшимости своей выкупить ихъ въ 10 лѣтъ. Выбѣтъ съ тѣмъ оно придало этимъ билетамъ обязательный курсъ, а чтобы привлечь въ свои кладовыя серебро, прибѣгло къ довольно рѣзкой мѣрѣ. Въ составѣ министерства финансовъ созданъ особый торговый департаментъ и ему предложено при всѣхъ продажахъ иностранцамъ японцами товаровъ уплаченную за нихъ монету брать въ правительственныя кассы, а купцамъ выдавать кинсапы. Равнымъ образомъ и при уплатѣ иностранцамъ серебра купцы обязаны сдавать оное въ кассы депар-

(*) На перѣѣзды микадо подарена значительная сумма кинсезъ Кангою.

тамент, а этотъ послѣдній уже выплачиваетъ слѣдующія суммы нистрами, причемъ выигрываетъ нѣсколько на ихъ курсѣ. Затѣмъ, по недостаточности и невѣрности этого способа покрыть расходы, которые между тѣмъ стали быстро возрастать, правительство нашлось вынужденнымъ въ началѣ 1870 года сдѣлать заемъ въ 6,300,000 рублей чрезъ англійскаго агента, получившаго, сверхъ 3% коммиссіонныхъ денегъ, еще концессию на желѣзную дорогу, съ которой гарантированы 12%, безъ опредѣленія предѣльной стоимости пути. Теперь японцы по-видимому рѣшаются вступить на общую вѣсьмъ западнымъ государствамъ дорогу-большихъ вышнихъ займовъ, и лѣтомъ 1870 г. носились слухи, что по этому предмету идутъ переговоры съ американцами; но каковъ результатъ ихъ, еще неизвѣстно.

Большія надежды для поправленія своихъ финансовъ японцы возлагаютъ на развитіе доходнаго горнаго промысла, и для этого ими приглашено не мало иностранныхъ инженеровъ съ цѣлью устройства хорошихъ горныхъ заводовъ. Но пока эти заводы устроятся, необходимость заставила уступить нѣкоторые рудники чужеземнымъ спекуляторамъ въ аренду. Такъ извѣстный торговецъ кораблями, Гловеръ, получилъ, въ уплату за долги князя Хизена, разработку угля на островѣ Такасимѣ, близъ Нагасаки, при чемъ каждая тонна выработаннаго вещества засчитывается всего за 2 доллара, тогда какъ уголь продается тутъ-же въ Нагасаки по 4½ доллара.

Нѣкоторый доходъ начинаютъ приносить японскому правительству кораблестроительныя учрежденія въ Йокоскѣ и Аконурѣ, гдѣ иногда чинятся иностранныя суда. Также и таможенные доходы растутъ; но все это поглощается постройкамъ въ портахъ и заводахъ, а также многочисленную администрацію.

4. Современное направленіе внутренней политики.

Три предыдущіе очерка даютъ понятіе о правительственномъ устройствѣ Японіи и отчасти о современномъ состояніи этого государства. Теперь посмотримъ, какія политическія и социальныя цѣли преслѣдуются нынѣ въ этой странѣ и какъ преслѣдуются, т. е. каковъ характеръ дѣятельности нынѣшняго іеддоскаго правительства. Для этой цѣли мы прибѣгнемъ къ извлеченіямъ изъ законовъ, обнародованныхъ правительствомъ и къ тѣмъ заявленіямъ общественнаго мнѣнія самихъ японцевъ, которыя получили наибольшую извѣстность. Вотъ, во первыхъ, полный текстъ манифеста микадо при вступленіи его въ управленіе дѣлами, такъ-сказать политическая программа царствованія:

“Всѣ заботы правительства будутъ опредѣляться по совѣщанію съ народомъ всѣхъ провинцій имперіи”.

“Каждый изъ народа, будь онъ высокаго или низкаго званія, да блюдетъ себя, старательно изучая священныя книги”.

“Необходимо, чтобы всѣ члены императорскаго дома и всѣ благородныя сословія, совмѣстно съ прочимъ народомъ, были старательны въ исполненіи своихъ обязанностей и чтобы не было послабления въ ихъ трудахъ, хотя сердце человеческое и слабо”.

“Старые нецивилизованные обычаи и привычки да будутъ уничтожены и выведены изъ употребленія, а очевидныя законы природы да послужатъ основаніемъ всѣхъ нашихъ будущихъ мѣръ”.

“Знанія да будутъ пріобрѣтаться всѣмъ народомъ страны, и чрезъ то могущество имперіи да возрастетъ безконечно”.

“Въ виду настоящихъ перемѣнъ, болѣе обширныхъ, чѣмъ какія когда-либо происходили въ нашей странѣ, и преобразованій, которыя еще предстоитъ совершить, мы будемъ лично стоять впереди народа, въ чемъ и даемъ клятву передъ богами неба и земли”.

“Наша политика будетъ подчинена контролю общества, чтобы никто не могъ жаловаться, и всѣ могли жить въ радостномъ спокойствіи”.

“Соовѣтственно сему предоставляемъ всему народу высказывать пужды свои и желанія”.

Что послѣднее заявленіе микадо, вопреки обычаямъ азіатскаго Востока, имѣетъ практическое значеніе, можно доказать многими примѣрами. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, взятые на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы:

Князь Іецизень, въ поданномъ имъ императору меморандумѣ, изложилъ: “для блага страны изучить внимательно конституціи всѣхъ образованныхъ народовъ, отбросить изъ нихъ все дурное, выбрать лучшее, и это, возможно-хорошее, государственное устройство постепенно ввести въ Японію”. Князь нынѣ сдѣланъ министромъ, а совѣтъ его настолько не остался безплоднымъ, что изъ самой императорской фамиліи молодые люди посланы для образованія въ сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, не говоря уже про молодежь изъ знатныхъ домовъ, воспитывающуюся во всѣхъ государствахъ Европы.

Касудо Генджиро, дворянинъ изъ провинціи Инаба, въ іюнѣ 1869 г., т. е. когда еще раздавались послѣдніе выстрѣлы приверженцевъ сіюгуна въ Хакодате и императорское правительство едва выходило изъ междоусобія, причиненнаго паденіемъ тайкуната,—въ цѣломъ рядѣ писемъ, адресованныхъ притомъ въ иностранный журналъ въ Йокотамѣ, старался доказать, что существованіе сіюгуновъ, какъ главъ исполнительной власти, не царствующихъ, а только управляющихъ, полезнѣе для Японіи, чѣмъ личное управленіе самаго микадо, лица божественнаго происхожденія, и наследственной аристократіи, которая всегда ревнива къ своимъ привилегіямъ. Онъ эти письма

напечатавъ въ то самое время, когда даймиосы въ полномъ сборѣ находились въ Іеддо и на глазахъ самаго микадо совѣщались объ управленіи страной, основанномъ на безвозвратности тайкуната.

Одинъ небольшой чиновникъ, переводчикъ русскаго языка, знакомый съ Россіей, въ которой бывалъ, нѣкто Сига, подалъ правительству мемуаръ, въ которомъ доказываетъ необходимость "отступить отъ Сахалина, если Россія этого пожелаетъ, дабы избѣжать петолько вѣшнихъ затрудненій, которыя всегда будутъ возникать, если такой сильный сосѣдь недоволенъ, но и внутреннихъ хлопотъ, ибо Сахалинъ, неспособный кормить большое населеніе, всегда будетъ доставлять только расходы". Сига совѣтуетъ лишь "извлечь возможные выгоды изъ договоровъ 1855 и 1867 годовъ".

Нѣкто Уцѣма-Соске, человѣкъ изъ низшаго класса народа, какъ уже было упомянуто, подалъ правительству просьбу объ уничтоженіи оскорбительныхъ условій, въ которыхъ находятся такъ-называемые *иета* или японскіе паріи, большую частью кожевники и имъ подобныя рабочіе. Авторъ краснорѣчиво доказываетъ жестокую несправедливость существующихъ о нихъ законовъ, говорить "о природномъ равенствѣ всѣхъ людей, въ которомъ нетрудно убѣдиться, раздѣвъ до-нага бѣдняка и князя" и т. п., и проситъ объ уничтоженіи позорнаго законодательства. Если просьба его будетъ уважена, то не останется въ Японіи никого, чтобы не пользовался сполна гражданскими правами свободнаго человѣка.

Но впрочемъ не слѣдуетъ думать, что правительство молодого микадо есть ультра-прогрессивное. Напротивъ, по многимъ причинамъ его скорѣе можно назвать консервативнымъ и даже клерикальнымъ, но только сознающимъ необходимость *безотлагательно* идти впередъ, чтобы не остаться *безвозвратно* назадъ. Это видно напр. изъ слѣдующихъ фактовъ.

"Каждый человѣкъ, говоритъ микадо въ одной изъ своихъ прокламацій, да блюдетъ строго ученіе о пяти добродѣтеляхъ. Вы (поданные) будете сочувствовать вдовцамъ, вдовамъ, сиротамъ, старослуживымъ, неспособнымъ къ труду, больнымъ. Вы не будете убивать, грабить, воровать или вообще заппматься злодѣяніями".

Нетрудно замѣтить, что въ этомъ немногословномъ указѣ есть много нелотко консерватизма, но патріархальности, даже китаизма. Конечно, ни одно европейски-либеральное правительство не вздумало бы издать такого наивнаго адикта. Оно не рѣшилось бы повторять всѣмъ извѣстныхъ истинъ съ цѣлью показать себя предъ народомъ въ роли отца передъ дѣтьми, подобно китайскому богдыхану. Самыя "пять добродѣтелей" прямо переносятъ насъ къ Шунгину, т. е. въ Средняе царство и притомъ за тридцать столѣтій назадъ.

"Когда, говоритъ другой указъ микадо, для какого-нибудь дурнаго намѣренія люди соберутся въ нѣкоторомъ числѣ, то это будетъ *заговоръ*; когда они соберутся во множествѣ, чтобы подать правительству просьбу, это будетъ *толпа*; когда населеніе цѣлаго города или деревни соберется для дѣйствія массою, то это будетъ *бунтъ*. Всѣ эти вещи строго запрещаются, и если кто, узнавъ о нихъ, донесетъ властямъ, то получить награжденіе".

И такъ, собираться вмѣстѣ, чтобы составить просьбу правительству, есть преступленіе, которое микадо подводитъ даже подъ одну категорію съ заговоромъ и бунтомъ. Очевидно, что если бы въ дѣйствительно-либеральной странѣ, какъ напр. въ Англіи, правительство издало подобный законъ, то его сочили бы такъ нелотко консервативнымъ, но ретрограднымъ. Въ Японіи-же правительство допускаетъ пока публичные собранія лишь въ театрахъ и на религиозныхъ процессіяхъ.

"Развратная секта, называемая христіанами, издавна строго запрещена; и если кто-нибудь будетъ состоять въ подозрѣніи, что онъ принадлежитъ къ ней, то каждый да потщится довести объ этомъ властямъ и получить награжденіе".

Конечно, христіане два съ половиною вѣка тому назадъ сдѣлали много зла Японіи; конечно, и теперь никакимъ добрымъ дѣломъ въ пользу ея они не ознаменовали себя; напротивъ, вся цѣль ихъ вообще и мисіонеровъ въ частности—экенуатировать эту страну; но какъ-же оставаться упорнымъ въ религиозной нетерпимости, когда ежедневный опытъ доказываетъ японскому правительству, что теперешнее христіанство есть нѣчто другое, между самими европейцами, чѣмъ ученіе іезуитовъ XVII столѣтія? Это уже—консерватизмъ безсознательный, фанатическій, это—ультрамонтанство.—Любопытный конецъ обоихъ послѣднихъ указовъ: "кто донесетъ, тотъ получить награжденіе", — также мало-чѣмъ отличается отъ прежнихъ декретовъ тайкуновъ, стремившихся къ деспотизму и для того деморализировавшихъ народъ системой шіонства.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ консервативныя мѣры правительства имѣютъ очевидно добрую цѣль, хотя и не свободны отъ упрека въ самовластіи. Напримѣръ, одна изъ прокламацій, помѣщенныхъ въ "Придворныхъ Лѣтописяхъ", объявляетъ, что всѣ синтоескіе храмы, *міа*, должны быть немедленно очищены отъ буддѣйскихъ идоловъ. "Во всѣхъ частяхъ Японіи, говорятъ Лѣтописи, въ большихъ и малыхъ міа, изображенія будды были почитаемы, какъ божества; но теперь это зло должно быть уничтожено, и всѣ изображенія будды уже удалены изъ главныхъ храмовъ. Равно должно быть прекращено употребленіе въ синтоескихъ молитвенныхъ зданіяхъ буддѣйскихъ колоколовъ, бубновъ и вообще всѣхъ принадлежностей буддизма. Такъ-какъ замѣтка объ этомъ была предварительно

обнародована; то жрецы буддйскіе и синтоескіе уже имѣли жестокія столкновенія между собою, подобныя столкновеніямъ льда и огня; но теперь синтосы выиграли побѣду и получили на проведеніе мѣры санкцію микадо. Наблюденіе за исполненіемъ этого повелѣнія правительство приняло на себя во всѣхъ императорскихъ земляхъ; въ удѣльныхъ та-же обязанность лежитъ на князьяхъ и ихъ офицерахъ. А кромѣ того каждый староста въ деревнѣ имѣетъ, въ свою очередь, полномочіе очищать синтоескіе храмы отъ несовѣстной имѣ обстановки". Мѣра относительно уничтоженія идоловъ приводится съ такою настойчивостью, что даже шла рѣчь о продажѣ знаменитой статуи Дайбудза въ Камакурѣ, воздвигнутой однимъ изъ прежнихъ сѣюгуновъ.

Болѣе всего консерватизма, и часто весьма неудачнаго, высказывается въ разныхъ полицейскихъ мѣрахъ японскаго правительства. Такъ ему непріятно, напр., что въ странѣ могутъ появиться *лоинны*, т. е. люди безъ дѣла, отчасти бродяги (которыхъ однако-же нельзя избѣжать потому, что во-первыхъ 1869 годъ былъ неурожаенъ, а во-вторыхъ емо правительство осенью того года уволило до 400,000 служащихъ въ отставку),—и потому оно издастъ вотъ какой указъ:

"Такъ-какъ императорское правительство нынѣ одно, и все подъ небесами находится въ мирѣ, никто не сѣтуетъ, и всякій можетъ спокойно записаться своими дѣлами, микадо-же прилагаетъ великія заботы, чтобы не было бѣдняковъ, которые оставались бы безъ дѣла и бродили безъ пристанища, то..... всякое бродяжничество запрещается (!). И если найдется хоть междудесятью тысячами одинъ бродяга, то..... мѣстный науши, т. е. судья или уличный либо деревенскій старшина, будетъ виновенъ (!)".

Это совершенно по-китайски. Въ Средниомъ царствѣ все дѣлаютъ только чиновники; одни они суть и отвѣтчики за все; однихъ ихъ караетъ правительство, когда въ народѣ голодъ, нужда, ропотъ, бунтъ. За то тамъ они облечены и властью вмѣшиваться во все; а каковъ отъ этого результатъ для народа, то извѣстно цѣлому свѣту. Если японское правительство желаетъ, въ свою очередь, управлять страню чрезъ мандариновъ, то очевидно, что въ этомъ нѣтъ большаго политическаго преуспѣянія. О томъ-же, что изданное имъ распоряженіе и даже великія заботы микадо объ уничтоженіи пауперизма ни къ чему не ведутъ, нѣтъ пужды говорить уже потому, что число нищихъ на улицахъ и по дорогамъ постоянно очень велико.

Другое, столь-же неудачное распоряженіе, и опять по поводу бродяжничества, находится въ томъ-же указѣ правительства и гласитъ слѣдующее:

"Не только лица благородныхъ сословій, но также земледѣльцы и кушцы, когда пожелають напять слугъ, должны спрашивать ихъ и

стараться открыть: откуда они и не были ли бродягами? Если послѣ того за паятыми слугою будетъ открыто преступленіе, то хозяинъ подлежитъ отвѣту".

И такъ, чтобы стѣснить бродяжничество, японское правительство ставитъ въ ложное положеніе всѣхъ слугъ и всѣхъ господъ въ государствѣ. Первые какъ бы низводятся на стени домашнихъ животныхъ тѣмъ, что хозяева отвѣчаютъ за ихъ проступки, какъ за проказы собаки и лошади; а вторые, т. е. господа, обращаются въ тирановъ, господствующихъ не только надъ настоящими, но надъ прошедшими и даже будущими слуги. Въ этомъ случаѣ іеддоскій кабинетъ очевидно поступилъ такъ, какъ привыкли поступать всѣ азійскіе правительства, которые, встрѣтаясь съ затрудненіемъ, часто даже сами создавъ его, не знаютъ другихъ мѣръ, кромѣ репрессивныхъ, давящихъ народъ, осложняющихъ людскія отношенія и создающихъ кару тамъ, гдѣ трудно избѣжать полицейскаго проступка безъ средствъ, возмущающихъ честную душу.... Безъ сомнѣнія, каждый хозяинъ и самъ постарается навести справки о нанимаемомъ слугѣ; но сдѣлать эти справки обязательными, вводить инквизицію, подвергать одно лицо отвѣтственности за поступки другого можетъ только правительство съ деспотическими наклонностями. И особенно страннымъ изложенное требованіе кажется послѣ того, какъ всякій японецъ и безъ того носитъ у себя на поясѣ досчечку съ обозначеніемъ своего имени и происхожденія, досчечку, которая всегда на виду у полиціи, имѣющей такимъ образомъ возможность слѣдить за всѣми людьми подозрительными.

По отношенію къ пробному камню правительствъ либеральныхъ или консервативныхъ, къ законамъ о печати, японское правительство однако-же высказалось шире, чѣмъ въ законахъ о сходахъ и о бродягахъ и въ № 1-мъ "Отечественныхъ и Чужеземныхъ повостей" за 1870 годъ, газеты, издаваемой въ Іеддо (*), находится слѣдующее постановленіе:

"Во всей Японіи обнародованіе газетъ дозволено каждому, и желающій публиковать ихъ только подаетъ объ этомъ заявленіе въ кайседжію, т. е. въ министерство народнаго просвѣщенія".

"Министерство, получивъ это заявленіе, немедленно выдаетъ нужное дозволеніе, и съ этой минуты газета можетъ выходить въ свѣтъ".

"Правила, существующія для періодической печати, выдаются каждому тѣмъ-же министерствомъ. Онѣ суть":

"1. Каждая газета должна имѣть названіе".

(*) Изданіе ея продолжается уже нѣсколько лѣтъ, и вмѣстѣ съ кіотскими "Придворными Лѣтописями" она доставляетъ много хорошихъ матеріаловъ для изученія современной Японіи.

“2. Принявъ это названіе и получивъ правительственное разрѣшеніе, газета уже не нуждается ни въ правительственномъ штемпелѣ, ни въ предварительномъ просмотрѣ: но два экземпляра ея посылаются въ кайседжіо”.

“На каждой газетѣ должны быть обозначены: мѣсто изданія, номеръ, мѣсяцъ и число, а также имена издателя и редактора”.

“4. Если въ какой-нибудь статьѣ сообщается обвиненіе, то издатель обязанъ представлять всѣ доказательства и объясненія тому лицу, которое можетъ предполагать себя обиженнымъ”.

“5. Общія перемѣны и событія въ цѣломъ свѣтѣ или въ отдѣльных мѣстностяхъ, торговые объявленія, прейсъ-куранты, правительственные постановленія и проч. могутъ быть печатаемы свободно; но газета не должна говорить дурно о правительствѣ”.

“6. Если въ публикуемыхъ военныхъ извѣстіяхъ будетъ обнаружена очевидная ошибка или пущенъ сомнительный слухъ, и издатель откажется ихъ исправить, то будетъ преслѣдуемъ”.

“7. Газеты могутъ свободно публиковать новости о пожарахъ, свадьбахъ, похоронахъ, школахъ, торговлѣ, удовольствіяхъ, модахъ, банкахъ, конторахъ, переводахъ и другія текущія новости”.

“8. Всякая корреспонденція и полемическая статья должна быть сопровождаема именемъ автора; но для поэтическихъ произведеній въ этомъ иѣтъ надобности”.

“9. Брань въ газетахъ не допускается”.

“10. Споры о предметахъ религіозныхъ—то-же”.

Законъ этотъ, какъ справедливо замѣтилъ одинъ англійскій іоконгамскій журналъ, либеральнѣе, чѣмъ бонапартистскіе законы о печати во Франціи. Но необходимо замѣтить, что на дѣлѣ журналы перѣдко запрещаются, почему наряду съ періодической печатью развилась литература памфлетовъ, которая, говорятъ, была особенно обильна и исполнена духа сатиры во времена сіюгуновъ.

Любопытно видѣть, какъ правительство ставитъ передъ народомъ своихъ агентовъ, чиновниковъ, и какія обязанности возлагаетъ на нихъ. Вотъ для этого нѣсколько выдержекъ изъ инструкціи по министерству внутреннихъ дѣлъ (*):

“1. Въ управленіи народомъ и веденіи дѣлъ всѣ чиновники страны должны слѣдовать одной системѣ, особенно во всемъ, что касается обычаевъ и манеръ, соблюденія приличій, уваженія къ званіямъ и пр.”.

“2. Каждый офицеръ (т. е. служащій вообще) долженъ исполнять свои обязанности такъ, чтобы не было замѣтно ни малѣйшей поклон-

(*) Мимбо-шо; точнѣе было бы назвать его министерствомъ финансовъ, ибо оно собираетъ подати; но какъ въ предѣлахъ его вѣдомства находятся и дѣла вовсе не финансовыя, то оставляемъ названіе, приведенное въ текстѣ.

ности къ непослушанію. Еслибы что возбуждало сомнѣнія, то нужно относиться въ министерство”.

“3. Ежели при разборѣ дѣлъ въ провинціяхъ, городахъ и округахъ встрѣтятся затрудненія, то мѣстные власти должны также обращаться въ министерство”.

“4. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ, когда министерство само не найдетъ возможнымъ дать рѣшеніе, оно относится въ верховный совѣтъ; и когда совѣтъ постановитъ рѣшеніе и микадо оное утвердитъ, то министерство производитъ исполненіе”.

“5. Въ 10 часовъ утра всѣ служащіе должны быть въ своихъ присутственныхъ мѣстахъ и до полудня завершать всѣ дѣла, оставшіеся отъ предыдущаго дня, а послѣ полудня до 2 часовъ заниматься дѣлами текущими. Когда есть дѣла важныя, то не должно расходиться прежде окончанія ихъ”.

“6. Во время служебныхъ заятіи никакія частныя бесѣды не допускаются”.

“7. Лица, сдѣлавшія какое-нибудь отступленіе отъ закона, должны быть подвергаемы выговору или наказанію, соотвѣтственно винѣ, которая должна быть ясно доказана. При этомъ каждый чиновникъ, производящій дознаніе, долженъ не ограничиваться общими вопросами въ родѣ: “незнаете-ли вы того-то?”—но входить въ подробности”.

“8. Офицеры и князья, проезжающіе по дорогамъ, должны платить столько, чтобы не было тягостно народу. Офицеръ посланный по службѣ, долженъ имѣть лишь необходимые пожитки и платить, по обычаю, половину денегъ впередъ”.

И такъ далѣе. Служебное поведеніе чиновниковъ и порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ въ административныхъ мѣстахъ, какъ видимъ, опредѣлены закономъ, хотя нельзя не замѣтить, что въ составленіи инструкціи принимали участіе одни чиновники; ибо дѣятельность ихъ ограничена только четырьмя часами въ день и, что еще важнѣе, предѣлы власти не разграничены съ точностью. Теперь посмотримъ, какъ далеко простирается вѣдѣніе администраціи; инструкція говоритъ:

“1. Если гдѣ-нибудь разумные сыновья покажутъ примѣръ сыновняго почитанія; то имена ихъ должны быть правителями сдѣланы извѣстными, для примѣра народу”.

“2. Обработка полей, садовъ, тщательная уборка ихъ произведеній, а также рыболовство, лѣсоводство и скотоводство должны быть предметомъ заботливости чиновниковъ”.

“3. Карты всѣхъ провинцій должны быть сдѣланы и, вмѣстѣ со списками домовъ, именами и числомъ жителей, должны быть доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ”.

"4. Починка казенныхъ зданій, мостовъ, дорогъ и проч. должны быть предметомъ тщательнаго вниманія. Гдѣ такія починки нужны, мѣстныя власти должны входить съ представленіемъ въ министерство"..... и т. д.

Отсюда видно, что на японскую бюрократію возложена столь-же сложная задача, какъ и на китайскую: обнимать своею дѣятельностью всю внутреннюю жизнь народа, даже до семейныхъ добродѣтелей и пороковъ. Для полноты сходства не достаетъ только всенароднаго чтенія наставленій каждый двѣ недѣли. Отъ того чиновничество столь многочисленно и такъ дорого обходится народу, хотя мы уже замѣтили, что нынѣ особыми штатами положенъ предѣлъ его размноженію.

Оставляя теперь въ сторонѣ законы полицейско-административные, которыхъ образцы здѣсь представлены, перейдемъ къ хозяйственнымъ, которые при настоящемъ состояніи Японіи имѣютъ особую важность. Вотъ, во-первыхъ, указъ о монетѣ и ассигнаціяхъ, составленіе котораго принадлежитъ главнымъ образомъ Окумъ-шін, нынѣшнему директору финансовой части въ Іеддо:

"1. Золотая и серебряная монета чеканится одна для всей страны".

"Въ послѣднее время было много случаевъ поддѣлки монеты и распространенія ея между туземцами и иностранцами, а вслѣдствіе того съ одной стороны распространялась паника между бѣнлами, съ другой-же стороны правительство несло убытки (*). Того ради объявляется, что такая поддѣлка есть важное преступленіе, и если какой-нибудь купецъ или мѣшала станетъ заниматься плавленіемъ монеты, то, по собраніи доказательствъ, будетъ наказанъ (**). Если кто застанетъ поддѣлывателя за его преступнымъ ремесломъ, то безъ сожалѣнія долженъ представить его властямъ".

"2. Кинсацы (ассигнаціи) должны обращаться наравнѣ съ монетою въ теченіе тринадцати лѣтъ; но правительство надѣется изъять ихъ изъ обращенія раньше".

"Прежнее (1868 г.) постановленіе о выпускѣ 50 милліоновъ рю (около 125,000,000 руб. сер.) нынѣ отмѣнено; но въ обращеніи остаются: болѣе 13 милліоновъ, уплаченныхъ земледѣльцамъ, 14 1/2 милліоновъ выданныхъ правительствомъ въ уплату за разныя потребности лѣтомъ 1868 г., и 5 милліоновъ пущенныхъ въ оборотъ

(*) Японское правительство фальшивую монету, по предъявленіи ея лицами обманутыми, не разъ мѣняло на хорошую, чѣмъ китайцы да и другіе иностранцы не упускали случая пользоваться.

(**) Смертью; но когда въ маѣ 1870 г. въ домѣ англійскаго посланника открытъ былъ фабрикантъ кинсацовъ, кинсаецъ, то его, какъ британскаго подданнаго, пришлось осудить на 3 года тюрьмы, между тѣмъ, какъ трое его сообщниковъ, китаецъ-же и два японца, осуждены на смерть.

въ 1869 году. И хотя есть еще нѣкоторыя отдаленныя провинціи, въ которыя не выслано кинсацевъ; но правительство, боясь чрезъ увеличеніе выпуска ихъ затруднить себя въ послѣдствіи выкупомъ, рѣшилось остановиться на 32 1/2 милліонахъ рю и прекратить фабрикацію бумажекъ. Самыя доски, съ которыхъ производилось печатаніе, уничтожены, и объ этомъ уже доведено до всеобщаго свѣдѣнія".

"3. Такъ-какъ выдѣлка кинсацовъ прекращена и число ихъ ограничено правительствомъ, то всякая плата за промѣнъ ихъ прекращается и они будутъ вымѣниваться al-pari".

"Правительство собиравъ князей, приняло совѣты объ извлеченіи основаній для устройства финансовъ страны и съ зимы 1869—1870 года начало уже вводить повсемѣстно одну монету, которая и замѣнитъ окончательно все старыя въ 1872 году".

"Если къ окончательному сроку часть кинсацевъ не будетъ выкуплена, то останется государственнымъ долгомъ, по которому будетъ выплачиваться 5% каждое полугодіе, въ 7 и 12 лунъ".

"4. Если кто-нибудь промѣняетъ серебро на кинсацы съ прибылью для себя, то заплатитъ штрафъ въ размѣрѣ прибыли; тотъ, кто продастъ кинсацы съ убыткомъ, заплатитъ штрафъ, равный полонинѣ убытка".

"Кто попадется въ тѣхъ-же проступкахъ по обмѣну кинсацевъ на серебро не al-pari вторично, тотъ заплатитъ вдвое болѣе штрафъ, и такъ далѣе, прогрессивно".

"И ежели кто, послѣ предыдущихъ пеней и запрещеній, будетъ неохотно брать или отвергать кинсацы, то будетъ штрафованъ по мѣрѣ вины".

"5. Каждый, кто увидитъ или услышитъ о нарушеніяхъ этихъ правилъ относительно кинсацевъ, можетъ секретно извѣстить свое начальство и тогда будетъ имѣть право на полученіе 8 % изъ суммы, взысканной изъ нарушителя".

Такъ-какъ недостатокъ драгоценныхъ металловъ въ странѣ, доказываемый выпускомъ ассигнацій, заставилъ японцевъ обратиться къ разработкѣ ихъ рудныхъ богатствъ; то правительство нынѣ разрѣшило свободный доступъ во всю Японію иностраннымъ горнымъ инженерамъ безъ всякихъ особыхъ формальностей, а только съ увѣдомленіемъ отъ хозяина рудника министерству иностранныхъ дѣлъ, что такой-то иностранецъ принятъ за такую-то плату. Выбѣтъ съ тѣмъ оно издало и законы о горномъ промыслѣ слѣдующаго содержанія:

"1. Во всѣхъ частяхъ страны рудники могутъ быть свободно разрабатываемы съ согласія владѣльцевъ почвы. Ежели кто приступилъ къ разработкамъ прежде полученія этого согласія, то долженъ поспѣшить съ извѣщеніемъ объ этомъ подлежащихъ властей провинціи или округа и приступить къ продолженію работъ не раньше

полученія пужаго дозволенія. Старые, глупые и варварскіе законы на счетъ горныхъ промысловъ отмѣняются; во все количество рудъ, добываемое изъ рудниковъ, должно быть предъявляемо горному управленію”.

“2. Затѣмъ руды золотыя, серебряныя и мѣдныя, вынутыя изъ рудниковъ, должны расплавляться массами и чистый металл передаваться правительственному офицеру, который будетъ удостовѣряться, что правительство не обмануто. Мѣдъ должна быть приготовляема въ видѣ штыковъ, плитъ или вообще кусковъ определенной формы. Когда сумма, причитающаяся владѣльцу почвы, будетъ уплачена, то остальное количество металла сдается въ казенное горное управленіе”.

“3. Хотя горное управленіе могло бы само дѣлать оцѣнку золота, серебра и мѣди по постоянной таксѣ; но владѣльцы металловъ будутъ получать уплату за нихъ по рыночнымъ цѣнамъ. А если кто пожелаетъ продать товаръ иностранцамъ, то долженъ дать знать объ этомъ тамошнѣ и получить отъ нея ордеръ на вывозъ, безъ чего отпускъ металловъ есть преступленіе, которое будетъ пресѣдуемо”, и т. д.

Изъ этого видно, что монополія казны на владѣніе металлами остается почти въ томъ-же видѣ, какъ была при сіюгуахъ, и правительство, уничтожая “старые, глупые и варварскіе обычаи и законы”, не воспользовалось случаемъ отъ нея отказаться. Но впрочемъ эта смѣсь либеральныхъ нововведеній съ старыми порядками составляетъ пока отличительную черту современнаго японскаго правительства, и ее нетрудно уже было замѣтить при чтеніи всѣхъ приведенныхъ выше постановленій. Можно бы подтвердить это и еще многими выдержками изъ законовъ; но кажется, что и перечисленныхъ достаточно. Особенно странно и тяжело видѣть противорѣчія между либеральной программой правительства и уголовнымъ законодательствомъ страны. Самые тиранскіе виды смертной казни еще существуютъ, и не только отсѣченіе головы очень обыкновенно, но даже сожженіе за-живо, распятіе на крестѣ съ прободеніемъ реберъ и проч. Число казненныхъ ежегодно весьма велико, и одиѣ волненія якудзювъ и крестьянъ въ первые три-четыре мѣсяца 1870 года доставили пачачамъ многія десятки жертвъ. пытки при допросахъ также составляютъ законную часть японскихъ криминальныхъ процессовъ, и если нѣтъ такихъ сложныхъ орудій для нихъ, какъ были въ христіанской Европѣ XVI—XVIII столѣтій, то вѣроятно лишь потому, что жрецы не призваны въ Японию къ юриспруденціи, какъ были въ Испаніи доминиканцы.— Непереносимая религіозная также весьма рѣзко высказывается у теперешняго японскаго правительства, вѣроятно потому, что оно имѣетъ божественнаго, непогрѣшимаго въ дѣлахъ вѣры главу. Мы

уже видѣли, какъ относятся къ буддизму и христіанству микадо и его совѣтники на бумагѣ: прибавимъ, что дѣло не расходится съ словомъ и что не только мертвые идолы являются жертвами японскаго правовѣрія, но и живымъ людямъ, на примѣръ христіанамъ, приходится нести тяжелую участь. Такъ нѣсколько тысячъ послѣднихъ были схвачены, не дальше какъ въ январѣ 1870 года, около Нагасаки и въ суровую зиму перевезены на Мацмай, а прежнія ихъ жилища сожжены и сравнены съ землею. Впрочемъ, можно думать, что всѣ эти остатки варварства должны быстро стереться отъ напора гуманныхъ идей, отъ привитія новыхъ началъ гражданственности. Судьба надѣлила японцевъ однимъ важнымъ условіемъ исторической жизни, котораго не имѣютъ многіе другіе народы Востока и которое будетъ ихъ мощно двигать впередъ на пути прогресса. Она дала имъ территорію необширную и открытую со всѣхъ сторонъ для нападенія вышнихъ враговъ. Вслѣдствіе этого японцы — и лица правительственныя прежде другихъ — не могутъ заблуждаться въ выборѣ средствъ для сохраненія своей независимости и самостоятельности, т. е. перваго условія національной жизни. Они не могутъ, подобно китайцамъ, смѣшивать огромности размѣровъ съ могуществомъ государства и думать, что страна ихъ — “непобѣдимый колодезь”. Приходится, въ силу неотразимой исторической необходимости, обращаться къ другому оружію, болѣе дѣйствительному въ наше время — къ образованію въ европейскомъ смыслѣ, и обращаться безъ оговорокъ, безъ отвиливаній, къ которымъ на примѣръ прибѣгаетъ Китай, который все еще думаетъ, что достаточно имѣть обширныя земли, толпу классически-образованныхъ мандариновъ и большую, вооруженную винтовками армію, чтобы много вѣснить въ политическомъ мірѣ и быть безопаснымъ отъ всѣхъ непріятелей. Европейское-же образованіе составляетъ такую стройную систему, что введеніе его возможно лишь въ цѣломъ объемѣ, а не по частямъ, каковы бы ни были полицейскія и клерикальныя суровости противъ нѣкоторыхъ изъ руководящихъ имъ началъ. А какъ вліяніе этого историческаго закона уже рѣзко обозначилось на японцахъ, какъ къ нему присоединились еще природныя склонности и дарованія націи — живой умъ, горячее воображеніе, сознаніе своего превосходства надъ сосѣдями и желаніе его сохранить, то нетрудно понять, что старому зданію японскаго феодализма, съ его патріархальными привычками, не устоять долго безъ перестройки на-ново во всѣхъ частяхъ. И правительство микадо, имѣя въ средѣ своей такихъ людей, какъ Ивакура, Иеизенъ, Терасима, хорошо понимаетъ это, стараясь своевременными реформами отвратить революцію. Не болѣе, какъ въ два года, оно явило уже очень много доказательствъ своего благоразумія и гуманности, а потому можно въ немъ видѣть вожди, достойнаго вести народъ и въ будущемъ. Конечно, микадо

долго еще будетъ хранить свой монархическій prestige, конечно, не онъ, Дай-эй-канъ (*), и вѣроятно не сынъ его скажутъ японцамъ : "господа, я только старшій чиновникъ у васъ въ федераціи", какъ сказалъ Грантъ у себя въ Вашингтонѣ и какъ желали бы нѣкоторые горячія головы, подобныя Энмото; но и то, что сдѣлано до сихъ поръ, служить хорошимъ залогомъ для будущаго. Нетолько законодательная дѣятельность правительства представляетъ много прогрессивнаго движенія; но и въ самыхъ обычаяхъ страны имъ вводятся исподволь перемѣны, которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, едва-ли не важнѣе перемѣны законовъ. Такъ въ теченіе 1870 года микадо, прежде вѣчно невидимый, какъ божество, впервые явился народу открыто, на смотрѣ своихъ войскъ; жена его начала учиться европейской музыкѣ, одинъ изъ ближнихъ родственниковъ сталъ посѣщать европейское общество. Это уже важные шаги для всей будущей судьбы японской монархіи. Часто повторяемые совѣты съ князьями также рѣзко отличаютъ теперешнее правительство отъ самовластной администраціи сіюгуновъ, и гуманное направленіе его идей внушаетъ довѣріе просвѣщенной части народа, что много облегчаетъ ходъ дѣлъ. Изъ междоусобной войны, т. е. изъ самаго щекотливаго положенія, теперешній іеддоскій кабинетъ вышелъ съ честью, мало уступающей той, какую приобрѣлъ вашингтонскій послѣ войны 1861-5 годовъ. Князь Айдзу, глава инсurreкціи 1868-9 г., признанный судомъ перовъ "достойнымъ болѣе, чѣмъ смерти", прощенъ; Энмото, главнокомандующій повстанцевъ, оставленъ живымъ; люди, которые провозгласили на Мацмаѣ республику и требовали себѣ отъ микадо только президента (**), оставлены въ покоѣ; мало того : одному изъ нихъ даже предлагали важную должность. Миръ водворенъ въ странѣ прочный, и можно думать, что при такомъ порядкѣ вещей правительство скоро вылезетъ и отъ послѣднихъ недуговъ стараго времени.

Токогама, июль 1870.

(*) Собственно, имя микадо неизвѣстно; но всѣ правительственные акты выходятъ за подписью *Дай-эй-канъ*, которой буквального значенія, къ сожалѣнію, не могу дать.

(**) Въ лицѣ Мимбо-по-тайю, нынѣшняго князя Мито, брата Стоцбаши.

- Японскія острова и.
1. Аомори 2. Иватэ 3. Фукусима 4. Миэ 5. Сигама 6. Чиба 7. Токио 8. Канагава 9. Сайтама 10. Чиба 11. Токио 12. Канагава 13. Сайтама 14. Чиба 15. Токио 16. Канагава 17. Сайтама 18. Чиба 19. Токио 20. Канагава 21. Сайтама 22. Чиба 23. Токио 24. Канагава 25. Сайтама 26. Чиба 27. Токио 28. Канагава 29. Сайтама 30. Чиба 31. Токио 32. Канагава 33. Сайтама 34. Чиба 35. Токио 36. Канагава 37. Сайтама 38. Чиба 39. Токио

ЛИКЕЙСКІЕ ОСТРОВА